

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Т. 22 • № 4 • 2016 •
• ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Осипова Н.Г., Челищев В.И.* Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью 3
Полякова Н.Л. “Идентичность” в современной социологической теории. 22
Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (*окончание*) 43
Островская Е.А. Биографический нарратив в изучении религиозности 65

Социология глобализации

- Малюк А.Н.* Интерпретация концепта глобализации сквозь призму мир-системного анализа 81

Социология миграционных процессов

- Новосёлова Е.Н.* Миграционная ситуация в столичном мегаполисе: проблемы и перспективы 98

Социология медицины

- Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья 119

Политическая социология

- Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С.* Политическое лидерство перед вызовами современности. 142
Перевезенцева Ю.А. Политическое управление и базовые управленческие функции государства. 164

Социология труда и управления

- Ахметшина Е.Р., Клюева Т.В., Полетаева О.В.* Образ жизни и социальное самочувствие свободно занятых работников: межрегиональное сравнение . . . 172
Дудуева Ф.А., Липатова А.Е., Пашко А.И., Семихова М.А., Третьяков Я.А. Современные исследования персонала. Социологический анализ управления персоналом и занятостью в диссертационных исследованиях 194

Научная жизнь

- Осипова Н.Г., Кухтевич Т.Н., Соломатина Е.Н.* Обзор тематики и содержания диссертаций по социологии, рассмотренных диссертационным советом Д 501.001.01 на базе МГУ имени М.В. Ломоносова с 2005 по 2015 г. . . 217

CONTENT

Theory, methodology and history of sociology

- Osipova N.G., Chelischev V.I.* Social mechanisms and technologies of manipulative management of the person 3
- Polyakova N.L.* “Identity” in contemporary sociological theory 22
- Dobrinskaya D.E.* Sociological understanding of Internet: theoretical approaches to the network analysis. 43
- Ostrovskaya E.A.* Biographical narrative applied to the study of religiosity . . . 65

Sociology of globalization

- Maliuk A.N.* The concept of globalization from the world-system perspective . . 81

Sociology of migration

- Novoselova E.N.* The migration situation in the capital megapolis: problems and prospects 98

Sociology of medicine

- Osipova N.G.* The social construction of the public health 119

Political sociology

- Samsonova T.N., Shpuga E.S.* The challenges political leadership faces in the modern world 142
- Perevezentseva J.A.* Political governance and basic administrative functions of the state. 164

Sociology of labor and management

- Akhmetshina E.R., Klyueva T.V., Poletaeva O.V.* Lifestyle and social well-being of freelancers: cross-regional comparisons. 172
- Dudueva F.A., Lipatova A.E., Pashko A.I., Semikhova M.A., Tretyakov Y.A.* Modern researches of personnel. Sociological analysis of personnel management and employment in dissertation researches 194

Scientific life

- Osipova N.G., Kuhtevich T.N., Solomatina E.N.* Overview of subjects and the contents on sociology dissertations, analyzed by the council D 501.001.01 based on the Lomonosov Moscow State University from 2005 to 2015. 217

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

В.И. Челищев, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного социального университета*

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛЯТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ

N.G. Osipova, professor, doctor of sociological sciences, dean of the Faculty of sociology of the Lomonosov Moscow State University, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

V.I. Chelischev, PhD in political science (the candidate of political sciences), Russian state social university, the leading researcher, e-mail: kirill99d@mail.ru

SOCIAL MECHANISMS AND TECHNOLOGIES OF MANIPULATIVE MANAGEMENT OF THE PERSON

В статье анализируются различные точки зрения на индивидуальную и социальную обусловленность подверженности личности манипулятивным воздействиям. Особое внимание уделяется широкому социальному контексту современных трансформаций, в процессе которых увеличивающийся поток информации и новые формы ее подачи, буквально обрушившиеся на человека в последние десятилетия, ведут к “несвязности” ощущений, а уверенность и фиксированные стандарты постепенно заменяются неизвестностью, побуждают к поверхностному восприятию вещей, к ощущению сиюминутности бытия и отрицанию исторических закономерностей.

Авторы утверждают, что в такой ситуации особенно активизируется деятельность организаций и отдельных лиц, целью которых является оказание воздействия на людей, подчинение их своим специфическим частным интересам. При этом основным элементом манипулятивного воздействия является возможность навязать собственные решения актуальных проблем или вовлечь в сети манипуляций людей, которые к этому предрасположены.

В статье анализируются концепции, которые объясняют подверженность манипулятивным воздействиям врожденными психическими качествами личности; рассматривается теория “паттернов”, выдвинутая отечественным исследователем В.В. Красиковым.

Авторами выделены конкретные социально-психологические механизмы, которые делают людей подверженными манипулятивному управлению, а также доказан факт социально обусловленной культивации конформного

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

* Челищев Владимир Игоревич, e-mail: kirill99d@mail.ru

мышления в условиях определенных социальных, экономических или политических обстоятельств.

Ключевые слова: личность, манипулятивное управление личностью, теория “паттернов”.

The article analyzes the different points of view on individual and social conditioning of the individual exposure to manipulative influences. The special attention paid to broad social context of modern transformations when the increasing stream of the information and the new forms of its giving which literally has fallen upon the person. In last decades it conducts to the “incoherence” of sensations, when the confidence and the fixed standards were replaced by uncertainty, incite to superficial perception of things, to sensation of the feeling immediacy of life and to negation of historical regularities. Authors assert that in such situation activity of the organizations and the separate persons which purpose is influence rendering on people, submission to their specific private interests is especially stirred up. The main element of the manipulative influence is the ability to impose their own solutions of urgent problems or engage in manipulation of networks of people who are predisposed to it. This article analyzes the concepts that explain susceptibility to manipulative influences of congenital mental qualities of the person; discusses the theory of “patterns”, launched by domestic explorer V.V. Krasikov.

Authors allocate concrete socially-psychological mechanisms which allow people to be subjected to manipulative management, as well as the proven fact of socially conditioned cultivation conformal thinking in a certain social, economic and political circumstances.

Keywords: person, manipulative management of the person, theory of “patterns”.

В конце прошлого столетия глобализация социального и политического пространства, интенсификация образа жизни людей, направленное воздействие СМИ на массовое сознание предопределили серьезный культурный переворот.

Как отмечают исследователи, научно-технический прогресс сделал относительно казавшиеся прежде базовыми, абсолютно непоколебимыми вещи: стало возможным изменение не только гражданства, конфессиональной или социальной принадлежности человека, но и его пола.

Сегодня значителен и неуправляем конгломерат самых разнообразных сведений, обрушивающийся на современных индивидов. Увеличивающийся поток информации и новые формы ее подачи позволяют ей как бы пересекать пространство и время, что ведет к “несвязности” ощущений: даже время и пространство становятся относительными. В итоге уверенность и фиксированные стандарты постепенно заменяются неизвестностью и скептицизмом, а образы, создаваемые СМИ, порождают поверхностное восприятие вещей, а не познание их сути, цинизм, а не веру, жажду постоянных перемен, а не соблюдение традиций, ощущение сиюминутности

бытия и отрицание исторических закономерностей¹, как считает британский социолог Доминик Стринати².

Очевидно, что в таких ситуациях человеческой психике необходима защитная реакция, которая в конечном счете формирует специфическую ментальность — совокупность интеллектуальных и психических установок, определяющих поведение социальной и этнической группы, а также индивида³, которая ориентирует *на поиск зоны безопасности в период стремительных культурных изменений*.

Именно в такой период активизируется деятельность организаций и отдельных лиц, целью которых является оказание воздействия на людей, подчинение их своим (экономическим, политическим и специфическим частным) интересам.

Обычно они выдвигают лозунги и постулаты, привлекательность которых во многом базируется на том, что они содержат решения, которые в сложном современном мире представляются простыми, легко осуществимыми и, прежде всего, безальтернативными, *что вселяет в человека уверенность в совершаемых действиях*.

Например, ученые считают, что всегда открытый для человечества широкий вопрос “Какой способ поведения в обществе является надлежащим?” для многих религиозных групп заменен на много более узким — “Как должны последователи конкретных религиозных конфессий вести себя в современных условиях?” Даже в обществах, в которых приверженцы ислама составляют большинство, в результате глобальных процессов экономической и культурной интеграции появилась возможность жить по-другому, отступая от “прямого пути”, предписанного исламом⁴, — подчеркивает англо-ирландский ученый и писатель Мэлайз Ратвен (*Malise Ruthven*)⁵.

Настоящее предлагает возможность выбора там (включая религиозный выбор), где его не было прежде.

Так, в эпоху “Золотого века ислама” альтернативы исламскому образу жизни для большинства людей, населявших территории, подвластные приверженцам ислама, просто не существовало. Там, где свинина не доступна, никому не нужно принимать решение о том, есть “хот-доги” или нет. Где вино — привилегия элиты, ко-

¹ *Srinati D.* Postmodernism and popular culture // *Sociology Review*. 1992. April. P. 3.

² Доминик Стринати (*Dominic Srinati*) — автор известной книги “Введение в теории массовой культуры” (*An introduction to theories of popular culture*), с 1995 г. переиздававшейся более 10 раз.

³ *Иванов В.Н., Семигин Г.Ю.* Ментальность политическая // *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 526.

⁴ *Ruthven M.* Fundamentalism. The search for meaning. N.Y., 2005. P. 200.

⁵ На русском языке в 2005 вышла его книга: “Ислам. Краткое введение” (*Islam: a very short introduction*).

торая скрытно употребляет его в стенах своих дворцов, допустимость потребления алкоголя не является насущным вопросом. В обществах, в которых гендерные роли жестко фиксированы, гомосексуальные отношения редко рассматриваются как угроза существующему социальному порядку. Под давлением реалий современности все эти проблемы приобретают существенное значение и ставят вопрос о необходимости маркировки границ между своими и посторонними, сообществами “верных” и “неверных”.

В связи с этим в современной мультикультурной среде остро встает проблема выявления принципов социального поведения, которые являются надежным способом обозначить различия между сторонниками и противниками, между “нами” и “ними”. Так, особый стиль поведения часто преднамеренно используется теми членами общества, кто стремится отделить себя от широкого общества.

В данном отношении основным элементом манипулятивного воздействия является возможность навязать собственные решения актуальных проблем или вовлечь в сети манипуляций людей, которые к этому предрасположены.

Целесообразно остановиться на концепциях, которые были предложены зарубежными и отечественными учеными, чтобы объяснить причины, способствующие формированию подобной предрасположенности.

Особый интерес представляют выводы немецкого ученого Дитера Функе (*Dieter Funke*)⁶ и британского ученого Стюарта Сима (*Stuart Sim*)⁷, которые объясняют приверженность конкретному стилю мышления врожденными психическими качествами личности.

Например, к фундаментализму обычно тяготеет тип личности, который в своей психике совмещает шизоидную и навязчивую структуры.

Шизофреники не доверяют миру, они сконцентрированы на себе и автономны, чужды самоанализу и самокритике, но жаждут уверенности и безопасности, склонны к созданию “козлов отпущения”.

⁶ Нам особенно интересны следующие работы Дитера Функе: *Funke D. Der halbierte Gott. München, 1993*; *Funke D. Das halbierte Selbst: psychische Aspekte des Fundamentalismus // Die verdrängte Freiheit. Fundamentalismus in den Kirchen / Н. Kozhanek (Hrsg.). Freiburg Herder, 1991*; *Funke D. Das halbierte Selbst. Persönlichkeitsstruktur und Fundamentalismus // Wort und Antwort. 1991. N 1.*

⁷ У Стюарта Сима нам интересна, в первую очередь, книга: *Sim S. Fundamental world. The New Dark Age of dogma. Cambridge, 2005.*

Любопытны его работы последнего десятилетия: “The Edinburgh companion to critical theory” (2016), “A philosophy of pessimism” (2015), “Justice and revenge in contemporary American crime fiction” (2015), совместно с Brett Wilson, Barbara Hawkins — “Art, science, and cultural understanding” (2014), “Post-Marxism: an intellectual history” (2013) и, конечно, “Fifty key postmodern thinkers” (2013).

Навязчивый тип личности, напротив, боится самостоятельности, стремится освободиться от своих желаний и потребностей, пытается полностью приспособиться к системе внешних ценностей, установлений и авторитетов. В обоих случаях происходит раскол целостной структуры личности, которая предполагает баланс “я” и “не-я”, безопасности и автономии⁸.

Британский профессор С. Сим полагает, к манипулятивному воздействию предрасположены люди, отличительными чертами которых являются консерватизм и примитивные стереотипы мышления. К нему особенно склонны те, кто испытывает фрустрацию, беспокойство, разочарование от обременительной свободы и чувство одиночества; их же отличает слабый интеллект, плебейство и догматизм⁹.

Известный словенский ученый Славой Жижек (*Slavoj Zizek*¹⁰) утверждает, что человеческому мышлению присущ самообман. Обычно человек видит то, что желает видеть, люди “ведомы иллюзиями”, они продолжают верить в некий идеал, а не в реальность¹¹.

Важно подчеркнуть, что такое легковерие исследователи во многом связывают с неудовлетворенностью человека самим собой, его желанием “бежать от самого себя”. Это желание, по мнению известного американского обществоведа (немецкого происхождения) Эрика Хоффера (*Eric Hoffer*, 1902–1983), равносильно желанию избежать рационального и явного. Этот ученый отмечает, что “отказ принимать самих себя такими, какие мы есть на деле, развивает в нас отвращение к фактам и к холодной логике. Для неудовлетворенных нет надежды в существующем и возможном. *Спасение может прийти только от чудесного, которое просачивается через трещины в железной стене неумолимой действительности. Они сами как бы напрашиваются быть обманутыми. Правило, по-видимому, таково: кто легко обманывает самого себя, легко поддается обману и со стороны. Таких легче убедить и увлечь. Нежелание или неумение видеть вещи такими, какие они есть, способствует легковерию и шарлатанству*”¹².

Согласно Э. Хофферу, такие черты характера человека как фанатизм, ненависть, склонность к подражанию или самопожертвованию, подозрительность во многом способствуют восприятию и усвоению людьми “истинно верных” способов поведения¹³.

⁸ *Funke D.* Das halbierte Selbst: psychische Aspekte des Fundamentalismus. S. 84–85.

⁹ *Sim S.* Op. cit. P. 22.

¹⁰ Славой Жижек — автор не одного десятка книг, в том числе очень редкой книги “Возвышенный объект идеологии” (М., 1999).

¹¹ *Zizek S.* The sublime object of ideology. L.; N.Y., 1989. P. 33.

¹² *Хоффер Э.* Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004. С. 101.

¹³ См. об этом: Там же. С. 79–148.

Под фанатизмом (fanaticus, лат. — “исступленный”) обычно понимают доведенную до крайней степени приверженность каким-либо верованиям или воззрениям, нетерпимость к любым другим взглядам. В переносном смысле фанатизм означает страстную преданность чему-либо¹⁴.

Фанатика невозможно оторвать от его дела призывами к разуму или морали. Он боится компромисса, и поэтому его невозможно поколебать в уверенности, что его “священное дело” право на все сто процентов. Жить без страстной преданности означает для него быть сорванным с якоря и брошенным. Он жаждет глубочайшей уверенности, которая может прийти только вместе с полной самоотдачей, с жаждой прильнуть всем сердцем к символу веры и священному делу.

Однако *фанатику совсем не трудно внезапно перевернуться от одного “священного дела” к другому. Его страстная привязанность более значительна, чем содержание самого дела, к которому он привязан.* Поэтому “фанатику-коммунисту легче стать фашистом, шовинистом или католиком, чем трезвым либералом”¹⁵.

Э. Хоффер также полагает, что непоколебимая приверженность каким-либо принципам, какому-либо движению — удел неуверенных или не реализовавших себя личностей. «Очень часто именно “вера в священное дело” заменяет человеку утраченную веру в самого себя. Чем меньше у человека оснований говорить о своем собственном превосходстве, тем больше он готов утверждать, что превосходством обладает его страна, его религия, его раса или его “священное дело”»¹⁶.

Так, когда наши личные интересы, наши планы на будущее перестают нам казаться стоящими того, чтобы жить ради них, мы начинаем остро нуждаться в чем-то таком, что лежит вне нас и ради чего стоило бы жить.

Согласно идеям отечественного исследователя, философа, профессора Владимира Ивановича Красикова, в структуре человеческого сознания генетически закреплён ряд паттернов (коллективных представлений, стереотипов. — *Прим. В.Ч., Н.О.*), которые могут быть активизированы в соответствующих условиях. Этим и пользуются манипуляторы.

Первый паттерн — дуалистическая категоризация значений мира. Для некоторых людей радикально разделены такие понятия как “добро — зло”, “истина — ложь”, “порядок — хаос”, “красота — безобразия”, “любовь — ненависть”¹⁷.

¹⁴ Фанатизм // Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997. С. 1264.

¹⁵ Хоффер Э. Указ. соч. С. 101–102.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Красиков В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006. С. 16–17.

Второй паттерн — сильно завышенная самооценка. Люди, в сознании которых закреплён этот паттерн, гордятся своими воображаемыми совершенствами, представляя себя лучшими среди людей. Из этого часто следует их убежденность в том, что они могут совершенствовать других людей и даже использовать их в своих нуждах.

Третий паттерн — приписывание собственных ошибок постоянной враждебности своего социального окружения. Такое сознание дегуманизирует других людей, потому что в качестве “настоящих”, заслуживающих уважение и даже любовь, оно идентифицирует лишь представителей своей группы.

Четвертый паттерн — конфронтации, разрушения и “преодоления” — объединяет представления о том, какими путями можно реализовать свои идеалы.

Эти паттерны, по мнению В.И. Красикова, воспроизводятся при наличии у человека некоторых психических характеристик и в определенных социальных обстоятельствах.

Если говорить о психических характеристиках, то это, к примеру, *эгоцентризм, эгоизм, черствость, грубость и, как следствие, неспособность понимать других людей.*

К социальным обстоятельствам относятся этнические конфликты, гендерная и возрастная дискриминация, статусное неравенство и общая несправедливость. Люди, в сознании которых закреплены обозначенные паттерны, спонтанно тянутся друг к другу и объединяются в группы, в которых они любят “своих” и ненавидят “чужих”. Именно в них они находят смысл жизни, поскольку не в состоянии сформулировать его самостоятельно¹⁸.

Российскими авторами выделены определенные социально-психологические механизмы, которые позволяют людям подвергаться манипулятивному управлению.

Во-первых, это принцип “один — за всех и все — за одного” — новая логика принятия ответственности: уже не перед всем человечеством, а только перед теми конкретными “всеми”, которые принадлежат к “мы”. Этими “мы” могут быть политические организации, этнические группы и религиозные объединения, профессиональные общности, родственники, компании друзей и т.п.

“Иные”, “не такие”, “не мы”, “другие” теперь начинают соотноситься и оцениваться в соответствии со “своими” групповыми интересами, рассматриваются как средство или помеха к их удовлетворению. Даже общечеловеческие ценности трактуются с точки зрения собственных интересов группы. «Дело доходит до их полной девальвации, когда принятые всем человеческим сообществом моральные нормы преподносятся как вымысел идеологов враждебного

¹⁸ Красиков В.И. Указ. соч. С. 18.

класса, а свои “ценности” провозглашаются как истинные»¹⁹, — выделяет в своей книге российский ученый Евгений Леонидович Доценко²⁰.

Во-вторых, идентифицируясь с той или иной группой, человек оказывается подвержен, выражаясь словами швейцарского ученого, основоположника аналитической психологии Карла Густава Юнга (*Carl Gustav Jung*, 1875–1961), “психической инфляции”²¹ — он “раздувается” до размера этой группы, становясь своеобразным проводником ее нормирующего воздействия. Став адептом “своего” сообщества, приняв его доктрину, человек извлекает немало преимуществ и для себя.

Прежде всего, он обнаруживает, что гораздо удобнее жить без груза ответственности, который теперь почти целиком лежит на сообществе, чьим представителем он является. Дело заходит настолько далеко, что ради интересов сообщества разрешается физически уничтожать других людей. За эти преимущества, однако, человеку приходится платить утратой свободы, индивидуальности и собственной ценности. Так, полностью слившись с группой, человек перестает быть самим собой.

Наконец, быть правым (делать благо) в жестких рамках, установленных одной какой-либо группой, действительно проще: достаточно присоединиться к ее позиции, разделить мнение ее членов. Чувство локтя, плеча, поддержка коллег и товарищей, общие лозунги, единая идеология становятся великолепными внешними опорами для такого человека²².

Психические качества личности, безусловно, имеют существенное значение. Тем не менее, выделяется группа ученых, которые подвергают сомнению “преувеличение” роли психического в подверженности манипулятивным влияниям. Они обращают внимание на факт социально обусловленной культивации конформного мышления и утверждают, что люди подчиняются манипуляции осознанно, *но в условиях определенных социальных, экономических или политических обстоятельств*.

Например, американский исследователь из Джорджтаунского университета (г. Вашингтон) Клайд Вилкоккс (*William Clyde Wilcox*) полагает, что поддержка населением США деятельности религиоз-

¹⁹ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизм и защита. М., 1997. С. 69.

²⁰ Доценко Евгений Леонидович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии института психологии, педагогики, социального управления ТюмГУ, выпускник факультета психологии МГУ.

²¹ См. об этом: Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М., 1994.

²² Доценко Е.Л. Указ. соч. С. 70.

ных движений фундаменталистского толка (например, Нового христианского права) вполне рациональна и аналогична электро-ральному поведению: *граждане всегда поддерживают те группы, которые выражают их ценности и убеждения*²³.

Французский академик²⁴, социолог Раймонд Будон (*Raymond Boudon*, 1934–2013) также разработал оригинальную теорию, в которой попытался объяснить, почему какой-либо социально-политический феномен является продуктом именно социального поведения людей. Этот исследователь хотел доказать, что приверженность людей идеологическим доктринам, как и распространение в обществе сомнительных идей, нельзя объяснять только эмоциями или фанатизмом, трактовать как заблуждение, ослепление²⁵.

Для этого он выделил две категории социальных эффектов — эффекты ситуации (ситуационные эффекты) и эффекты коммуникации, которые вполне объясняют обозначенные процессы²⁶.

В частности, воздействие ситуационных эффектов заключается в том, что социальный актер (индивид), в определенных условиях (ситуациях), воспринимает реальность не такой, какая она есть на самом деле и какой ее видят остальные, а искаженной или воспринимает ее частично. Иногда одного лишь анализа действия этих эффектов достаточно, чтобы рационально объяснить, почему социальный актер соглашается с ложной или сомнительной идеей²⁷.

При анализе эффектов коммуникации Р. Будон исходил из того, что не все могут быть одинаково компетентны во всем. Поэтому некоторые вещи (положения, принципы) люди воспринимают как истинные в силу только одного социального статуса, морального авторитета информатора. Если же информатор обладает способностями убеждать, манипулировать, наконец, просто хорошо говорить и излагать свои мысли на бумаге, то к этому может быть добавлен фактор манипуляции. Другими словами, люди попадают под действие эффектов авторитета и влияния²⁸.

Таким образом, этот ученый показал, что люди присоединяются к ложным или непроверенным идеям (принципам) отнюдь не в силу действия каких-то иррациональных сил, а также что этот процесс нельзя объяснять лишь качествами личности и социально-психологическими феноменами подражания и конформизма. Использо-

²³ Wilcox W.C. God's warriors: the Christian rights in twentieth-century America. Baltimore; L., 1992. P. 224.

²⁴ Французская академия моральных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*) — одна из пяти национальных академий Института Франции.

²⁵ Boudon R. L'Ideologie ou l'origine des idées reçues. P., 1986. P. 23.

²⁶ См. подробнее: Челищев В.И. Феномен идеологии с позиций методологического индивидуализма // Наука. Культура. Общество. 2005. № 4.

²⁷ Boudon R. Op. cit. P. 108–109.

²⁸ Ibid. P. 124.

зую цепь логических умозаключений и серию примеров, он пришел к выводу, что люди также отнюдь не являются жертвами собственных иллюзий; не больше оснований рассматривать их только как марионеток, которыми манипулируют социальные и политические институты. Их выбор сознательный и рациональный, т.е. обусловлен общими и внешними (по отношению к индивидуальному сознанию) социальными причинами (эффектами по Р. Будону. — *Прим. В. Ч., Н.О.*).

Многие исследователи также утверждают, что деятельность исламских шахидов предопределяется вовсе не специфическим типом их личностей (как это часто предполагают)²⁹.

Напротив, активность такого рода — это результат сочетания целого ряда социальных и экономических факторов. Существует определенная социальная потребность в “таких людях” и лица, “отвечающие на нее”, вполне четко понимают ее логику. Самоубийцы-шахиды — это часть политической кампании, которая рациональна в терминах преследуемых целей: это дестабилизация врага, направленная на то, чтобы показать решительность организации, стоящей за террористическими атаками.

Так, террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г. в США, были тщательно спланированы, а каждый участник играл в их реализации очень конкретную роль. В данной связи не было никаких оснований для того, чтобы считать это просто самовыражением психически неуравновешенных типов. Террористы вполне ясно осознавали те преимущества, которые они сами и их семьи получают от жертв такого рода. Им было гарантировано почетное место в истории своего народа (или же в раю), а их семьям — существенная финансовая компенсация от различных организаций.

В отличие от террористов прошлых лет, камикадзе, участвовавшие в терактах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, по данным предварительного расследования, являлись представителями обеспеченных слоев населения. В большинстве своем это были люди, получившие высшее образование, владевшие иностранными языками и знакомые с западной культурой. В западном обществе они чувствовали себя вполне комфортно. Значительную часть этих камикадзе составляли выходцы из стран Аравийского полуострова. В отличие от своих старших товарищей, они тщательно скрывали свою принадлежность к исламистской среде — не носили бород, употребляли на людях спиртные напитки, появлялись в обществе с женщинами. Они не посещали мечетей, где можно было легко вербовать сторонников. Документы, обнаруженные ФБР в личных вещах одного из террористов-камикадзе, представляли

²⁹ *Sim S. Op. cit. P. 120.*

собой своего рода справочное пособие, сборник “заветов” террористов-самоубийц. Первое знакомство с этими документами дало основание многим специалистам и комментаторам заявить, что они имеют дело с сектой, круг членов которой строго ограничен³⁰.

Как утверждают специалисты, даже немногие сведения об этой группе дают основание задаться вопросом: как этим камикадзе, жившим в самом сердце западной цивилизации, удалось сохранить в неприкосновенности свои убеждения?

Разгадку этого они видят в “афганском джихаде” — явлении, давшем мощный толчок исламистскому движению в последней четверти XX в. В 1980—1990-х гг. тысячи борцов за веру прошли через пешаварские лагеря, где они подверглись “салафитско-джихадистской” идеологической обработке. Именно из лагерей Пешавара, по мнению одного из наиболее авторитетных на Западе специалистов по современному исламу и мусульманскому миру, Жилия Кепеля (*Gilles Kepel*³¹), эти люди вынесли твердое убеждение в том, что насилие является панацеей от всех бед, ключом к решению всех проблем³².

Социальные причины являются более важными, чем психологический принцип объяснения того, почему индивиды готовы осуществлять террористические действия. На первое место следует ставить ценности и убеждения (коллективные представления), а не психологию личности. То, во что люди верят, гораздо важнее того, почему они верят³³. Именно поэтому подверженность манипуляциям является не только психически, но, прежде всего, социально обусловленным феноменом.

Социальную базу приверженцев различных доктрин составляют, прежде всего, низшие слои общества. Среди них есть и просто неудачники, не нашедшие себе места в жизни, и уголовники, а также все, кто утратил положение в обществе или никогда его не имел.

Как показал Э. Хоффер, «низшие элементы народа могут оказывать заметное влияние на ход событий потому, что они абсолютно не ценят настоящего. Свои собственные жизни и все, что их окружает, они считают непоправимо испорченными, а потому и то и другое готовы разбазарить и разрушить до основания... Они еще страстно стремятся растворить свои исковерканные и бессмысленные “я” в каком-то душеспасительном общественном спектакле — отсюда их склонность к объединенным действиям. Именно поэтому

³⁰ Le Monde. 2001. 10 Oct. (цит. по: *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 17–18).

³¹ Жиль Кепель — профессор Института изучения политики (Institut d'Études Politiques de Paris, часто называется Sciences Po), кузницы политической и дипломатической элиты Франции.

³² *Кепель Ж.* Указ. соч. С. 17–18.

³³ *Sim S.* Op. cit. P. 120.

они оказываются среди первых призывников революции, массовых переселений, религиозных, расовых или шовинистических движений: они накладывают свою печать на эти движения, которые творят... историю»³⁴.

Какие конкретно социальные группы, если судить по научным источникам, являясь потенциальными объектами манипулятивного воздействия?

Во-первых, это так называемые “новые бедняки”, т.е. те люди, чья бедность относительно недавняя. Память о лучших временах жжет их сердца. Лишенные собственности и состояния люди откликаются на любые массовые движения. В Германии и в Италии “новые бедняки” из разорившихся людей среднего класса были главной опорой нацистской и фашистской революций³⁵. *Вместе с тем, неудовлетворенность людей сильнее тогда, когда они многое имеют, и хотят иметь еще больше, чем когда не имеют ничего и хотят иметь немногое*³⁶.

Во-вторых, это люди с низким уровнем интеллекта. Факты свидетельствуют о том, что в сектантских общинах фундаменталистского характера чаще всего встречаются лица, связанные с малоквалифицированным трудом или имеющие невысокий общеобразовательный уровень. Выполняемая ими работа не требует расширения кругозора, повышения квалификации. В частности, у большинства членов сектантских общин нет никакого стремления к продолжению образования, увеличению объема своих общих и профессиональных знаний.

С точки же зрения идеологов любого религиозного течения это не нужно. Свободное время верующие должны посвящать молитвам, чтению “священных” книг, практически замыкаясь в сфере сугубо религиозных вопросов, поэтому нет ничего удивительного в том, что из общего количества членов общин евангельских христиан-баптистов только 4,1% где-либо учатся³⁷.

В-третьих, это неудачники и лица, не нашедшие своего места в жизни. Например, по мере угасания творческих сил у личности наблюдается резко выраженная склонность присоединять себя к массовому движению. Взаимосвязь между бегством от своего бесплодного “я” и повышенной чувствительностью к массовым движениям совершенно ясна. Писатель, художник или ученый с наступлением творческого упадка, когда иссякает источник творческих сил, рано или поздно попадает в ряды страстных патриотов, раси-

³⁴ Хоффер Э. Указ. соч. С. 38–39.

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ Там же. С. 44.

³⁷ Шапарь В.Б. Секты — угроза национальной безопасности России. Ростов н/Д., 2007. С. 15–17.

стов, ярмарочных проповедников, поборников какого-нибудь “священного дела”³⁸.

В-четвертых, нередко это лица, относящиеся к категории “скучающих”. Независимый человек свободен от скуки только в том случае, если он занят творческой работой, каким-нибудь поглощающим его делом или же целиком озабочен борьбой за существование. Растрачивание жизни в погоне за удовольствиями и наслаждениями — никуда не годное средство против скуки.

Именно скука служит причиной того, что при зарождении массовых движений в них принимают участие, как правило, старые девы и женщины “переходного возраста”.

Скука у ряда незамужних женщин и женщин, которые уже не могут находить радость и удовлетворение в замужестве, появляется от сознания своей бесплодной жизни. Посвятив себя “священному делу” и направив всю свою энергию и средства на его развитие, они видят для себя в этом новую жизнь, полную смысла и удовлетворения. А. Гитлер (1889–1945) умело использовал “дам высшего света, жаждущих приключений, скучающих от пустой жизни, уже не испытывающих удовольствия от любовных историй”³⁹. Его финансировали жены некоторых крупных промышленников задолго до того, как их мужья услышали о нем⁴⁰.

Данные о приверженцах наиболее распространенных сектантских объединений говорят о том, что большинство из них (около 70%) составляют женщины. В частности, в баптистских общинах 45% всех женщин — люди одинокие; среди верующих старше 40 лет около 54% — вдовы; 14% среди женщин 30–40 лет — незамужние⁴¹.

В-пятых, это люди, переживающие одиночество, испытывающие потребность в общении. Это те, у кого нарушены социальные связи. Так, среди верующих в общинах сектантского типа 39,2% пенсионеров, 5,2% инвалидов, 12,4% домохозяек, 24% временно не работающих. А вообще неработающих 69%⁴².

В-шестых, ярко выраженные эгоисты с характерным чувством неудовлетворенности. При этом самыми страстными фанатиками часто бывают те эгоисты, которые потеряли веру в себя из-за врожденных недостатков или вследствие внешних обстоятельств. Их эгоизм сам по себе — прекрасный инструмент: они перестают им пользоваться для своего неудачного “я” и отдаются служению какому-нибудь “священному делу”⁴³.

³⁸ Хоффер Э. Указ. соч. С. 48.

³⁹ Rauschnig H. Hitler speaks. N.Y., 1940. P. 268.

⁴⁰ Ibid. P. 258.

⁴¹ Шапарь В.Б. Указ. соч. С. 16.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Хоффер Э. Указ. соч. С. 64.

В-седьмых, это так называемые “кающиеся” и “грешники”. Деятельность многих манипуляторов направлена на то, чтобы вызвать у людей ощущение собственной греховности и даже состояние кающегося преступника, руководствуясь известным изречением: “там, где не стоит кающийся, праведники быть не достойны”. Тогда методика вовлечения людей заключается в их заражении, образно говоря, некой болезнью (грехом), после чего, собственно, нечто предлагается как единственное лекарство от этой болезни. Благоусть Спасителя трудно проповедовать людям, которые чаще всего лишены чувства греха⁴⁴.

Довольно часто объектом манипуляторов служат паломники, посещающие различные святые места. Одним из примеров может служить “Ата Жолы” — криминогенная псевдорелигиозная организация, обосновавшаяся в Казахстане, которая находит путь к сердцам и кошелькам через людскую доверчивость.

Манипулятивная схема, применяемая этой организацией примерно такая: когда люди едут по святым местам, они встречаются там неких женщин, которые якобы могут разговаривать с духами святых мест и передавать их слова простым людям. Эти женщины подходят к кому-либо и говорят, что “у Вас есть целительские и пророческие способности, об этом, дескать, им сказали духи. Эти способности Вы непременно должны развить в себе, Вам дается время на размышление, но если Вы не решитесь их развивать, то заболете, а Ваши близкие пострадают”. Вступив в организацию, люди становятся “целителями”. В случае отказа вступить в организацию и стать “целителем” человеку нужно что-то отдать, разговор заходит даже о продаже квартиры — деньги нужны, чтобы его “отмолить”.

При зомбировании человека проповедники такого рода организаций нередко используют прием нейролингвистического контроля, который применяют в психологии. Эта методика позволяет программировать мышление и поведение человека с помощью специально составленных фраз. Но в психологии ее используют для улучшения психического здоровья и решения сложных ситуаций, программирование выбирается с помощью самого клиента, с учетом его пожеланий. Здесь же программирование используется без предупреждения. Идеолог и вдохновитель духовно-культурного центра “Ак жол” считает себя очередным пророком, утверждает, что имеет непосредственный контакт с параллельным миром, вхож в царство мертвых, рай, чистилище, встречался с их обитателями, может предсказывать будущее.

На самом деле, методы воздействия на человека в этой организации тщательно проработаны, ориентированы на установление

⁴⁴ Хоффер Э. Указ. соч. С. 71.

полного и постоянного контроля, подавление личности и отличаются жестокостью и мистической направленностью⁴⁵.

В-восьмых, это подростки и представители молодежи. Например, фундаменталистские организации вербуют наиболее активных своих сторонников из подростков и молодежи. Очень часто это выходцы из регионов Юго-Восточной Азии, представляющих собой арену опасных этнических и религиозных конфликтов, сосредоточие авторитарных режимов, являющихся местами возникновения наиболее фанатичных мировоззрений и воинственных движений⁴⁶, как констатировал в своей книге Збигнев Бжезинский, широко известный американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения.

В частности, как утверждает в своей книге Ахмед Рашид⁴⁷ (*Ahmed Rashid*), социальную базу движения “Талибан” составили “дети джихада”, глубоко разочарованные фракционной борьбой и бандитизмом, которому предались почитаемые ими в прошлом вожди моджахедов. Многие из них родились в лагерях беженцев в Пакистане, учились в пакистанских медресе и узнали военное ремесло в партиях моджахедов, базировавшихся в Пакистане. Поэтому юные талибы плохо знали свою собственную страну, ее историю, но зато в медресе они слышали об идеальном исламском обществе, созданном Пророком Мухаммадом (ок. 570–632)⁴⁸ более 1400 лет назад, и именно его они хотели построить⁴⁹.

Все социальные группы, описанные выше, ищут убежище от тревог бессмысленного и одинокого существования, и это убежище (в виде организации, лекарства и т.п.) им предоставляют манипуляторы.

В то же время, главная забота манипуляторов — требование от личности единства и самопожертвования, отказа от собственной воли, от своего мнения, собственных интересов: “быть одной ниткой в общественной рубахе и не отличаться от других ниток”⁵⁰.

Манипуляторы используют специальные приемы для того, чтобы, контролируя поведение, мысли и эмоции людей, всецело эксплуатировать их и, в конечном счете, превратить попавшего в их сети

⁴⁵ Внимание, “Ата Жолы”! URL: http://uvp.akmol.kz/home/bukleti_2

⁴⁶ *Бжезинский Зб.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. С. 62.

⁴⁷ Книга А. Рашида “Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии” была переведена на 22 языка с общим тиражом более 1,5 миллиона экземпляров с 2001 г.

⁴⁸ *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Мухаммад // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 665–666. Иногда употребляется имя Пророка Мухаммада как Мухаммед, Магомет, Мохаммед в связи этим, в данной работе будет использовано имя Пророка — Мухаммад, данное в энциклопедическом издании.

⁴⁹ *Рашид А.* Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 41–42.

⁵⁰ *Хоффер Э.* Указ. соч. С. 46–47.

(“завербованного”) человека в лояльное, послушное, раболепное и подобострастное существо.

Методы по “управлению поведением” могут быть чрезвычайно эффективными и приводить к состоянию глубинной зависимости. Эти методы базируются на двух основных принципах:

1) если человека можно заставить вести себя так, как хочет кто-либо другой, то его можно заставить и поверить в то, чего этот другой хочет;

2) внезапные, резкие перемены способны сделать человека особенно подверженным влиянию извне и привести к неожиданным и глубоким переменам его мироощущения, системы ценностей и веры⁵¹.

Для этого используется целый арсенал средств для направленного воздействия, в числе которых:

1) изоляция от общества и привычного окружения, что приводит к утрате адекватного восприятия действительности (секты);

2) специальное групповое давление, когда подавляются все сомнения относительно идей группы или сопротивление им (специально подобранные “подставные лица”);

3) намеренное преувеличение “грехов их прошлой жизни”;

4) запугивание угрозой серьезных духовных и физических последствий, вытекающих из различных нарушений (псевдолекари).

Очень часто используются оупляющие разум приемы (произнесение заклинаний и мантр, бесконечные разговоры, коллективное обличение отдельных “виновных” и прочее)⁵², а также гипноз.

По существу, все эти методы отражают стремление манипуляторов к оккупации духовного пространства человека.

Как утверждал военный политолог Е.Э. Месснер (1891–1974)⁵³, оккупация духовного пространства — это абсолютная победа, свидетельствующая о том, что побежденный не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но полностью ассимилирует те “фальшивые” ценности, которые внедрил победитель. Тогда побежденный уже не “распознает добро”, но воспринимает зло как добро, уступает диктату победителя, соглашается быть его рабом⁵⁴.

⁵¹ Шапарь В.Б. Указ. соч. С. 46–51.

⁵² Там же. С. 46–51.

⁵³ Месснер Евгений Эдуардович — офицер царской российской армии, эмигрант, проживавший сначала в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а с 1947 г. Аргентине. Е.Э. Месснер был профессором военных наук, военным теоретиком русского зарубежья. Будучи убежденным антикоммунистом, активно выступал против советской власти.

Свои взгляды на военную теорию он изложил в книгах и статьях “Лик современной войны” (1957), “Мятеж — имя Третьей всемирной” (1960), “Всемирная мятежевойна” (1971). Содержание этих работ отчетливо показывает, что Евгений Эдуардович Месснер может по праву считаться одним из лучших военных теоретиков XX в.

⁵⁴ Грачева Т.В. Постигание войны: мятеж как состояние души, цель и способ воевания // Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004. С. 361.

К сожалению, когда люди попадают в плен манипуляторов, они не знают, чем те являются на самом деле. *Им никто не сообщает об их истинной природе, о тех экономических и политических целях, которые обычно преследует ее руководство.*

Как отмечают специалисты, именно в сложные в политическом отношении эпохи активизируются попытки создания новых систем верований.

Например, и иудаизм, и христианство, и ислам начались с того, что сегодня называется политическим движением. Политике и культуре того периода нужна была надежная система верований, чтобы сопротивляться власти крупных империй, чтобы консолидировать народ или чтобы делать и то, и другое.

Пророк (Мухаммад. — *Прим. Н.О., В.Ч.*) появился как политический лидер, его успехи в качестве духовидца стали подтверждением заявленной программы действий. Коран своей решительностью напоминает основополагающий манифест какой-нибудь современной радикальной политической организации⁵⁵.

Ислам стал тем цементом, который Пророк Мухаммад использовал для того, чтобы объединить арабские племена.

Обязательная пятиразовая ежедневная молитва сыграла важную роль при введении строгой военной дисциплины и способствовала обузданию анархических инстинктов новообращенных кочевников. Она была также предназначена для создания в городах сообщества верующих, которые после молитвы встречались и обменивались информацией к обоюдной выгоде. Такого не наблюдалось ни в одном светском политическом движении: даже якобинцы и большевики не могли себе позволить встречаться в клубе или партийной ячейке пять раз в день⁵⁶, так считает британско-пакистанский писатель, историк Тарик Али (*Tariq Ali*), автор более 30 книг⁵⁷.

Попытки “морализовать древние мифы и одухотворить языческую религию”⁵⁸, наблюдаются в обществе в так называемые смутные времена, как отмечал выдающийся русский ученый Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927).

Например, в “Третьем рейхе” усилению языческо-дионисийских культов и древнегерманских легенд и преданий помогало как изошренное манипулирование, так и мифологизация обыденного сознания, всегда связанная с реанимацией эзотерических и фантастико-утопических параметров мышления, и сходная с идеологиза-

⁵⁵ *Али Т.* Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М., 2006. С. 60–61.

⁵⁶ Там же. С. 65–66.

⁵⁷ Вышеуказанная книга Тарика Али вышла на английском языке в 2002 г.: *Ali T.* The clash of fundamentalisms: crusades, jihads and modernity. N.Y.; L., 2002.

⁵⁸ *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 190.

цией. *Посредством сознательного “подбора идей” миф как бы трансформирует мир, вызывая существенные aberrации зрения, освобождая человека от “бренности бытия” и всяких “химер совести”*: субъект начинает руководствоваться внутренними образами фантастической реальности, а не действительным положением дел. В результате “складывается... существо, не знающее колебаний и пощады в жизненной борьбе”⁵⁹. Таково было мнение Александра Александровича Богданова (настоящая фамилия — Малиновский, 1873—1928), многогранного ученого — врача, экономиста, философа, политического деятеля и ученого-естествоиспытателя.

Какие бы конечные цели не преследовали манипуляторы, они всегда хотят победить конкурентов в борьбе за экономические или властные ресурсы, подчинить большие группы людей своим интересам, а в конечном счете — захватить и удержать власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Али Т. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М., 2006.

Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Мухаммад // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.

Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.

Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

Богданов А.А. Эмпириомонизм. М., 2003.

Внимание, “Ата Жолы”! URL: http://uvr.akmol.kz/home/bukleti_2

Грачева Т.В. Постигание войны: мятеж как состояние души, цель и способ воевания // Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизм и защита. М., 1997.

Иванов В.Н., Семигин Г.Ю. Ментальность политическая // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2001.

Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.

Красиков В.И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006.

Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003.

Фанатизм // Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997.

Хоффер Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004.

Челищев В.И. Феномен идеологии с позиций методологического индивидуализма // Наука. Культура. Общество. 2005. № 4.

Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010.

Шапарь В.Б. Секты — угроза национальной безопасности России. Ростов н/Д., 2007.

Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М., 1994.

⁵⁹ *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. М., 2003. С. 196.

REFERENCES

- Ali T.* The clash of fundamentalisms: crusades, jihads and modernity. N.Y.; L., 2002.
- Ali T.* Stolknovenie tsivilizatsii: krestovye pokhody, dzhikhad i sovremennost'. M., 2006.
- Atsamba F.M., Kirillina S.A.* Mukhammad // Religiovedenie. Entsiklopedicheskii slovar'. M., 2006.
- Bekhterev V.M.* Izbrannye raboty po sotsial'noi psikhologii. M., 1994.
- Bogdanov A.A.* Empiriomonizm. M., 2003.
- Boudon R.* L'Ideologie ou l'Origine des Idees Reçues. P., 1986.
- Bzhezinskii Zb.* Vybor. Mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo. M., 2006.
- Chelishhev V.I.* Fenomen ideologii s pozitsii metodologicheskogo individualizma // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2005. N 4.
- Chelishhev V.I.* Fundamentalizm i fundamentalisty. M., 2010.
- Dotsenko E.L.* Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizm i zashchita. M., 1997.
- Fanatizm // Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. M.; SPb., 1997.
- Funke D.* Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus // Fundamentalismus in den Kirchen / H. Kozhanek (Hrsg.). Freiburg, 1991.
- Funke D.* Das halbierte Selbst. Persönlichkeitsstruktur und Fundamentalismus // Wort und Antwort. 1991. N 1.
- Funke D.* Der halbierte Gott. München, 1993.
- Gracheva T.V.* Postizhenie voyny: myatezh kak sostoyanie dushi, tsel' i sposob voevaniya // Messner E.E. Vsemirnaya myatezhvoina. Zhukovskii; M., 2004.
- Ivanov V.N., Semigin G.Yu.* Mental'nost' politicheskaya // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. T. 2. M., 2001.
- Kepel' Zh.* Dzhikhad. Ekspansiya i zakat islamizma. M., 2004.
- Khoffer E.* Istinnoveruyushchii: lichnost', vlast' i massovye obshchestvennye dvizheniya. M., 2004.
- Krasikov V.I.* Ekstrim: mezhdistsiplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov ekstremistskogo soznaniya. M., 2006.
- Le Monde. 2001. 10 Octobre.
- Rashid A.* Taliban. Islam, nef't' i novaya Bol'shaya igra v Tsentral'noi Azii. M., 2003.
- Rauschning H.* Hitler speaks. N.Y., 1940.
- Ruthven M.* Fundamentalism. The search for meaning. N.Y., 2005.
- Shapar' V.B.* Sekty — ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii. Rostov n/D., 2007.
- Sim S.* Fundamentalist world. The New Dark Age of dogma. Cambridge, 2005.
- Strinati D.* Postmodernism and popular culture // Sociology Review. 1992. April.
- Vnimanie, "Ata Zholy"! URL: http://uvp.akmol.kz/home/bukleti_2
- Wilcox W.C.* God's warriors: the Christian rights in twentieth-century America. Baltimore; L., 1992.
- Yung K.G.* Sobranie sochinenii. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M., 1994.
- Zizek S.* The sublime object of ideology. L.; N.Y., 1989.

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

“ИДЕНТИЧНОСТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

N.L. Polyakova, doctor of sociological sciences, professor of the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

“IDENTITY” IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORY

Проблематика идентичности вышла на передний план анализа современных обществ в условиях утраты ими жестких социальных структур, институтов, аскриптивных статусов и оформления “мягкой”, “текучей” современности. Различные концептуализации идентичности становятся фундаментальной частью современной социологической теории.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на классическое понятие “идентичность”, созданное в рамках подхода динамической психологии Э. Эриксоном, проанализировать современные подходы к анализу идентичности, их отличие от теории Эриксона, а также выявить теоретические проблемы, которые возникают при построении современной теории идентичности.

В статье обосновывается, что природа современной идентичности связана с процессом индивидуализации, развернувшимся в обществах модерна.

Исследования современной идентичности очень многообразны, однако все их можно объединить в три большие группы в соответствии с тремя методологическими подходами — конструктивистским, постмодернистскими и интеракционистским. В статье анализируются наиболее значимые концептуализации, создаваемые в рамках этих подходов, осуществляется их сопоставление, выявляются проблемы теоретического и методологического характера, возникающие в рамках каждого подхода.

В статье демонстрируется, что основу конструктивистского подхода составляет концепция рефлексивности, используемая в качестве механизма, посредством которого осуществляется построение идентичности индивидом. Идентичность — это рефлексивный проект, который осознанным образом реализуется индивидом.

Постмодернистские теории идентичности демонстрируют фрагментарность, частичность, разорванность эго-идентичности в современную эпоху, ее нарциссическое разложение, неспособность индивида решить проблему целостности и преемственности собственной личности. Идентичность как понятие замещается понятием идентификации, которое сводит идентичность к различным моделям презентации.

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

Решение проблемы целостности и преемственности индивида — главной проблемы человеческого существования — как условия его психического и социального здоровья, возможно, как представляется, на путях использования интеракционистской методологии.

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, рефлексивность, модерн, individual, индивидуализация, социализация, конструктивизм, постмодернизм, символический интеракционизм.*

The problem of identity has come to the fore of contemporary societies in the conditions when the institutional structures of these societies their ascriptive statuses have become looser when modernity is “liquid”, “soft”. Various conceptualizations of identity are becoming a basic part of contemporary sociological theory.

The paper aims to reveal the key problems that sociology faces when striving to work out a theory of identity. The paper takes as its starting point the classic notion of identity. This notion was shaped by Erik Erikson on the basis of his dynamic psychology. The paper proves that the contemporary identity is connected with the process of individualization in modern societies.

Numerous and varied studies of contemporary identity can be divided into three large groups according to three methodological approaches: constructivist, postmodern and interactionist. The paper compares the major theories based on these approaches and reveals their theoretical and methodological problems.

The paper shows that the constructivist approach is based on the notion of reflexivity which is viewed as a mechanism of identity formation by an individual. Identity is a reflexive project which is being realized in a conscious manner. The postmodern theories of identity reveal the fragmentation incompleteness of ego-identity and its narcissic decay. They also reveal the inability of the individual to solve the problem of continuity and unity of her (his) own personality. Identity as a notion is replaced by the notion of identification which reduces identity to various modes of representation.

The interactionist methodology could open up the way to tackle, the problem of individual's unity and continuity as the main problem of human existence. This is the condition of the individual's psychic and social health.

Key words: *identity, identification, reflexivity, modernity, individual, individualization, socialization, constructivism, postmodernity, symbolic interactionism.*

“Идентичность” — понятие, интенсивно и широко используемое в современной социологии, социальной психологии, социальной философии и антропологии. Оно находится в одном семантическом ряду с такими понятиями как “личность”, “самость”, “субъективность”, “индивид”. Более того, понятие “идентичность” в конце XX в. самым активным образом заставило потесниться указанные понятия.

Еще в начале 60-х гг. XX в. понятие “идентичность” либо представляло как расхожий и наивный термин, либо неотчетливым образом увязывалось с некоторыми понятиями психоанализа и социологии. Однако с очевидностью можно констатировать, что в конце XX — начале XXI в. понятие “идентичность” приобрело широчайшее распространение в социальной жизни и в социальной теории.

Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, оно позволяет выявить специфику современной социальной жизни, принципов и оснований включения индивида в эту жизнь в широком смысле социализации человека, а, во-вторых, оно предлагает один из вариантов теоретической разработки фундаментальной методологической проблемы современной социологии. Речь идет о проблеме интеграции социального действия и социальной структуры, человека и общества.

В своем классическом варианте теория идентичности была создана в середине XX в. в рамках психоаналитической традиции Эриком Эриксоном. Создавая теорию идентичности, Эриксон опирался на сформулированный Зигмундом Фрейдом динамический подход в психологии. Фрейд исходил из того, что “эго” является производным от конфликта противостоящих психических сил. Любые психические процессы следует поэтому рассматривать динамически. Борьба изначальной сексуальности, которой человек обладает от природы, и социального начала, воплощенного в родительском авторитете и власти в семье, которое также присутствует с самого начала жизни индивида, создает “эго” индивида. Именно этот динамический процесс Эриксон кладет в основу своей теории идентичности.

Опираясь на позицию Фрейда относительно изначальной включенности человека в социальность, Эриксон утверждает, что становление социальной идентичности стартует с факта изначальной включенности человека в групповые практики и опыт. Используя материалы социально-антропологических исследований, Эриксон демонстрирует, что обучение ребенка интегрировано в четко определенную социальную систему и в некоторую устойчивую систему образцов. Это обучение представляет собой метод, посредством которого “групповые способы организации опыта (групповая идентичность как мы это называем) передается телесному опыту ребенка, а через него его становящемуся эго”¹. Идентичность, таким образом, — это “способы организации опыта”, и она может быть групповой или индивидуальной. Групповая идентичность, или «идентичность групп основывается на географических и исторических различиях (коллективное пространственно-временное “эго”) и на существенных различиях социальных целей и средств (коллективный план жизни)»².

Вместе с тем, Эриксон подчеркивает, что эго-идентичность это не простая реплика групповой идентичности, она является динамическим процессом, увязывающим воедино социальные и индивиду-

¹ Erikson E. Identity and life cycle. N.Y., L., 1980. P. 20.

² Ibid. P. 20.

альные аспекты опыта. Эриксон опирается на два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, на процесс исторической трансформации социальной реальности, а, во-вторых, на то, что обретение эго-идентичности является процессом индивидуального конструирования. Эриксон пишет: “расширение и развитие цивилизации, процессы стратификации и специализации заставляют детей строить свои эго-модели на основе подвижных, частичных и противоречивых оснований”³.

Ребенок обретает чувство реальности на основе того, что его собственный индивидуальный способ овладения опытом (синтез эго) представляет собой успешный вариант реализации групповой идентичности и соответствует отношению к пространству-времени и “жизненному плану группы”. Совпадение чувства растущих индивидуальных возможностей с чувством соответствия культурным групповым смыслам и приводит к оформлению того, что Эриксон называет эго-идентичностью (ego-identity). Речь при этом идет о развитии в направлении “определенного эго в рамках социальной реальности”. Эриксон стремится прояснить этот процесс как динамичный факт соединения субъективного опыта и феномена групповой психологии. “Сознательное чувство обладания личностной идентичностью (personal identity) базируется на непосредственном восприятии собственной самости и преемственности во времени, а также на восприятии того факта, что другие признают эту самость и преемственность”⁴.

Процесс формирования идентичности начинается на основе избирательного отвержения или усвоения “множественных идентификаций, связанных с детством”. Это осуществляется посредством их погружения в новую конфигурацию, что, в свою очередь, зависит от процесса, посредством которого общество идентифицирует молодого индивида, признавая его тем, кем он стал. Общество “чувствует”, что оно признано индивидом, для которого, в свою очередь, также очень важно получить признание со стороны общества.

Идентичность эго в своем субъективном аспекте представляет собой осознание того субъективного факта, что методы синтеза опыта, используемые эго, обладают самостью и преемственностью. Эти методы эффективны как средство обеспечить самость и преемственность индивида для других.

Эриксон выделяет четыре аспекта “идентичности”. 1. Идентичность — это сознательное чувство “индивидуальной идентичности”. 2. Бессознательное стремление к сохранению преемственности характера собственной личности. 3. Это критерий определения

³ Erikson E. Op. cit. P. 21.

⁴ Ibid. P. 22.

успеха “молчаливых свершений по синтезированию эго”. 4. Сохранение и поддержание внутренней “солидарности” с идеалами и идентичностью группы.

Теория идентичности Эриксона является компонентом его общей теории личности. Он отводит идентичности совершенно определенное место в структуре личности и рассматривает ее как функцию эго, которая позволяет эго интегрировать сексуальность, индивидуальные способности и социальные обязательства.

Эго как главная организующая инстанция, пишет Эриксон, на протяжении жизни имеет дело с изменяющимся “Я”, которое в свою очередь должно быть синтезировано посредством отказа от каких-то своих форм или их предвосхищения. Это применимо к “телесному эго”, которое является частью “Я”, связанного с организмом и которое поэтому можно назвать “телесным Я”. Это же применимо и к “идеальному эго”, которое посредством идей и образов служит целям постоянного сопоставления с “идеальным Я”. Наконец, это применимо к тому, что Эриксон назвал “идентичностью эго”. То, что может быть названо “самоидентичностью”, возникает из опыта, в котором чувство “рассеивания во времени” успешно сдерживается посредством возобновляемого и все более реалистичного самоопределения, а также социального признания. «Таким образом, у формирования идентичности есть Я-аспект и эго-аспект, — заключает Эриксон. — Формирование идентичности образует часть эго в том смысле, что представляет собой синтезирующую функцию эго на одной из своих границ, а именно — на границе с социальной структурой среды и образом реальности, каким его получал ребенок во время следовавших друг за другом кризисов детства. Другими границами являются “оно” и требования, выдвигаемые нашей биологической историей и структурой, а также суперэго и мораль, идеалы эго с его идеализированными образами родителей»⁵.

Анализ теории идентичности в качестве компонента общей теории личности позволяет нам утверждать, что ее возможно рассматривать как один из первых вариантов конструктивистского подхода к решению вопроса интеграции социального действия и социальной структуры, а также как конструктивистский вариант теории социализации. Достаточно в этом плане обратиться к определению идентичности, которое получило чрезвычайно широкое распространение в современной социологии: «Идентичность — это чувство “я” и преемственность “я”, которое первоначально оформляется в детстве как отличие от родителей и семьи и обретение своего места в обществе»⁶.

⁵ Erikson E. Op. cit. P. 161.

⁶ Collins dictionary of sociology. Glasgow, 2005. P. 288.

Данное определение, однако, не включает один, но самый существенный компонент теории идентичности Эриксона, а именно, то, что формирование идентичности — это постоянно возобновляемый процесс самоопределения и соотнесения с социальной реальностью.

Здесь необходимо сделать следующее отступление. В 1950-е гг. создается как минимум две фундаментальные теории социализации, восходящие к психодинамической теории Фрейда. Речь идет о функционалистской теории социализации Т. Парсонса, основывающейся на теории Фрейда и Дж. Мида, с одной стороны, и психодинамической теории идентичности Эриксона — с другой.

Функционалистская теория социализации своим результатом имеет ролевую теорию личности, вписанную в теорию социальных институтов. Что же касается теории идентичности Эриксона, то ее социологический смысл оказался свободным от жесткости нормативно-ролевой конструкции функционализма. Именно это качество теории идентичности поставило ее в более выгодное положение перед лицом необходимости объяснения процессов, развернувшихся с особой силой и определенностью в конце XX — начале XXI в. Речь идет прежде всего о процессе индивидуализации, коррелированность с которым у теории идентичности представляется оптимальной.

“Индивидуализация” — это термин, который появился в 20-х гг. XIX в. и означает процесс высвобождения человека из традиционных картин мира, структур и практик, из аскриптивной системы статусов. Исторически процесс индивидуализации стартовал в рамках общего процесса становления модерна. Развитие модерна приводит к расширению и углублению процесса индивидуализации, при этом сам процесс индивидуализации является компонентом процесса рационализации и модернизации западных обществ. Индивидуализация протекает под влиянием и наряду с такими процессами как секуляризация, урбанизация, становление капитализма.

Изначально структурную основу процесса индивидуализации составляли социально-экономические структуры промышленного капитализма, которые посредством рыночных механизмов, конкуренции и рационализации картин мира и действия способствовали процессу индивидуализации и направляли его.

В рамках процесса общего становления модерна и рационализации оформились социальная и политическая философия и социология, которые культурно и идеологически “вели” этот процесс индивидуализации. Суть влияния этих культурных образований состояла в том, что под их непосредственным давлением создавалась система представлений о человеке модерна как рациональном, обладающим свободой исторического, социального и политического действия и творчества. Его рациональность была связана

с знанием и наукой, которые стали основой его творческой активности по преобразованию социального мира.

Эта рациональность была нормативно и ценностно ориентирована на достижение свободы, равенства и благосостояния и ведома общими идеями Просвещения и прогресса. Под влиянием подобных идей оформились принципы социального действия и агентности в обществах модерна, которые и получили отражение в социологических теориях социального действия и агентности, в теориях рационализации и модернизации.

Рассмотрение общества модерна и процесса их развития как движения в сторону от “коллективностей”, ослабления любых коллективностей, их “необязательности”, произвольного вхождения в них и свободного их выбора на фоне общего и главного процесса индивидуализации, индивидуальной конкурентоспособности, меритократизма и рациональности составило основу классических теорий социального действия от М. Вебера до Т. Парсонса. Эти теории социального действия создавались на основе анализа опыта общества классического модерна XIX — первой половины XX в., были адекватны социальной практике и составили фундамент социологической теории.

Однако в последней трети XX в. и экономическая, и социальная, и культурно-идеологическая ситуации претерпели резкое изменение.

Процессы трансформации структур промышленного капитализма в последней трети XX в. привели к ослаблению их жесткости и формированию “мягкой”, или “текучей” современности, говоря словами З. Баумана, связанной с формированием постфордистских структур в сфере производства, уходом в прошлое классических форм классовой структуры обществ начала модерна. Эти процессы фундаментальным образом трансформировали развернувшийся в обществах модерна процесс индивидуализации, лишив его объективного социально-структурного, группового институционального основания.

Помимо фундаментального изменения экономических и социальных структур необходимо указать также на изменения в культуре и функционировании знания, которые были зафиксированы постмодернистской философией и социологией.

Движение от классовой структуры общества к “массе”, к господству инструментальной рациональности, от науки — к экспертной культуре придало общему процессу индивидуализации не только резко выраженные, но даже патологические формы. Эти патологические формы в конце XX — начале XXI в. определяются прежде всего зафиксированным большинством современных социологов процессом роста социальной и культурной неопределенности, ко-

торая преследует, как подчеркивают современные социологи, индивида и его сознание и присутствует повсюду. Будущее непредсказуемо и неопределенно, а эта неопределенность исключает любое рациональное ожидание, надежду и обращенность в будущее, порождает чувство утраты контроля над настоящим и уверенности в своей способности контролировать свою жизнь, а также на первый взгляд перечеркивает идею индивидуального социального проекта.

Мир перестал быть управляемым, он вышел из-под контроля. Иллюзия возможного контроля над историческим процессом и управления им, оформившаяся в начале эпохи модерна, ушла в конце XX в. в прошлое. Мир ускользает из рук, как пишет Э. Гидденс. Современный мир, как он подчеркивает, не назовешь устоявшимся и стабильным, он полон тревог и раздирается глубокими противоречиями. «Многие из нас ощущают себя игрушкой в руках сил, которые нам неподвластны... Переживаемое нами ощущение бессилия — не признак нашей собственной слабости, а отражение недееспособности наших институтов»⁷.

Эти процессы и это качество современности делают функционально-структуралистскую ролевую теорию личности малоэффективной, так же как и классические варианты теории социального действия. Очевидно, что именно эти процессы лежат в основе взрыва интереса к теории идентичности, наблюдаемого в современной социологии. «Можно сказать, — пишет Бауман, — что “идентичность” становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Признанным объектам изучения социальных наук присваиваются новые формулировки и придается новый вид, чтобы они соответствовали дискуссиям, ныне вращающимся вокруг оси “идентичности”»⁸.

Выдвижение проблемы идентичности в центр современного социологического анализа привело к трансформации теории идентичности Эриксона в направлении ее социологизации и осовременивания. В современных социологических подходах к концептуализации идентичности можно, по нашему мнению, выделить три основных направления развития теории — конструктивистский, постмодернистский и интеракционистский.

Конструктивистские теории идентичности

В различных сферах социологического исследования социальной конструктивизм представлен различным образом. Изучение социальной идентичности оказалось той областью социологии, в

⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 36.

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 176.

которой позиции социального конструктивизма оказались во многих отношениях преобладающими. На это обстоятельство следует указать при определении основных ориентаций социологического анализа социальной идентичности.

Конструктивизм как базовая позиция в понимании генезиса и природы социальной идентичности обычно предстает, во-первых, как историческое обоснование того факта, что социальная идентичность оформляется и приобретает свою специфику только в условиях европейских обществ эпохи модерна. В связи с этим ее нельзя считать фундаментальным и универсальным свойством индивида в том плане, что индивид обладает социальной идентичностью во всех формах социально-исторической жизни. Идентичность конструируется, т.е. сознательным образом оформляется только у индивида эпохи модерна.

Во-вторых, в рамках конструктивистского подхода обосновывается и анализируется процесс оформления и реализации социальной идентичности, присущей модерну и современности. В качестве базового механизма функционирования такой идентичности обычно указывается на ее рефлексивный характер.

Рефлексивность распространяется на все аспекты формирования современной и современной идентичности индивидов. В особенной мере это видно на примере все более рефлексивного, соответственно, конструктивистского отношения современного индивида к формированию своего “Я”.

В современной социологии на значение рефлексивности, как свойства обществ позднего модерна и как механизма построения “самоидентичности”, одним из первых указал Энтони Гидденс.

Именно Гидденс создал теорию идентичности как рефлексивного проекта, которая жестко увязана с его теорией природы и характера современных, или позднемодерновых социальных институтов.

Современный процесс глобализации модерна трансформирует “внутреннюю жизнь” человека и его идентичность. Трансформация идентичности в современных условиях может быть понятной только в терминах конструирования “Я”, самости, в качестве рефлексивного проекта. Этот рефлексивный проект “Я” состоит в том, что индивид должен выбирать свою идентичность среди стратегий и выборов, предлагаемых экспертными и знаковыми системами.

Под символическими знаковыми системами подразумеваются средства обмена, которые могут функционировать безотносительно к специфическим характеристикам индивидов или групп, использующих их в любых контактах. Примерами символических знаковых систем служат различные средства политической легитимизации, деньги и т.д. “Денежная собственность” является ин-

тегральной составляющей социальной жизни модерна и его специфическим символом.

Под экспертными системами подразумеваются системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие наше материальное и социальное окружение. Большинство из нас пользуется консультациями профессионалов — юристов, архитекторов, врачей и т.д., системы, в которые включено экспертное знание, определяют нашу жизнь постоянно. Экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами “вырывают” социальные отношения из их непосредственности, делая их результатом рефлексивного усвоения знания и использования элементов экспертного социального знания социальными агентами. Производство систематического знания относительно социальной жизни становится интегральной частью системы воспроизводства всех аспектов социальной реальности.

Рефлексивно усвоенное знание приводит к качественному изменению внутриличностных психологических процессов, созидающих индивидуальное “Я” в качестве рефлексивного проекта. Если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывалась из набора последовательно сменяющих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными “метками” (типа практик перехода, или инициации), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего “Я” как конституирующие элементы самоидентичности в изменчивом, “контрфактическом” социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными системы экспертного знания, которые предлагают постоянно расширяющийся набор педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций, заменяющих однозначную определенность традиции. “Я” как рефлексивный проект — это “осуществление целостного, постоянно корректируемого биографического повествования в многовариантном контексте выбора, пропущенного через фильтры абстрактных систем”. В таком случае осуществление тождества своей личности, или “разработка траектории Я”, становится одной из главнейших жизненных задач индивида.

В условиях позднего модерна “Я” как самоидентичность обладает набором качественных характеристик, которые позволяют говорить о специфическом “Я” позднего модерна. Гидденс выделяет следующие такие характеристики:

1. “Я” есть рефлексивный проект: “мы являемся тем, что мы сами из себя создаем”, понимание себя подчинено фундаментальной задаче создания и воссоздания целостного чувства идентичности.
2. “Я” разрабатывает направление своего развития, опираясь на прошлое и прогнозируя будущее; обращение к прошлому соз-

дает эмоциональную свободу для прогнозирования и созидания будущего; построение “Я” — это многоэтапный жизненный цикл. 3. Рефлексивность “Я” всеохватна, ее природа соответствует исторической природе позднего модерна. 4. Целостность самоидентичности опирается на связанность автобиографического повествования. 5. Актуализация “Я” предполагает “диалог со временем” зон, только частично связанных с внешним временным порядком. 6. Рефлексивность “Я” охватывает также сферу телесности индивида. 7. Самоактуализация индивида требует “равновесия возможностей и рисков”, что возможно только в случае эмоционального преодоления прошлого и прогнозирования будущего. 8. Достижение идентичности “Я” как “верности себе” — это нравственная задача, которая требует понимания прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного “Я”. 9. Жизненный цикл личности — это последовательная смена этапов или эпизодов, которые не имеют ритуальных меток или внешних причин. Смена этапов осуществляется благодаря рефлексивному осуществлению траектории “Я”. 10. Развитие “Я” обладает внутренней референтностью, единственно важной ориентацией жизненной траектории является она сама. Целостность “Я” достигается рефлексивной интеграцией жизненного опыта в системе биографического повествования.

Идентичность, таким образом, — это чувство целостности и непрерывности “духовной и телесной личности”, которое постоянно создается и поддерживается путем саморефлексии и осмысливается в контексте и терминах собственной биографии, составляющей ядро самоидентичности в условиях современной социальной жизни.

Личностная идентичность есть результат прогрессирующего конструирования, основания которого закладываются уже в самые первые годы жизни. Новорожденный попадает в сферу ожиданий и планов родителей относительно него. Это предвосхищает и ориентирует формирование идентичности, определяет место младенца в семейной констелляции, дает образ желаемого будущего для него. У новорожденного нет изначально сознания собственной идентичности, он лишь постепенно приобретает чувство самого себя. Чувство идентичности формируется исходя из восприятия собственного тела и посредством взаимодействия со средой. Тело образует основу чувства идентичности и служит основным средством поддержки этого чувства.

Процесс конструирования личностной идентичности, начавшись в самом начале жизненного пути, претерпевает модификации на всем протяжении этого пути. Модификации носят большей частью характер изменений и постоянных попыток новой интеграции, а не характер простого добавления. Иногда можно говорить о разрывах и кризисах, причем речь не идет о патологиях. В этом плане всегда

выделяли подростковый кризис. Достижение взрослости воспринималось как вступление в фазу спокойствия и стабильности. В последнее время подобное видение предстало как определенный миф. В нынешних социальных условиях все большее внимание исследователей привлекает кризис идентичности, часто переживаемый пожилыми людьми, особенно при выходе на пенсию.

Очень важную роль в модификации личностной идентичности, в модификации самосознания играют различные социальные факторы такие, как выбор профессии, степень профессионального успеха и социально-экономический статус, приобретение разнообразных социальных ролей, идеологические и религиозные приверженности. “Таким образом, — заключает Э. Марк, — конструирование идентичности предстает как динамичный процесс с разрывами и кризисами, как незавершенный и постоянно возобновляемый процесс”⁹.

В той же традиции конструктивистского подхода работает Эдмонд Марк. Однако концепция Марка имеет существенное отличие от теории идентичности Гидденса. Марк дополняет чисто социологическую перспективу Гидденса психологическим анализом. Он отмечает, что идентичность предстает и как сложное, и как парадоксальное явление. Она обозначает нечто уникальное, соответственно неснимаемо отличное от других, но в то же время обозначает нечто одинаковое, похожее на других. Подобная семантическая двойственность обладает глубоким смыслом. Она указывает на то, что идентичность колеблется между подобием и отличием, колеблется между тем, что делает нас уникальной индивидуальностью и вместе с тем делает нас похожими на других. Психология демонстрирует, что идентичность конструируется посредством двойного движения ассимиляции и дифференциации, отождествления с другими и отличия от них.

Отметим, что в общем существует теоретическое согласие относительно того, что процесс оформления самоидентичности опирается на некоторые базовые данности самовосприятия индивида. Представим некоторые подобные данности, к которым апеллируют. Личностная идентичность в том числе и в своих социальных аспектах представляет собой сложное и многомерное явление. Это связано в первую очередь с тем объективным обстоятельством, что каждый индивид уникален в силу своего генетического наследия. В самовосприятии личностная идентичность связана с “чувством собственной индивидуальности” (я есть я), с чувством собственной единичности (я отличаюсь от других и обладаю теми или иными

⁹ Marc E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la société. P., 2009. С. 35.

характеристиками), а также с чувством собственной континуумности в пространстве и времени (я всегда одна и та же личность).

Кроме того, мы ожидаем от других, что каждый из них будет проявлять определенную когерентность и определенное постоянство в своем бытии, в своих установках и в своем поведении. Чрезмерная изменчивость и подвижность воспринимаются нами как некая патология.

Эти и некоторые другие базовые данности, к которым апеллируют исследователи, правомерно считать некоторыми универсальными антропологическими константами, образующими основу личностной идентичности, включающей и социальную, в любых социальных формах существования человека. Вместе с тем, их можно рассматривать как основание, как условие возможности исторически вариативных социальных идентичностей, в том числе идентичностей классического модерна и современных идентичностей. Нет серьезных оснований считать идентичность исключительно порождением модерна, если отказаться от чисто социологической перспективы и учитывать психологический и исторический взгляд на проблему.

В этом плане конструктивизм, если его считать только тезисом об исключительной связи индивидуальной идентичности с модерном, представляется связанным с радикально социологической трактовкой идентичности. Однако конструктивизм фактически получает подтверждение через указание на то, что на определенной констатной основе воздвигаются исторически вариативные формы идентичностей. Ведь оформление цивилизационно, культурно и эпохально различных идентичностей на деле всегда есть процесс рефлексивного конструирования этих идентичностей, как это продемонстрировал Эрикссон, на основе данных антропологических исследований. Идентичности, которые обычно указываются в качестве базовых, следует квалифицировать как имеющие историческую определенность, и указание на них не противоречит в принципе социально-конструктивистскому подходу.

Постмодернистские теории идентичности

Среди социологических теорий идентичности, создаваемых в постмодернистской перспективе прочтения современности, наиболее репрезентативными и информативными, на наш взгляд, являются теории Джонатана Фридмана и Зигмунда Баумана.

Нынешняя эпоха предстает у Фридмана как эпоха “усиливающегося беспорядка”, который имеет глобальную природу, но вместе с тем обладает систематическим, т.е. специфическим и предсказуемым характером. Этот беспорядок связан с разложением универ-

салистских, основывающихся на разуме структур модерна и идентичностей, в результате чего усиливается интеграция объединений более низкого порядка, возникают новые структуры и политические союзы, и, соответственно, — новые конфликты и идентичности.

Центробежные тенденции современного социального мира увязываются Фридманом с кризисом идеала всеобщего прогресса, имеющего глобальный и необходимый характер, и отходом от соответствующей политики. Этот кризис выразился в распаде единства господствующей социальной формы и иерархии идентичностей. Произошел поворот от политики, направленной на формирование национально-государственной идентичности, к политике культурной идентичности, связанной с процессом размножения “новых” идентичностей, процессом мультикультурализации. Центральным моментом указанного процесса, по мнению Фридмана, является “этнификация идентичности”. Речь идет о возникновении социальной идентичности, которая основывается на специфической конфигурации сознания, базирующейся на истории, языке, расе. Все это — социально-конструируемые реальности, однако признание их конструируемого характера не означает, по мнению Фридмана, что они ложны или идеологичны. Более того, он считает, что опасно и неразумно отрицать аутентичность этнокультурной идентичности как значимого социального феномена.

Нации эпохи модерна распались на множество этнических и культурных образований. Фридман выделяет следующие типы новых идентичностей, являющихся новой основой группообразования — этнический, националистический, религиозно-фундаменталистский и локальный. Этот процесс имеет повсеместный, глобальный характер: субнационализм; этнические и локальные движения; конфликты и локальные войны; образование общин, основанных на локальных характеристиках, обладающих собственным культурным самосознанием и стремящихся к автономии от национально-государственных центров; резкое усиление фундаменталистских религиозных движений и как результат — ослабление и трансформация национально-государственного принципа, составляющего один из компонентов проекта модерна и мирового социального и политического порядка, основанного на нем. Эта трансформация глобального порядка ведет к возникновению глобальных экономических и политических классов и широкому обнищанию и миграции больших групп населения.

Культурная этнификация представляет собой глобальный процесс, создаваемый множеством культурных идеологий, которые быстро распространяются по всему миру и способствуют активной политизации культурных идентичностей среди иммигрантских мень-

шинств, субнациональных регионов и местного населения. Речь идет об утрате гегемонии, дезинтеграции предлагаемой универсалистской модели идентичности модерна и глобальном размножении локальных идентичностей. Закат гегемонии центра принимает форму усиливающегося мультинационализма, а этническая консолидация влечет за собой формирование новых элит.

И в этом плане, анализируя позицию Фридмана, необходимо указать на следующее. Национальные группы требуют установления прозрачных границ и права присутствовать и жить в рамках любых национально-государственных образований. Кроме того, мультикультурализм и как принцип, и как практика чреват своими последствиями для универсального и гомогенного социально-культурного пространства национального государства. Иммигрантские религиозные и этнические меньшинства, сохраняя групповую организацию, сохраняют и соответствующую религиозную и этническую идентичность, что не позволяет им до конца проходить процессы ассимиляции. Более того, как свидетельствуют социологические исследования, иммигрантские меньшинства осуществляют активное сопротивление процессу ассимиляции и “растворения” в большом обществе. Их взаимодействие с большим обществом носит сложный характер. Иммигрантские группы, взаимодействуя с большим обществом, принимают его “сообщения”, но оказываются не склонными к его адекватному, соответствующему установленным нормам и правилам, прочтению. Они интерпретируют это “послание” по-своему. Культурно-нормативной системе большого общества они противопоставляют свою нормативно-культурную систему и идентичность, свои способы прочтения культурных норм и кодов и заставляют каждое нормативно-культурное послание большого общества функционировать в их собственной системе норм и кодов. В результате универсальное культурно-нормативное пространство национально-государственной территории разрывается, в нем образуются инокультурные лакуны, разрывается единая система смысловых коммуникаций. Все это напрямую “врывается” в политический процесс, порождая новые противоречия и конфликты, ставя под вопрос единство национально-государственного образования, а также порождая противоречия и конфликты в процессе конституирования индивидуальной идентичности. А это неизбежно ведет к определенным, большей частью негативным последствиям для интегрированности и целостности идентичности.

Постмодернистское видение стремится зафиксировать некоторые сложные явления, связанные с многообразным, в чем-то даже хаотичным процессом оформления этнокультурных идентичностей. Положение индивида в современных обществах определяется и

тем обстоятельством, что эти общества суть глобализированные общества. Глобализация оказывает неотвратимое воздействие на все моменты функционирования современных обществ и существование живущих в них людей.

Жизнь современного человека неизбежно оказывается втянутой в диалектические отношения между локальными социальными структурами, культурными традициями и глобализирующими структурами и силами, которые подвергают локальные обстоятельства стремительной, а зачастую и глубокой трансформации.

Анализ социальной идентичности в контексте теорий глобализации указывает на включенность субъекта во все более усложняющуюся совокупность верований, ценностей и установок, зачастую отчетливо гетерономных. Это обстоятельство выдвигает повышенные требования к сознательно-субъектным функциям при оформлении идентичности, поскольку формирование идентичности осуществляется в сложном и противоречивом социальном контексте, состоящем из несопоставимых между собой культурных образований, центробежных политических тенденций, мультикультурных идентичностей и процессов нарциссического разложения целостного “эго” модерна.

В этой же концептуальной перспективе глобального “беспорядка” и нарциссического разложения целостного эго модерна осуществляется построение теории идентичности Зигмундом Бауманом. Специфика позиции Баумана, вместе с тем, состоит в том, что он очень удачно совмещает постмодернистский подход с конструктивистским.

По мнению Баумана, на протяжении предшествующих модерну исторических этапов “идентичность” не была “частным делом” или “частной заботой”. То, что наша индивидуальность была продуктом общества, было банальной истиной, но современное прочтение этого положения заслуживает, возможно, более частых повторений: «...форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, зависят от того, как ставится и решается задача “индивидуализации”... “индивидуализация” заключается в преобразовании человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия... она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)... Модернити заменяет *предопределенность* социального положения принудительным и обязательным *самоопределением*»¹⁰. Эти свойства модерна, процессов индивидуализации и формирования идентичности в конце XX — начале XXI в. серьезно интенсифицировались.

¹⁰ Бауман З. Указ. соч. С. 182.

Задача “самоопределения”, вставшая уже перед людьми в обществах классического модерна, состояла в “приспособлении к сформировавшимся социальным типам и моделям поведения, подражанию, следованию образцам, повышению культурного уровня, попыткам не выбиться из ряда, не отойти от нормы”¹¹. Задачей было “вписаться” в отведенную нишу, и это отличает “индивидуализацию” прежних времен от той формы, которую она приняла в эпоху “текучей” современности, “когда не только *положение* индивидов в обществе, но и сами *места*, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни”¹². Сами цели становятся расплывчатыми и неопределенными, источником беспокойства и “великим неизвестным” в жизни человека. Это означает, что проблема идентичности изменила свою форму и содержание. Она “состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, *какую* идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать *другой* выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт”¹³.

Бауман выявляет очень серьезную проблему, возникшую в современном мире и ставящую перед социологической теорией вопрос о том, не устарела ли теория идентичности Эриксона, согласно которой состояние психического здоровья человека фундаментальным образом связано с субъективным ощущением целостности и преемственности его личности.

В современной “жидкой”, “текучей”, подвижной социальности рациональное поведение требует и “текучести” личности, максимальных возможностей выбора и открытости, что противоречит задаче обретения четкой или даже жесткой идентичности, являющейся основой “целостности” и “преемственности”. Идентичности, к которым стремятся в нашей современности, являются фрагментированными и атомизированными, свободно выбираемыми и сменяемыми, подобно смене одежды, автомобиля или места жительства.

Современный человек бесконечно занимается построением своих идентичностей, тратя много времени и усилий по их демонтажу, переустройству и новому формированию. Этот процесс, по мнению Баумана, является “суррогатом времяпрепровождения”, а также “суррогатом сообщества” как “естественного обиталища”, которое “более недоступно в приватизируемом и индивидуализируе-

¹¹ Бауман З. Указ. соч. С. 182.

¹² Там же. С. 189.

¹³ Там же. С. 185.

мом, стремительно глобализирующемся мире”¹⁴. Идентичность, продолжает он, пускает корни на “кладбище сообществ” и изобретается тогда, когда сообщества распадаются. Вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным, по его мнению, и соответствующим реальностям глобализирующегося мира было бы “исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены”¹⁵.

Фактически Бауман отказывается от теории идентичности Эриксона как механизма и средства сохранения целостности и преемственности личности. Он упускает из виду или просто не желает рассматривать главную проблему, которую решал Эриксон — проблему психического здоровья и социальной полноценности человека, достигаемых только в случае сохранения преемственности и целостности идентичности.

“Идентификация” в условиях подвижного и быстро меняющегося мира есть не столько современное видение проблемы целостности и преемственности личности, сколько указание на невозможность ее решения в данных условиях. Процесс идентификации, не нашедший завершения в какой-либо определенной целостной идентичности, порождает явление, давно описанное в рамках социологической теории. Оно имеет множество концептуализаций. Это и концепция “рыночного” или “шизоидного” социального характера у Э. Фромма, и различного рода концептуализации драматургического действия, и постмодернистские теории стилей жизни, потребления, символического обмена, и теории отчуждения в критической теории. В этом же русле присутствует широко известное высказывание, характеризующее современный мир как мир, в котором уже не важно, что ты делаешь, важно *какой* ты. Речь идет о фактически уже не личностной определенности, а о функционирующих в обществе моделях репрезентации. В этой связи широкое распространение и известность имеет высказывание Кристофера Лэша, которое постоянно воспроизводится в современной литературе, в частности, его цитируют и Бауман, и Гидденс: “Не надеясь на улучшение своей жизни каким-либо эффективным способом, люди убеждают себя в значимости психологического самосовершенствования; в прикосновении к своим чувствам, потреблении здоровой пищи, обучении балету или танцу живота, погружении в восточную мудрость, совершении пробежек по утрам, изучении взаимоотношений между людьми, преодолении страха перед удо-

¹⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 192.

вольствиями. Безвредные сами по себе, такие действия, поднимаемые на уровень жизненной программы и упаковываемые в ритуку достоверности и осознанности, свидетельствуют об отходе от политики”¹⁶. Данная цитата из работы К. Лэша “Культура нарциссизма” — это не только характеристика нарциссической природы современной индивидуальности, но и свидетельство разрыва фундаментальной связи между двумя компонентами идентичности — социальной идентичностью и эго-идентичностью, замене индивидуального, личностного начала совокупным набором различных моделей репрезентации.

Использование подобных практик и механизмов идентификации, предложенное Бауманом в условиях “текущей современности”, “слабого бытия” (Дж. Ваттимо), “общества спектакля” (Ги Дебор), порождает столь же непрофилированное, неструктурированное, размытое сознание идентичности, исследование которой возвращает нас в дискурс шизоанализа, который в упадке целостности сознания видит клиническую картину шизофрении. “Тот, кто изо дня в день пассивно подчиняется участи отчуждаемого, тем самым доводится до безумия, которое иллюзорно реагирует на эту участь, прибегая к магическим техникам. Признание и потребление товаров находится в самом центре этого псевдоответа на безответное сообщение. Потребность в подражании, испытываемая потребителем, является инфантильной потребностью... аномальная потребность выставления себя напоказ компенсирует здесь мучительное чувство существования на обочине жизни”¹⁷.

В результате мы вновь сталкиваемся с совершенно определенной интерпретацией социальной идентичности, ранее широко присутствовавшей в социологии. Согласно этому пониманию, социальная идентичность — это такие аспекты индивидуальной “я-концепции”, которые проистекают из членства в различных группах и оформляются в связи с идентификацией с такими социальными категориями как раса, гендер, религия, профессия, а также с другими, которые могут и не проявляться в означенных социальных контекстах. Но дело в том, что именно эта групповая перспектива размывается в современных обществах, не позволяя человеку “зацепиться” за что-то внешнее, твердое, устойчивое, и возвращает его к персоналистской задаче оформления идентичности, к осознанию того, что человек есть то, что он сам из себя сделал.

Принцип или идея “идентификации” с подвижными, быстро меняющимися реалиями современного мира становится принципом, порождающим столь же неустойчивую (чтобы не сказать ши-

¹⁶ Цит. по: Бауман З. Указ. соч. С. 189.

¹⁷ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 113.

зоидную) личность. Солидарность, консенсус и даже сама выживаемость интерактивных систем и общества в целом становится проблематичной. Проблема не просто остается нерешенной, она обостряется и поэтому требует нового прочтения, нового исследования и выявления механизмов того, как в современных условиях может осуществляться процесс воссоздания целостности и преемственности личности. Такие попытки в современной социологической теории предпринимаются в рамках методологии символического интеракционизма с опорой на классические разработки Дж. Мида и Г. Блумера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bauman Z. Индивидуализированное общество. М., 2005.

Giddens Э. Последствия современности. М., 2011.

Giddens Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Debor Г. Общество спектакля. М., 2000.

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.

Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI веков. М., 2007.

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук. М., 2011.

Кимелев Ю.А. Философия социальных наук. М., 2013.

Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2015.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализированного модерна и постмодерна. М., 1996.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–46.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

REFERENCES

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M., 2005.

Baumeister R. Identity. Cultural change and the struggle for self. N.Y.; Oxford, 1986.

Corcuff Ph. Vers une théorie générale de l'individualisme contemporain occidental // L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010. P. 329–338.

Debor G. Obshchestvo spektaklya. M., 2000.

Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y.; L., 1994.

Erikson E. Young man Luther. A study in Psychoanalysis and history. N.Y., 1958.

Friedmann J. Order and disorder in global systems: a sketch // Social research. 1993. Vol. 60. N 2.

- Gerhardt V.* Selbstbestimmung. Stuttgart, 1999.
- Giddens A.* Modernity and self-identity. Stanford, 1991.
- Giddens A.* The transformation of intimacy. Stanford, 1992.
- Giddens E.* Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. M., 2004.
- Giddens E.* Posledstviya sovremennosti. M., 2011.
- Kaufmann J.-Cl.* L'invention de soi. Une theorie de l'identite. P., 2007.
- Kaufmann J.-Cl.* La force structurante d'une illusion: l'individu // L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010. P. 247–254.
- Kimelev Yu.A.* "Sub"ekt" i "sub"ektivnost" v sovremennoi zapadnoi sotsial'noi filosofii. M., 2006.
- Kimelev Yu.A.* Zapadnaya filosofskaya antropologiya na rubezhe XX–XXI vekov. M., 2007.
- Kimelev Yu.A.* Metodologiya sotsial'nykh nauk. M., 2011.
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya sotsial'nykh nauk. M., 2013.
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya i sotsiologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodeistviya. M., 2015.
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Sotsiologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna. M., 1996.
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Filosofiya sotsial'nykh nauk // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2014. N 1. S. 20–46.
- Marc E.* La construction identitaire de l'individu // Identite (S). L'individu, le groupe, la societe / Coordonne par C. Halpern. P., 2009. P. 28–35.
- Polyakova N.L.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva. M., 2004.
- Redeker R.* Egobody. La fabrique de l'homme nouveau. P., 2010.
- Rodriguez M.* La conciencia y la accion: observaciones sobre el concepto de persona // Pensando la mente / Ed. by F. Chacon, G.M. Rodrigues. Madrid, 2000. P. 357–381.
- Runciman W.G.* The social animal. Ann Arbor, 2000.
- Schilling Ch.* The body and social theory. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; 2012.
- Searle J.R.* Mind, language and society. L., 1999.
- Searle J.R.* Making the social world. N.Y., 2010.
- Sibilia P.* El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologias digitales. Buenos Aires, 2005.
- Taylor Ch.* Sources of the self. Cambridge, 1989.
- Touraine A.* Critique de la modernite. P., 1992.
- Turner Br.S.* The body and society. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore, 2008.
- Vattimo G.* La fine della modernita. Roma, 1999.
- Waldenfels B.* Das leibliche Selbst. Frankfurt a/M., 2000.

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕТИ**

D.E. Dobrinskaya, candidate of sociology, associate professor at the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF INTERNET: THEORETICAL APPROACHES TO THE NETWORK ANALYSIS

Сеть представляет собой мощное средство для исследований современной социальной реальности. В контексте осмысления интернета роль сетевого концепта является ведущей. Изучение интернета осуществляется в рамках различных научных дисциплин и с точки зрения различных исследовательских перспектив. Для современной социологии сеть является эффективным способом изучения социальной структуры, которое осуществляется посредством выявления различных моделей связей и отношений с возможностями их количественного анализа и визуального отображения. Метафора сети используется в качестве одной из наиболее репрезентативных для описания нового типа общества, более гибкого, децентрализованного и индивидуализированного, в котором господствующей формой организации является именно сетевая форма. Сеть также представляет собой и сам процесс изучения социальной реальности. Таким образом, в перспективе исследования интернета три сетевых теоретических направления являются наиболее актуальными — анализ социальных сетей, теория сетевого общества и акторно-сетевая теория. Все эти подходы, по-своему интерпретируя сеть, вносят особый вклад в изучение интернета и его влияния на все сферы жизнедеятельности современного общества. В статье представлен обзор основных теоретических подходов к исследованию сети. Этот обзор свидетельствует об отсутствии единого смыслового пространства при определении категории “сети”, что, в свою очередь, указывает на необходимость более глубокого изучения особенностей каждого из подходов с точки зрения их применимости в исследовании интернета.

Ключевые слова: *сеть, сетевое общество, анализ социальных сетей, акторно-сетевая теория, интернет.*

The network is a powerful tool for contemporary social reality studies. The role of network concept is the leading in the Internet research. Internet studies are carried out by various scientific disciplines and in different scientific perspectives.

* **Добринская Дарья Егоровна**, e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com

** Окончание. Начало в № 3 за 2016 г.

The network is an efficient way of social structure analysis for contemporary sociologists. It gives broad opportunities for detailed and fruitful research of different patterns of ties and social relations by quantitative analytical methods and visualization of network models. The network metaphor is used as the most representative tool for description of a new type of society. This new type is characterized by flexibility, decentralization and individualization. Network organizational form became the dominant form in modern societies. The network is also used as a mode of inquiry. Actually three theoretical network approaches in the Internet research case are the most relevant: social network analysis, “network society” theory and actor-network theory. Every theoretical approach has got its own notion of network. Their special methodological and theoretical features contribute to the Internet studies in different ways. The article represents a brief overview of these network approaches. This overview demonstrates the absence of a unified semantic space of the notion of “network” category. This fact, in turn, points out the need for detailed analysis of these approaches to reveal their theoretical and empirical possibilities in application to the Internet studies.

Keywords: network, network society, social network analysis, actor-network theory, Internet.

Изобретение интернета и его масштабное распространение стало свидетельством наступления эпохи сетевого общества¹. Еще до создания этой уникальной технологии начались активные процессы качественных социальных изменений во всех сферах общественной жизни. Социальные взаимодействия стали выходить далеко за пределы конкретного географического пространства благодаря широкомасштабному использованию таких средств коммуникации как телеграф и телефон, интенсивному развитию транспортной инфраструктуры и, наконец, повсеместному распространению интернета. Сегодня жизнь человека уже невозможно ограничить рамками одной группы, существующей только “здесь и сейчас”, поскольку она все больше рассеивается в бесчисленных потоках сетевых взаимодействий. Речь идет о процессах “глокализации”, когда наряду с продолжающими играть важную роль отношениями в семье, соседской общине и на рабочем месте, серьезное значение приобретают связи и отношения на расстоянии, основой функционирования которых являются новые средства информационно-коммуникационных технологий². Таким образом, интернет способствует развитию сетевого общества, в котором границы становятся все более прозрачными, а индивид включен в функционирование множества разнообразных сетевых структур. Этими обстоятельствами и обусловлен интерес к изучению интернета.

¹ Haythornthwaite C., Wellman B. The Internet in everyday life. An introduction / Haythornthwaite C., Wellman B. The Internet in Everyday Life. Hoboken, 2002. P. 32.

² Ibid. P. 32–33.

В научной литературе, как правило, рассматривают три ключевых аспекта исследования интернета: как особое социальное пространство, как уникальное средство коммуникации и как важнейшая технологическая новация. Каждый из этих аспектов требует постановки совершенно определенных задач относительно изучения содержания, функционирования и влияния интернета. При этом не вызывает сомнений то, что какой бы вопрос относительно интернета не стоял перед исследователем, интернет всегда рассматривается прежде всего как сеть. Отсюда — необходимость анализа различных теоретических подходов к сети, их систематизация и определение границ их применения в перспективе анализа интернета.

Разработка этих подходов осуществлялась на протяжении всей второй половины XX столетия и продолжается сегодня. Теоретики из различных научных сфер по-своему интерпретируют сеть, в результате чего представления о сетях носят фрагментированный характер, поскольку в различных теоретических областях присутствуют собственные теоретические предпосылки, изучение сетей осуществляется на различных уровнях и используются разнообразные методологические принципы и специальные инструменты анализа. В результате оформляется серия теорий “сетевое общество” (*network society*)³, разрабатывается анализ социальных сетей (*social network analysis*), а также возникает оригинальная интерпретация сети в рамках акторно-сетевой теории (*actor-network theory*).

Анализ социальных сетей

Анализ социальных сетей (*social network analysis, SNA*) в том виде, в котором он представлен сегодня, был сформирован под влиянием целого ряда довольно разнообразных с содержательной точки зрения теоретических позиций. Эти позиции так или иначе пересекались друг с другом в чрезвычайно сложной истории становления и развития данного исследовательского подхода. Несмотря на все те трудности, которые, как правило, возникают в попытках проследить историю развития SNA, исследователи выделяют три ключевые традиции. Во-первых, социометрический анализ, в рамках которого ученые работали с малыми группами и сделали целый ряд важных открытий, используя методы теории графов. Вторую традицию связывают с исследованиями Гарвардской школы, в рамках которой в 1930-х гг. изучали различные модели межличностных взаимоотношений и формирование так называемых “клик”.

³ См.: *Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38.

И, наконец, третья традиция связана с Манчестерской школой антропологии, представители которой, основываясь на достижениях первого и второго направления, изучали структуру отношений в племенных и сельских общинах. Эти исследовательские наработки способствовали тому, что в 1960–1970-е гг. снова в Гарварде сформировался современный анализ социальных сетей в том виде, в каком он и представлен сегодня⁴. Среди наиболее влиятельных сетевых аналитиков можно выделить С. Берковитца, С. Вассермана, М. Грановеттера, Д. Ноука, Х. Уайта, Б. Уэллмана, Л. Фримана и др., благодаря исследованиям которых сетевой анализ в настоящее время является весьма востребованным и применяется в различных научных областях.

Так, канадский социолог Барри Уэллман одним из первых систематизировал и представил историю развития сетевого аналитического подхода и основные принципы его функционирования. В настоящее время особое внимание исследователь уделяет проблемам применения сетевого анализа в контексте развития информационно-коммуникационных технологий.

Б. Уэллман отмечает, что существующее многообразие толкований сущности сетевого (или структурного) анализа⁵ связано, прежде всего, с тем фактом, что многочисленные его теоретики и практики сводят содержание SNA либо к набору специальных аналитических методик, либо превращают его в абстрактную метафору. При этом многие из них ошибочно полагают, что выявленные в ходе сетевого анализа элементы структуры, обладают одинаковыми ресурсами, а связи между элементами в сети являются симметричными по форме и эквивалентными по содержанию.

По мнению Б. Уэллмана, сетевой анализ представляет собой всеобъемлющий парадигматический способ серьезного и всестороннего изучения социальной структуры, в результате которого выявляются различные модели связей и определяется степень их влияния на распределение ресурсов в социальной системе⁶. Неоспоримым преимуществом структурного анализа, по мнению Б. Уэллмана, является возможность эффективного сочетания теоретических разработок сетевого подхода и практических новшеств в области сбора и анализа данных, что повышает объективность и достоверность результатов анализа.

⁴ *Scott J.* Social Network analysis: a handbook. L., 2000. P. 7.

⁵ Следует отметить, что в работах Б. Уэллмана структурный и сетевой анализ отождествляются.

⁶ *Wellman B.* Network analysis: from method and metaphor to theory and substance // Social Structures: a Network Approach / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. N.Y., 1988. P. 20.

В настоящее время анализ социальных сетей, пройдя сложный путь становления и оформления в качестве самостоятельного научного направления, содержит, по убеждению Б. Уэллмана, фундаментальные теоретико-методологические основания, позволяющие определять SNA в качестве особой парадигмы, которой присущи следующие характеристики:

1. Структурный характер деятельности, а не особенности отдельных элементов структуры объясняют поведение в социальной системе.

2. Фокус анализа переносится с изучения атрибутивных свойств элементов структуры на выявление характера отношений между этими элементами. Таким образом, вопрос относительно распределения элементов по категориям в соответствии с их внутренним содержанием остается за границами исследования аналитика.

3. Исследовательский интерес, следовательно, в первую очередь, связан с вопросом о том, как определенные модели отношений влияют на поведение каждого члена сети.

4. Структура, по мнению сетевых аналитиков, представляет собой сеть сетей, которая может быть/не быть расчленена на дискретные группы. При этом тесно связанные группы далеко не всегда являются составляющими общей структуры.

5. Сетевая аналитическая методология учитывает реляционный характер социальной структуры, поэтому методы сетевого анализа дополняют, а иногда даже и заменяют базовые статистические инструменты исследования, которые в качестве объекта изучения используют независимые единицы анализа⁷.

Таким образом, в современной социологии структурный подход, который основан на изучении взаимодействий между социальными акторами, называется анализом социальных сетей. Как правило, объектом исследовательского интереса являются связи между отдельными индивидами, либо связи между группами или организациями, либо в качестве объекта исследования могут выступать отношения между национальными государствами и международными альянсами.

Основная идея представителей этого направления состоит в том, что структурирование социальных связей, в которые вовлечены индивиды, имеет важные последствия для отдельного человека. Сетевые аналитики стремятся выявить различные модели этих взаимодействий, определить условия, при которых эти модели возникают и функционируют, а также выяснить, какую роль эти взаимодействия играют в жизни индивида и общества в целом.

⁷ Wellman B. Op. cit. P. 20.

Как указывает Линтон Фриман, до появления анализа социальных сетей в том виде, в котором он известен сегодня, исследователи использовали один или комбинировали несколько структурных подходов для изучения социальных явлений и процессов. Одни уточняли и раскрывали базовые структурные положения. Другие собирали данные о каждом отдельном акторе, что позволяло систематизировать различные социальные модели взаимодействий. Отдельно разрабатывались и внедрялись в исследовательский процесс специальные процедуры для построения визуальных образов различных типов связей. А некоторые ученые осуществляли математические вычисления или прописывали математические свойства социальных моделей. И лишь совсем недавно все эти подходы были объединены в единую исследовательскую парадигму, которая получила название “анализ социальных сетей”. Л. Фриман, также как и Б. Уэллман, полагает, что наличие общих характеристик, образующих самостоятельное исследовательское поле, позволяет определять SNA в качестве оформившейся научной парадигмы, которую характеризуют следующие черты:

1. Базовой посылкой анализа социальных сетей является положение о наличии связей, соединяющих социальных акторов.
2. SNA основывается на данных эмпирических исследований, которые систематически обновляются.
3. Анализ социальных сетей в значительной степени опирается на графическое отображение результатов.
4. Исследования в рамках SNA осуществляются с помощью математического и/или вычислительного моделирования.
5. Спектр применения анализа социальных сетей является чрезвычайно обширным, и с каждым годом количество сфер его приложения возрастает⁸.

Именно поэтому в настоящее время сетевой анализ объединяет исследователей из различных научных дисциплин, таких как социология, антропология, математика, экономика, политология, статистика, эпидемиология, компьютерные науки, исследования организационного поведения и маркетинг, и даже физика. Несмотря на их различия в плане академической подготовки все эти исследователи — приверженцы структуралистского типа мышления, воплощенного в сетевом подходе.

Процесс институционализации анализа социальных сетей как научного направления также демонстрирует факт оформления его в качестве самостоятельной научной дисциплины. Существует

⁸ Freeman L.C. The development of social Network analysis: a study in the sociology of science. Vancouver, 2004. P. 3.

международное академическое сообщество International Network for Social Network Analysis (INSNA), которое было организовано в 1976 г. по инициативе Б. Уэллмана. Начиная с 1980 г. ежегодно проходит конференция “Sunbelt Social Network Conference”, на которой обсуждаются наиболее актуальные вопросы в области анализа социальных сетей. В настоящее время издаются три профессиональных журнала “Social Networks” (с 1978 г.), “Connections” (с 1977 г.) и “Journal of Social Structure” (электронный журнал). Первые крупные работы, посвященные анализу социальных сетей, появляются в начале 1980-х гг. К примеру, работа С. Берковитца “Введение в структурный анализ: сетевой подход к социальным исследованиям”⁹, а также работа Д. Ноука и Дж. Куклински “Сетевой анализ”¹⁰ и др. Эти работы были переведены на многие иностранные языки. К сожалению, на данный момент перевода этих работ на русский язык нет. Существует также большое количество компьютерных программ, разработанных специально для анализа и визуализации социальных сетей. Кроме того, существует ряд центров по обучению анализу социальных сетей по всему миру.

Изучение содержания анализа социальных сетей, как правило, начинается с истории его возникновения и развития. И здесь, как уже отмечалось, есть существенные разногласия и противоречия среди исследователей. Так, Л. Фриман предлагает рассматривать четыре этапа в развитии этого аналитического подхода.

Первый этап (с середины XIX в. — до 20-х гг. XX в.): идеи, предложенные на этом этапе, фактически предвосхитили ключевые теоретические положения и практики современного анализа социальных сетей. На этом этапе Л. Фриман считает важным указать идеи О. Конта, который, по его мнению, первым начал рассматривать общество с точки зрения наличия связей между социальными акторами. Ф. Теннис в своей работе “Община и общество. Основные понятия чистой социологии” различает понятие общины и общества, которые характеризуются определенным типом социальных связей. Немецкий мыслитель пишет о том, что в традиционном обществе господствуют личные и непосредственные связи, соединяющие индивидов, обладающих общими ценностями и верованиями. В современном обществе социальные связи носят формальный характер, они обезличены и инструментальны. Далее Л. Фриман отмечает роль исследований Э. Дюркгейма, в том числе важное значение имеет его идея механической и органической со-

⁹ Berkowitz S.D. An introduction to structural analysis: the Network approach to social research. Toronto, 1982.

¹⁰ Knoke D., Kuklinski J. Network analysis. Beverly Hills, 1982.

лидарности. Л. Фриман также указывает на работы Г. Спенсера и Ч. Кули, которые предлагают различать традиционные и современные общества на основании анализа соответствующих типов социальных связей.

Наиболее серьезное влияние на становление анализа социальных сетей в рамках первого этапа оказали идеи Г. Зиммеля и его формальной социологии, в рамках которой общество рассматривается как совокупность социальных форм, т.е. таких связей, которые соединяют общество в пространстве и во времени, выступая посредником во всей совокупности взаимодействий индивидов.

Таким образом, осуществив краткий экскурс в историю классической социологии, Л. Фриман, заключает, что в работах классиков социологической мысли пока лишь на интуитивном уровне взаимодействия индивидов рассматривались с точки зрения наличия определенных типов связей.

Второй этап развития анализа социальных сетей связан с разработкой теории социометрии, предложенной Я. Морено и его единомышленниками¹¹. Л. Фриман указывает, что фактически методы социометрии стали базой современного анализа социальных сетей, поскольку в основе изучения общества лежал структурный принцип. При этом исследование осуществлялось посредством систематического сбора и анализа эмпирических данных, их графического отображения и воплощения в четкой математической модели¹².

Примерно в то же самое время У.Л. Уорнер, ученик А. Рэдклифф-Брауна, начинает масштабное исследование “Янки сити” в г. Нью-Берипорт (штат Массачусетс, США), которое фактическим послужило основой для последующего развития структурного анализа в Гарварде. У.Л. Уорнер также сотрудничал с Э. Мэйо в рамках проводимого последним “Хоторнского эксперимента”. У.Л. Уорнера, прежде всего, интересовал вопрос возникновения неформальных связей в рамках существовавшей организационной структуры. Этот вопрос является одним из ключевых и для современных сетевых аналитиков.

Л. Фриман отмечает, что несмотря на то что работа в Гарварде так или иначе затрагивала все ключевые аспекты анализа социаль-

¹¹ Здесь речь идет о Х.Х. Дженнингс и П. Лазарсфельде. Л. Фриман отмечает, что Я. Морено принадлежит сама идея создания социометрии, тогда как систематическая эмпирическая база была подготовлена именно Х. Дженнингс. П. Лазарсфельд обеспечил разработку базовой вероятностной модели социометрической выборки, которая в варианте Морено-Дженнингс отсутствовала.

¹² *Freeman L.C. The development of social Network analysis: a study in the sociology of science. Vancouver, 2004. P. 39.*

ных сетей, гарвардским ученым так и не удалось создать целостную исследовательскую парадигму. Участники группы были разобщены, некоторые из них вышли из состава группы, часто возникали конфликты, причиной которых являлись в том числе и идейные разногласия. Не все члены группы признавали важность внедрения четких процедур сбора данных и математических вычислений. В результате работа гарвардской группы над созданием структурной парадигмы, как правило, не рассматривается в рамках истории развития анализа социальных сетей, отмечает Л. Фриман¹³.

Следующий, *третий этап* (40–60-е гг. XX в.) исследователь характеризует как “темные времена” для анализа социальных сетей, поскольку в это время сетевой подход так и не оформился в самостоятельное теоретическое направление. Это вовсе не означает, что исследований в рамках структурной (сетевой) перспективы не было совсем. Как раз наоборот, исследований было довольно много, они осуществлялись представителями различных теоретических школ и внутри различных научных дисциплин¹⁴.

Четвертый этап развития анализа социальных сетей, который начинается с 70-х гг. XX в. и продолжается до настоящего времени, связан с возрождением этого анализа в Гарварде, где Харрисон Уайт со своими учениками провел ревизию существующего понятийного аппарата и методологического инструментария анализа социальных сетей, предложив его в новом виде. В частности, Х. Уайт предложил применение формальных инструментов для изучения социальных сетей. Он стремился объяснить суть социальных отношений по аналогии с физическими явлениями и процессами, а социальную структуру общества рассматривал через наличие в ней определенных моделей отношений, а не через атрибутивные характеристики отдельных индивидов. Многие исследователи отмечают особые заслуги Х. Уайта не только в создании сетевой парадигмы, но и в воспитании целого поколения молодых талантливых ученых, которые впоследствии продолжили работу в рамках структурного (сетевого) направления¹⁵.

Б. Уэлман, также как и Л. Фриман, указывает на сложный путь развития и институционализации SNA. По его мнению, историю развития сетевого аналитического подхода целесообразно изучать в перспективе анализа трех различных традиций — концепции социальной сети в социальной антропологии, структурного объяс-

¹³ Freeman L.C. Op. cit. P. 63–64.

¹⁴ См. более подробно об этом: Ibid. P. 65–120.

¹⁵ Среди его учеников П. Бернар, Р. Брейгер, М. Грановеттер, К. Кэрли, Б. Уэлман, К. Фишер и др.

нения политических процессов и изучения социальной структуры как социальной сети¹⁶.

Так, в рамках первой традиции, связанной с развитием концепции социальной сети в антропологии, Б. Уэллман отмечает, что после Второй мировой войны социальные антропологи (большинство исследователей были представителями Британской школы антропологии) особое внимание уделяли изучению сетей социальных отношений (А.Р. Рэдклифф-Браун, П. Боханнан и др.). Они использовали сетевую метафору в описании социальной структуры. При этом их особо интересовало поведение в замкнутых групповых образованиях, которое детерминируется определенным типом культуры, характерным для той или иной социальной системы. Таким образом, фокус исследований был направлен на изучение культурных систем нормативных прав и обязанностей, которые предписывают надлежащее поведение в таких ограниченных группах, как племена, деревни или отдельные подразделения в организациях.

Позднее в 50-х гг. прошлого века стало очевидно, что результаты подобного рода анализа не позволяют делать выводы о связях, выходящих за границы отдельных групп. Ученые попытались систематизировать и дополнить имеющиеся на тот момент структурные исследования, определив сеть как набор связей, соединяющих членов социальной системы, пересекающих различные социальные образования и ограниченные группы¹⁷. В это время Дж. Барнс предлагает термин “социальная сеть”¹⁸, а Э. Ботт представляет первый количественный измеритель сетевой структуры — “knit”, который сегодня называют “плотность” сети¹⁹. Со временем количественных измерителей, используемых для описания различных форм социальных сетей, становится гораздо больше.

Вторая традиция, по Б. Уэллману, связана с развитием количественного анализа и с распространением эмпирических исследований в этой области. Если у антропологов в процессе разработки сетевого подхода интерес постепенно смещался с вопроса о существенных характеристиках сети на анализ различных сетевых форм, то в рамках второй традиции, представителями которой преимущественно являются американские ученые, главный вопрос состоял

¹⁶ *Wellman B.* Network analysis: some basic principles // *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. P. 158–162.

¹⁷ *Wellman B.* Network analysis: from method and metaphor to theory and substance. P. 21.

¹⁸ *Barnes J.A.* Class and committees in a Norwegian island parish // *Human Relations*. 1954. Vol. 7. P. 39–58.

¹⁹ *Bott E.* Family and social Network. L., 1957.

в изучении функционирования социальной системы с точки зрения того влияния, которое оказывают на нее различные модели отношений. В 1950-х гг. в США наблюдается повышенный интерес к работам Г. Зиммеля, работы которого начинают активно переводить на английский язык. Особенно привлекательным для американских исследователей становится утверждение немецкого мыслителя об определяющем влиянии формы социальных отношений на содержание этих отношений. В попытках ответить на вопрос о том, как размер социальной системы и тип связей влияют на индивидуальное поведение, исследователи активно разрабатывают специальные методики для описания различных моделей взаимодействий. Так, социометристы начинают использовать сетевые диаграммы для наглядного представления межличностных взаимодействий в малых группах (Я. Морено, Дж. Коулмен и др.). В дальнейшем распространение информации, эпидемий рассматривается как феномен социальной сети, а для описания их распространения применяются инструменты “теории графов”, которые позволяют фиксировать связи между членами социальной системы с помощью точек и линий. Позднее аналитики пришли к выводу о том, что для изучения масштабных социальных сетей оптимальным методом будет построение матричных моделей.

Что касается третьей традиции, связанной со структурными объяснениями политических процессов, то здесь исследователей интересует то, каким образом отношения власти и обмена между различными группами интересов и даже между целыми государствами становятся результатом совершенно определенных политических процессов. Одни ученые стремились объяснить доступ к государственной власти посредством функционирования политических сетей и коалиций. Другие исследователи ограничивались лишь теоретическими положениями сетевого анализа, избегая при этом применения его методов, с целью исследования зависимостей связей в системах на макроуровне между национальными государствами и другими крупными группами интересов.

Таким образом, становится очевидно, пишет Б. Уэллман, что сетевой анализ представляет собой особый способ изучения социальной структуры, который благодаря сформировавшемуся набору правил и принципов становится применим во многих областях научных исследований. Эти основополагающие принципы сетевого анализа канадский исследователь представляет в следующем виде:

1. Изучение социальных отношений обладает мощным объяснительным потенциалом по сравнению с анализом личных качеств отдельных членов системы.

Социальная структура должна рассматриваться не просто как сумма отдельных акторов, а как совокупность отношений, возникающих между акторами внутри группы или между группами.

2. Нормы являются результатом расположения в структурированной системе социальных отношений.

Для сетевых аналитиков важно объяснить фактическое поведение индивидов или общностей, а не предписываемое им поведение. Таким образом, нормы есть результат формирования определенной структуры отношений; они не являются причиной возникновения этой структуры.

3. Социальные структуры определяют сущность диадических отношений.

Сетевые аналитики утверждают, что модели связей в социальной системе влияют на потоки ресурсов, проходящих через эти связи. В сетевом анализе поэтому важно изучать не просто связь между двумя индивидами, поскольку связь представляет собой часть социальной системы, в которую индивиды включены. Каждая связь дает участникам сети не прямой доступ ко всем, кто связан с другими членами диад. Посредством этих комплексных цепей отношений передаются и распределяются ограниченные ресурсы сети.

4. Мир представляет собой совокупность сетей, а не является суммой дискретных групп.

Участники сетей одновременно состоят во многих социальных кругах, которые вместе образуют социальные системы (это положение отсылает к идее кругов общения Г. Зиммеля).

5. Структурные методы дополняют и заменяют статистические методы.

Статистические методы рассматривают отдельных индивидов в качестве независимых единиц анализа. Социальные же процессы невозможно описать таким образом, поскольку социальные процессы представляют собой нечто большее, чем просто сумму отдельных их элементов. Переход от методологического индивидуализма к структурному анализу требует разработки новой реляционной методологии и пересмотра базовых единиц анализа²⁰.

В отличие от более абстрактного представления сетевого общества, предложенного М. Кастельсом и Я. Ван Дейком, теоретики анализа социальных сетей стремятся объяснить функционирование и взаимодействие акторов в сетях с помощью эмпирических исследований. «Базовой посылкой анализа социальных сетей является применение социограмм точек и линий для отображения

²⁰ Wellman B. Network analysis: from method and metaphor to theory and substance. P. 30–40.

положения агентов и их социальных отношений. Модели связей между этими линиями в социограмме представляют реляционную структуру общества или социальной группы”²¹. Представители современного сетевого анализа применяют его для исследования тех форм отношений, которые возникают в связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, в том числе и интернет-технологий. Все это спровоцировало возникновение целого ряда серьезных вопросов относительно того, каким образом новые технологии, в частности интернет, становятся частью социального мира, и каким образом изучать сложнейшие сети отношений, которые в результате возникают²².

Анализ социальных сетей использует идею сети как раз для того, чтобы представить новые формы человеческих взаимодействий. Идея современного сетевого анализа состоит в утверждении, что компьютерные сети становятся социальными, только когда они соединяют отдельных индивидов, группы индивидов или организации.

Акторно-сетевая теория

Вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии технологического и социального лежит в основании акторно-сетевой теории (АСТ). Ее представители предлагают особый метод изучения социотехнических отношений в условиях сложных сетей взаимосвязи и взаимообусловленности, в которых технологические, социальные и культурные элементы рассматриваются в одной общей плоскости взаимодействия. Продолжая постструктуралистскую традицию, акторно-сетевая теория отрицает наличие диалектических оппозиций субъект—объект, природа—общество, действие—структура, макро—микро. Разнообразные практики производятся в результате совместной деятельности людей (human) и не-людей (non-human). Общество, таким образом, сконструировано из людей и не-людей, которые остаются в равной степени активными²³. В условиях динамичных технологических инноваций и широкомасштабного распространения информационно-коммуникационных технологий методология акторно-сетевой теории предлагает уникальные возможности построения сложных моделей взаимосвязей науки, технологии и общества.

АСТ как самостоятельное направление по-своему интерпретирует социальную реальность, при этом противопоставляя себя клас-

²¹ Lopez J., Scott J. Social structure. Buckingham, 2000. P. 59.

²² Gane N., Beer D. New media: the key concepts. Oxford, 2008. P. 23.

²³ Каллон М. Акторно-сетевая теория // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Elsevier Sciences Ltd., 2001. P. 62–66 (На правах рукописи).

сическим социологическим подходам и указывая на ошибочное понимание ими категории “социального”.

АСТ появляется в рамках исследований науки и технологий (STS)²⁴. Являясь обширным полем междисциплинарных исследований науки и технологических инноваций, STS начинает свое активное развитие в конце 1970-х гг. Как указывает Дж. Ло, STS представляет собой исследование науки и технологий в социальном контексте, что означает неразрывные связи и взаимодействия научного знания и технологии, которые функционируют “не в вакууме”, а “участвуют в социальном мире, формируются им и одновременно формируют его”²⁵.

Среди наиболее влиятельных представителей этого подхода следует указать Б. Латура и М. Каллона, чьи научные исследования связаны преимущественно с разработкой и уточнением общих теоретико-методологических оснований акторно-сетевой теории, а также Дж. Ло, А.-М. Мол, М. Акринч, В. Синглтон, которые занимаются исследованиями науки и технологий в русле АСТ.

Б. Латур, объясняя, что представляет собой акторно-сетевая теория, указывает на то, что она, возникнув из социологии науки, сделала собственные “крайние выводы, касающиеся не только науки, но и социальной теории”²⁶, суть которых сводится к тому, что:

- во-первых, всесторонняя социология науки возможна с точки зрения полноценного своего функционирования;
- во-вторых, такая социология не должна ограничиваться лишь внешним социальным контекстом науки, учитывая техническое и когнитивное содержание научных исследований;
- в-третьих, для объяснения научных практик методы традиционной социальной теории не являются достаточными и эффективными.

Как следствие, возникает необходимость создания новой теории, которая смогла бы пролить свет и на “более тонкие темы”²⁷.

М. Каллон отмечает, что для основателей АСТ социальное объяснение научных фактов и технических артефактов является тупико-

²⁴ Следует отметить, что одной и той же аббревиатурой STS изначально обозначали себя две разные группы исследователей, которые расшифровывали STS либо как science and technology studies, либо как science, technology and society. Со временем многие перестали уточнять расшифровку, считая, что принципиальные различия стерлись (см. подробнее об этом: Хархордин О.В. Предисловие к Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. С. 7–8).

²⁵ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. С. 34.

²⁶ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 133.

²⁷ Там же. С. 136.

вым методом, поскольку в этом случае получается, что какой-то физический объект с помощью социального объяснения можно легко заменить другим объектом, принадлежащим обществу, что фактически означает идеологизированность наличествующих научных фактов, которые становятся лишь отражением чьих-то интересов²⁸. Б. Латур по этому поводу пишет, что “нет существенного различия между гуманитарными или общественными науками и науками точными или естественными, потому что нет больше науки, отличной от общества”²⁹.

Социальный феномен, по мнению Б. Латура, обозначает некий устойчивый набор связей, который может быть использован для последующего описания совершенно другого феномена. Социология же является “наукой о жизни сообща”, не наукой о социальном, а наукой о прослеживании связей, где “социальное” является типом связи между вещами, которые сами по себе социальными не являются.

“Социологию социального” теоретики АСТ называют дорелятивистской, в которой акторы выполняют лишь роль информантов. “Новая” социология, разрабатываемая в рамках АСТ, представляет собой “социологию ассоциаций”. Как раз она является релятивистской, поскольку в условиях чрезвычайно быстрых и часто радикальных трансформаций, в том числе в связи с постоянными технологическими изменениями, абсолютистская система взглядов становится попросту “провальной”.

Нужно отметить, и Б. Латур многократно это подчеркивает, что идеи АСТ не являются совершенно новыми. Анализируя теории классиков социологической мысли, ученый указывает лишь на одну фигуру, которая “выбивается” из общей картины классической социологической теории. Только Г. Тард совершенно точно определял общество как комплексную систему, представляющую собой соединение материальных и нематериальных объектов. Для Г. Тарда социальное — это не особого рода реальность (как, к примеру, для Э. Дюркгейма). Социальное представляет собой особый принцип соединения.

Б. Латур находит еще одного единомышленника среди представителей предшествующей социологической традиции в лице Г. Гарфинкеля, который, по его мнению, совершенно адекватно представляет основную задачу социологии, состоящую в объяснении основ функционирования общества. Г. Гарфинкель убежден, что

²⁸ *Каллон М.* Указ. соч.

²⁹ *Латур Б.* Пастер: война и мир микробов, с приложением “Несводимого”. СПб., 2015. С. 210.

социология не должна использовать общество в качестве средства для объяснения чего-то другого, в том числе и политических процессов.

Задача АСТ состоит в “пересборке социального”, суть которой заключается в “следовании за самими акторами”. При этом “пересборка социального” — это всего лишь возобновление работы, которая была начата, но ее остановили “социологи социального”. Для осуществления пересборки социального необходимо обратиться к базовым посылкам социальных наук, так называемым “неопределенностям”. Отталкиваясь от существования этих неопределенностей, Б. Латур и демонстрирует ключевые разногласия между двумя проектами социологий — социального и ассоциаций — по поводу того, из чего состоит мир. Эти разногласия связаны с природой групп, действий, объектов, фактов и типов исследования. Он убежден, что у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность. «Слово “группа” — настолько пустое, что не предлагает ни объема, ни содержания»³⁰. В ходе любого действия появляется множество различных агентов, способных повлиять на первоначальные цели актора. Сущность объектов для представителей АСТ является открытым вопросом, поскольку категории взаимодействия агентов могут быть совершенно различными. Те открытия, которые совершаются учеными-естественниками, порождают многочисленные дискуссии со стороны общественности. Последняя неопределенность связана с типом исследования социальных наук, так как эмпиризм социальных наук не всегда очевиден³¹.

Определяя различия между социологией социального и социологией ассоциаций, Б. Латур предлагает обратить внимание на тип средств (“проводники” и “посредники”), которые воспроизводят социальное. В большинстве социологических подходов таким средством выступают “проводники”, которые переносят значения или силу, не преобразуя их. В отличие от них “посредники” не являются просто единицей: они преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения и элементы.

“Актор” — это то, что побуждается к действию множеством других. В словосочетании “актор-сеть” актор не является источником действия, а представляет собой движущуюся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении. Б. Латур уточняет, что употребление понятия “актор” не вносит ясности в определение действующего, т.е. никогда не ясно, кто или что действует и когда это действие происходит. Поэтому действие яв-

³⁰ Латур Б. Пересборка социального... С. 44.

³¹ Там же. С. 36.

ляется смещенным. «Я использую термин “актор”, “агент” или “актант” без всякой задней мысли о том, что они могут быть, или о том, какие свойства могут быть им присущи»³². Он уточняет, что сущностная характеристика “персонажа” или “роли” состоит в том, что они являются самостоятельными сущностями (будь то индивид или коллектив, а также фигуративная (антропоморфная или зооморфная) или не фигуративная репрезентация). “Незачем знать, что представляют собой акторы, нужно предоставить им определяться самим и проследить, как каждый из них влияет на волю других, образуя каналы перевода”³³.

Для АСТ “социальное” — это название типа преходящей (кратковременной ассоциации), характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы. При этом изучение социального не ограничивается изучением лишь человеческих взаимодействий. Необходимо выяснить, кто и что участвует в действии, пусть это даже допускает участие “не-человеков”. Эти объекты выступают в качестве полноценных акторов и способны объяснить природу разнообразных социальных сил.

Именно отсюда вытекает важный вывод Б. Латура о том, что “общество” должен заместить “коллектив”, поскольку именно в коллективе возникает действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил. Коллектив поэтому представляет собой проект сборки новых сущностей³⁴, в котором объекты эмансипированы и уравниены в правах с субъектами, они так же, как и люди, являются “актантами”, т.е. вовлеченными в действие. Таким образом, термин “актант” подчеркивает агентность материального мира, где понятие “субъекта”, “актора” и “агента” не подходят как слишком “человеческие”. Актант — предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся действию³⁵. Таким образом, актором выступает любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие. Если у этой вещи еще нет фигурации, она является актантом³⁶.

Социальное должно не просто служить объяснением чего-то, оно должно само выступать в качестве предмета объяснения для того, чтобы обозначить то, что не является ни актором, ни той силой, которая за ним стоит и переносится некоторыми из них. Это нечто представляет собой связь, транспортирующую трансформации.

³² Латур Б. Пастер... С. 39.

³³ Там же. С. 42.

³⁴ Латур Б. Пересборка социального... С. 105.

³⁵ Вахштайн В.С. Возвращение материального. “Пространства”, “сети”, “по-токи” в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 102.

³⁶ Латур Б. Пересборка социального... С. 101.

Б. Латур определяет ее через понятие “перевод”³⁷. В результате Б. Латур представляет категорию “сеть”, которая, по его мнению, является тем, что прослеживается через такие переводы. Он отмечает, что эти переводы более не указывают на существование причинно-следственных связей, а способствуют сосуществованию двух посредников.

В результате Б. Латур предлагает уточненную формулировку цели социологии ассоциаций — переводы между посредниками, которые могут порождать прослеживаемые ассоциации.

Под “сетью” понимается “связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник”³⁸. Ученый пишет, что “сеть” имеет настолько двусмысленное значение, что теоретикам АСТ давно следовало бы от него отказаться. Он различает трактовку “сети” в рамках АСТ от интерпретации технических сетей (электрические, транспортные, коммуникационные) и организационных сетей, используемых в социологии организации для различения организаций, рынков и государств как неформальных способов связей человеческих агентов³⁹. Б. Латур отмечает, что М. Кастельс “сливает” оба значения, описывая сеть как привилегированную форму организации, возникающую вследствие распространения информационно-коммуникационных технологий. АСТ же трактует сеть в духе Д. Дидро и Ж. Делеза, у которых сеть не отождествляется с социальным. Сеть является понятием, а не вещью, поскольку сеть представляет собой инструмент, позволяющий участвовать в описании чего-то другого, но не являющийся при этом предметом описания. Несмотря на все разногласия, вытекающие из различия в интерпретациях сети, материальная метафора сети сохраняет для АСТ следующие важные характеристики:

1. Наличие связей от точки к точке, которые фиксируются эмпирически, поскольку прослеживаются физически.

2. Связи оставляют пустым практически все, что не связано.

3. Такие связи требуют усилий.

4. Сеть — это след, оставляемый движущимся агентом⁴⁰.

Б. Латур указывает, что с помощью “актора-сети” можно рассмотреть что-то такое, что совсем не выглядит как сеть (индивидуальное состояние души, элемент оборудования, литературный персонаж), и наоборот, далеко не каждая техническая сеть (телефонная

³⁷ Латур Б. Пересборка социального... С. 152–153.

³⁸ Там же. С. 182.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 186.

сеть, канализация, метрополитен) может быть проанализирована и представлена в акторно-сетевом ключе.

Несмотря на существующие двусмысленности в интерпретации “сети”, сила сетевой метафоры очевидна. Эта сила заключается в том, что сети оставляют несвязанным все, что они не связывают, в противоположность субстанции, поверхности, области и сферам, заполняющим все, что они объединяют⁴¹. Сеть состоит по большей части из пустот — не отформатированных, не измеренных, не социализированных, что представляет собой “плазму”. Именно поэтому для Б. Латура близко понимание сети в смысле, который вкладывают Ж. Делез и Ф. Гваттари в понятие “ризомы”: сложная система, альтернативная замкнутым и статичным линейным структурам, в которой любая точка ризомы может быть связана с любой другой.

Таким образом, сетями Б. Латур называет не только вещи или нематериальные системы связей, развернутые в форме сетей. Для исследователя сеть представляет собой и сам процесс исследования вещи, в котором выявляются необходимые для ее существования элементы. “Сетевая революция”, совершенная акторно-сетевой теорией в изучении общества, состоит в возможности рассматривать объект или отдельный факт как развернутую в соответствии с интересом исследователя совокупность атрибутов. При этом развертывание осуществляется как движение от субстанции к атрибутам и обратно. Вместо представления об индивидах как обособленных и полностью взаимозаменяемых социальных атомах (что было характерно для “социологии социального”) социологи в настоящее время оперируют сложными индивидуальными профилями, состоящими из длинного перечня атрибутивных свойств. В интернете таких профилей бесчисленное количество, и они по воле или против воли своих создателей аккумулируют, визуализируют и сохраняют их личные данные. Новые возможности работы с персональными профилями посредством интернет-технологий позволили представителям АСТ сформулировать новое понимание классической проблемы социальной теории, касающейся роли взаимодействий в создании коллективных феноменов, превосходящих уровень индивидуальной деятельности. Каждый индивид с этой точки зрения может рассматриваться как часть гигантской исторической матрицы, в столбцах и строках которой находятся другие индивиды с присущими им качествами. Соответственно, качества этого индивида определяются как набор его позиций по отношению к другим

⁴¹ Латур Б. Пересборка социального... С. 333.

индивидам, с которыми он связан вертикальными или горизонтальными отношениями⁴².

В связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, ростом количества виртуальных сетевых сообществ и социальных сетей “происходит существенное расширение и переформатирование проблемного поля междисциплинарных исследований сетевых феноменов”⁴³. В том числе налицо серьезное переосмысление в описании социальной реальности на уровне социальной теории. Так, с точки зрения М. Кастельса важнейшее значение в формировании современного общества имеет повсеместное распространение технологий сетевых коммуникаций. Б. Латур и другие представители акторно-сетевой теории претендуют на описание практически любого социального феномена при помощи метафоры сетей и потоков. Развитие интернета как средства коммуникации способствовало росту возможностей для сбора данных социальных сетей, масштабные усовершенствования компьютерных технологий предлагают все больше новых способов сбора и обработки различных типов данных⁴⁴. Более того, использование интернета стало повсеместно распространенной социальной практикой, а основная сфера его применения в повседневной жизни так или иначе связана с социальными сетями. Эти обстоятельства объясняют актуальность анализа социальных сетей, позволяющего исследовать и анализировать типы социальных взаимодействий в условиях новой социальной реальности.

Обзор основных теоретических подходов к исследованию сети демонстрирует многообразие и неоднозначность трактовок категории “сети”, что в свою очередь свидетельствует о комплексном характере исследовательского поля, об отсутствии у исследователей в настоящее время единого методологического инструментария, а также о противоречивых тенденциях в разработке общей понятийности. Теоретики сетевого общества, сетевые аналитики и представители акторно-сетевой теории по-разному определяют сеть, используя ее в качестве сильной метафоры, эффективного способа описания реалий современного общества, или рассматри-

⁴² Соколова М.Е. Реферат статьи Latour B. Network, societies, spheres: reflections of an actor-network theorist. In International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 796–810 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. М., 2013. С. 70–75.

⁴³ Ефременко Д.В. Сетевое общество: от метафоры к реальности // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. С. 7.

⁴⁴ Neustadtl A., Robinson J.P., Kestnbaum M. Doing social science research online // The Internet in Everyday Life / Ed. by B. Wellman, C. Haythornthwaite. Oxford, 2002. P. 199; Scott J. Social Network analysis: a handbook. L., 2000. P. 2–3.

вают сеть как процесс исследования социальной реальности. Такая ситуация, несомненно, является отражением тех динамичных изменений в современном обществе, которые происходят под воздействием стремительного развития и распространения информационно-коммуникационных технологий, в особенности интернета. Столь активные дискуссии, в которые в настоящее время вовлечены исследователи из различных научных областей, указывают на то, что сеть, действительно, способна отразить особенности современной социальной реальности. А это, в свою очередь, позволяет надеяться на создание единого концептуального поля и универсальной понятийности в рамках начинающей оформляться сетевой парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вахштайн В.С. Возвращение материального. “Пространства”, “сети”, “поток” в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети (начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38.

Ефременко Д.В. Сетевое общество: от метафоры к реальности // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. М., 2013. С. 6–10.

Каллон М. Акторно-сетевая теория // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Elsevier Sciences Ltd., 2001. P. 62–66 (На правах рукописи).

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением “Несводимого”. СПб., 2015.

Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.

Соколова М.Е. Реферат статьи Latour B. Network, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist. In International Journal of Communication. Los Angeles (CA), 2011. Vol. 5. P. 796–810 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. М., 2013. С. 70–75.

Хархордин О.В. Предисловие к Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. С. 7–19.

REFERENCES

Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 39–58.

Berkowitz S.D. An introduction to structural analysis: the Network approach to social research. Toronto, 1982.

Bott E. Family and social Network. L., 1957.

Dobrinskaya D.E. Sotsiologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podkhody k issledovaniyu seti (nachalo) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2016. N 3.

Efremenko D.V. Setevoye obshchestvo: ot metafory k real'nosti / Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva: Sb. nauch. tr. M., 2013. S. 6–10.

Freeman L.C. The Development of social Network analysis: a study in the sociology of science. Vancouver, 2004.

Gane N., Beer D. New media: the key concepts. Oxford, 2008.

Haythornthwaite C., Wellman B. The Internet in everyday life. An introduction // The Internet in Everyday Life / Ed. by B. Wellman, C. Haythornthwaite. Oxford, 2002. P. 3–44.

Kallon M. Aktorno-setevaya teoriya // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Elsevier Sciences Ltd., 2001. P. 62–66 (Na pravakh rukopisi).

Kharkhordin O.V. Predislovie k Latur B. Nauka v deistvii: sleduya za uchenyimi i inzhenerami vnutri obshchestva. SPb., 2013. S. 7–19.

Knoke D., Kuklinski J. Network analysis. Beverly Hills, 1982.

Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M., 2014.

Latur B. Paster: voyna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo". SPb., 2015.

Lo Dzh. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka. M., 2015.

Lopez J., Scott J. Social structure. Buckingham, 2000.

Neustadt A., Robinson J.P., Kestnbaum M. Doing social science research online // The Internet in Everyday Life / Ed. by B. Wellman, C. Haythornthwaite. Oxford, 2002. P. 186–214.

Scott J. Social Network analysis: a handbook. L., 2000.

Sokolova M.E. Referat stat'i Latour B. Network, societies, spheres: reflections of an actor-network theorist. In International journal of communication. 2011. Vol. 5. P. 796–810 // Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva: Sb. nauch. tr. M., 2013. S. 70–75.

Vakhshtain V.S. Vozvrashchenie material'nogo. "Prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoi teorii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2005. T. 4. N 1. S. 94–115.

Wellman B. Network analysis: from method and metaphor to theory and substance // Social structures: a Network approach / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. N.Y., 1988. P. 19–61.

Wellman B. Network analysis: some basic principles // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 158–162.

Е.А. Островская, докт. социол. наук, проф. кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета*

БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ

E.A. Ostrovskaya, doctor of social sciences, and professor of sociology at the Department of sociology of Saint-Petersburg State University, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

BIOGRAPHICAL NARRATIVE APPLIED TO THE STUDY OF RELIGIOSITY

Биографический поворот, осуществившийся в социальных науках в 2000-х гг., актуализировал накопленный за последние тридцать лет богатейший опыт использования этого метода. В Европе лидерами в продвижении инноваций в биографическом подходе стали два направления — одно во главе с П. Чемберлейн и Т. Венграфом, другое во главе с Ф. Шутце. В американской социологии этот метод представлен разработками Н. Дензина. Автор статьи полагает, что биографический метод, будучи нацеленным на исследование труднодоступных групп населения, прекрасно подходит для изучения религиозности закрытых религиозных сообществ. В статье подробно рассмотрены трудности использования метода, иллюстрируемые примерами из исследования религиозных евреев Санкт-Петербурга и даны рекомендации по практическому преодолению сложностей. Биографический поворот, осуществившийся в социальных науках в 2000-х гг., способствовал актуализации богатейшего опыта, накопленного за последние тридцать лет использования этого метода. В статье даны иллюстрации из исследования религиозных евреев Санкт-Петербурга, проведенного автором в 2015 г. Рассмотрение процедур биографического нарратива приводит автора к выводу, что социологу необходимо детально продумать драматургию встречи: хронотоп проведения интервью, фразы зачина, ключевые темы.

Ключевые слова: биографический метод, автобиографический нарратив, религиозность, религиозное еврейство, метод “снежного кома”, метод референтной выборки.

The biographical turn in social sciences of the 2000-s actualized a rich experience of the sociological application of this method. In Europe leaders in its development were the sociologists of two different directions: one is represented by Prue Chamberlayne and Tom Wengraf and another one by Fritz Schütze. In the USA Norman Denzin made the main contribution to the biographical studies.

* Островская Елена Александровна, e-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru

Biographical method reemerged within social sciences as an approach to study hard-to-reach, or hidden populations. So the author argues that the most socially isolated religious groups can be reached by the method of biographical narrative. The article contains a full description of those difficulties, which are often to the method in use and gives through out illustrations of them taken from the author's study of religious Jews of Sankt-Petersburg. The author came to the conclusion that the sociologist has necessarily to consider in detail the dramaturgy of the interview meeting.

Key words: *biographical method, autobiographical narrative, religiosity, religious Jews, snowball sampling, respondent-driven sampling.*

В последние десятилетия отечественная социология религии сделала отчетливый рывок в развитии собственных прикладных методологических и методических разработок. Вместе с тем, анализ публикационной активности ученых, занимающихся изучением религиозных пространств, показывает, что публикаций о применении того или иного метода к полевому объекту почти нет. Весьма ценные, но крайне скудные комментарии по методам встречаются по преимуществу в изложениях результатов изучения конкретных религиозных сообществ. В данном контексте следует подчеркнуть, что и в зарубежной социологии религии мы не обнаружим большого количества подобных работ. И здесь, конечно, возникает вопрос, чем обусловлено такое молчание или отсутствие интереса?

Полагаю, что ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости предметной зависимости социологии религии от социологии. А в социологии как таковой рефлексия о методах, их стратегических и практических возможностях применительно к различным объектам также является сравнительно новым разворотом. В пользу этого свидетельствуют и монографические исследования методов биографического анализа, и коллективные сборники, посвященные обсуждению методов эмпирических исследований биографий, и специальные выпуски социологических журналов, целиком ориентированные на эту тему¹.

В отечественной социологии биографический метод имеет свою продолжительную историю, но говорить о его высокой востребованности попросту не приходится. Отечественные социологи стремятся к выверенным техникам и верным путям, подспорьем в этом являются прежде всего количественные методы. В социологии религии лидером большинства изысканий по религиозности, причем безотносительно конкретного объекта, стал “хорошо объез-

¹ См., например: *Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples. L.; N.Y., 2000; Qualitative sociological review. 2006. Vol. II. Iss. 1. Biographical Sociology.*

женный старый конь” — многомерная модель религиозности. Ученые перебирают эти измерения применительно к различным христианским организациям и сообществам, а техники и методы создания и верификации репрезентативности выборки, доступа к респондентам, самой процедуры опроса в формате избранного метода остаются вне дискурса или не излагаются.

В данной статье мне хотелось бы сосредоточиться не на анализе сущности биографического нарратива, поскольку этому уже посвящены превосходные работы отечественных и зарубежных коллег². Рассмотрения требуют, на мой взгляд, несколько взаимосвязанных тем: “биографический поворот” в западной социологии, процедурные сложности использования метода биографического нарратива, некоторые выборочные примеры из самых свежих работ, тематизированные по рубрикам процедур биографического нарратива.

Применительно к западной социологии следует говорить о том, что случившийся в начале 2000-х гг. “биографический поворот” стал ни чем иным, как возвращением к инструментарию, хорошо разработанному, но до времени позабытому. Более того, принципиально различен этот “поворот” в Европе и США. Если в европейских университетах и исследовательских центрах биографический метод надолго исчез в тени других методов сбора информации и анализа, то в США работа с ним продолжалась с большей или меньшей степенью интенсивности в течение последних четырех десятилетий. Причины тому разнятся в каждом из регионов. В европейских научных ареалах отказ от той или иной методологии, или обращение к ней, как правило, отчетливо фундированы идеологически. В США ротация методов зависит от востребованности тех или иных тем исследования. Разъясним коротко заявленные тезисы.

Во множестве европейских работ, посвященных анализу причин биографического поворота, объяснения воспроизводят одно и то же утверждение о специфике субъекта в обществах модерна и позднего модерна³. Так, принято говорить, что в начале XXI в. социология встала перед необходимостью все-таки попытаться пробиться к субъекту деятельности, пусть даже и к обобществленному, но субъекту. В пользу этого, по мысли теоретиков модерна, свидетельствует одна из базовых современных характеристик — рефлексивный субъект, создающий собственную рефлексивную биографию. Индивид, обнаруживающий себя в посттрадиционных обществах,

² Например: Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4 М. 2003. № 17; Wengraf T. Qualitative research interviewing biographic narrative and semi-structured methods. L., 2001.

³ Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. Op. cit.

допускающих и пропагандирующих мировоззренческий плюрализм, вынужден заниматься самонаблюдением, осмыслять собственный жизненный опыт. Именно рефлексивный субъект становится цензором, способным соотнести требования традиции с изменившимися социокультурными условиями⁴. В таком контексте осмыляется потребность в новом введении биографического метода в социологию. Потенциал биографического метода, биографического нарратива или метода жизненных историй видится ученым в перспективе обращения к чужой субъективности, причем рефлексивной субъективности, дарующей исследователю уникальную интерпретацию событий и фактов, ситуаций и опыта.

Разворот европейской социологии в направлении индивида представляется мне весьма созвучным общей идеологической установке стран Евросоюза на воплощение ценностей демократической доктрины во всех социетальных подсистемах, включая науку. Антропоцентричность демократической доктрины предполагает осмысление индивида, его прав, особенностей, проблем бедности, людей с ограниченными возможностями, неравенства, гендерных сюжетов, многое другое. Кроме того, страны Европы приняли на себя основной массив миграций, захвативших глобальный мир в конце 1990-х гг. Они столкнулись не только с проблемами адаптации и аккомодации прибывших иммигрантов, но и с необходимостью создания новых социокультурных ниш для вновь формирующихся этно-религиозных сообществ. В этом контексте именно биографический метод, биографический нарратив, изучение жизненных историй обрели статус надежного инструментария для изучения социокультурной инаковости, труднодоступных групп населения, терминально больных пациентов и др. Обнаруживаемая тенденциозность тем обоснована проектами, в рамках которых и был заново введен инструментарий биографического метода. Приведу пример.

Европейская социология на актуальном этапе ее развития характеризуется тяготением к междисциплинарности, стремлением к организации деятельности международных коллективов и сочетанию эмпирических исследований с выходом на теорию. Ярчайшим представителем такого ее формата стал проект SOSTRIS (Social Strategies in Risk Societies) — “Социальные стратегии в обществах риска”. Он длился около трех лет, с 1996 по 1999 г., и финансиро-

⁴ Beck U. Risk society. L., 1992; *Idem.* Eigenes Leben // Eigenes Leben. Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft, in der wir leben / Ed. by T. Rautert, U. Ziegler. Monaco, 1997; Berger P., Berger B., Kellner H. The homeless mind. Modernization and consciousness, Harmondsworth. L., 1973; Giddens A. Modernity and self identity: self and society in the late modern age. Cambridge, 1991.

вался программами Евросоюза, посвященными изучению проблем социального исключения и социальной интеграции. SOSTRIS собрал в одну исследовательскую команду ученых из Германии, Великобритании, Греции, Италии, Испании и Швеции⁵. Критерием отбора участников исследовательского проекта стали не только опыт изучения тематик, интересовавших ЕС программы, но и навык использования биографического метода.

В методологическом аспекте наиболее продуктивным результатом проекта явилось создание техники метода биографически-нарративной интерпретации (Biographic-Narrative Interpretive Method (BNIM)). Этот метод изложен и продемонстрирован в рабочих тетрадях членов научного коллектива (SOSTRIS Working Paper).

Наряду с указанной тенденцией реабилитации биографического метода применительно к актуальной современности новым для европейской социологии стало стремление соединить его с разработками теоретической социологии. В качестве теорий, наиболее конгруэнтных методу, были признаны этнометодология Г. Гарфинкеля, феноменологический подход А. Шюца, символический интеракционизм, рефлексивная социология, теория мобилизации ресурсов и теория рационального выбора⁶.

Здесь будет уместным отметить, что за пределами громких научных проектов, ангажированных в изучение идеологически актуальных тематик, биографический метод активно использовался германскими социологами и социологами религии. Неотступная работа над уточнением процедур и содержания биографического нарратива привела к возникновению целого направления, возглавляемого работами Ф. Шутце. В социологии религии осмысление метода ушло на периферию, а в центре внимания оказалось его применение к изучению религиозной конверсации.

Первопроходцем в этом направлении выступила группа германских и швейцарских ученых, собранная усилиями М. Вольраб-Зар. По результатам ее деятельности было опубликовано два методологических сборника статей — “Религиозная конверсия” и “Биография и религия. Между ритуалом и поиском себя”⁷. Однако исследователи сосредоточились на дескрипции и концептуализации религиозности конвертитов (европейцев, обратившихся в ислам, буддизм, индуизм и проч.) — принципиальной культурной инно-

⁵ Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. Op. cit. P. VIII–XVIII, 21–22.

⁶ Berzano L. Research methodology between descriptive and hermeneutic interests // *New Methods in the Sociology of Religion* / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012. P. 74.

⁷ Knoblauch H., Krech V., Wohlrab-Sahr M. *Religiöse Konversion. Systematische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive*. Konstanz, 1998; *Wohlrab-Sahr M. Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche*. Frankfurt; N.Y., 1995.

вазии для религиозного пространства Европы середины 1990-х гг. Метод как таковой обсуждению в таком контексте вообще не подлежал. Акцент делался на попытках понять мотивы конверсии, вызывавшей отчетливый когнитивный диссонанс у европейских культуртрегеров и социологов. Интерпретация биографических нарративов в этих исследованиях проводилась с превалированием психоаналитической составляющей, что сужало возможности социологического использования их результатов.

Примечательно, что в американской социологии биографический метод был введен в исследования Чикагской школы, обогатившей социологическую теорию методологией символического интеракционизма. Однако именно Чикагская школа, отдавая предпочтение количественным методам, вытеснила биографический метод на методологическую периферию⁸. Это объясняется прежде всего предпочтением, отдававшимся количественным методам, способным охватить широкие слои населения, представить панорамную раскладку. А в линейке количественных методов особую популярность приобрели опрос и прямое наблюдение. Однако как и в случае с европейской социологией, в тени ярких и хорошо финансируемых проектов неотступно работали такие исследователи-одиночки, как Н. Дензин. Его усилиями биографический нарратив был введен в обиход как прикладной, так и теоретической социологии. Именно Н. Дензин предложил обогащать анализ транскриптов биографических нарративов дневниковыми записями респондентов, письмами и проч.

В американской социологии и социологии религии биографический метод принято компоновать с обоснованной теорией, социолингвистическими концепциями, диалоговым анализом, интерпретативным интеракционизмом. Такую методологическую комбинацию наработок Ф. Шутце в области биографического нарратива и обоснованной теории использует, например, И. Джиндра в своих исследованиях биографий конвертитов различных религиозных традиций⁹.

Подробное рассмотрение биографического метода и его сочетаемости с феноменологическим, интеракционистским и конструкционистским подходами выходит за рамки настоящей статьи. Опираясь на опыт своих исследований с привлечением биографического метода, я уверено присоединяюсь к отечественным и зарубежным коллегам, утверждающим правомерность подобных конвергенций

⁸ *Bertaux D., Kohli M.* The life story approach: a continental view // *Life Story Research* / Ed. by B. Harrison. Vol. I. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore, 2008. P. 46.

⁹ *Jindra I.* How religious content matters in conversion narratives to various religious groups // *Sociology of Religion. Quarterly Review*. 2011. Vol. 72 (3). P. 275–302.

и подробно рассматривающих сущность этого метода¹⁰. В контексте поставленной цели хотелось бы сосредоточиться на проблематичных процедурах биографического нарратива применительно к исследованию религиозности.

В дисциплинарных рамках социологии религии феномен религиозности возможно ухватить только в его деятельностных, мировоззренческих и идеологических проявлениях. Изучение каждого из аспектов религиозности проводится при помощи устойчивой конвергенции теоретического подхода и конкретного метода/методов прикладного изучения¹¹. Как показывает практика исследований, социологи сосредотачиваются либо на индивидуальном, либо на коллективном воплощении религиозности.

Привлечение биографического метода в исследование религиозности позволяет, на мой взгляд, посмотреть на оба проявления сквозь призму субъективной биографии. Именно в такой перспективе я предлагаю выявлять компоненты исследуемой религиозности — на базе анализа всего полотна биографического нарратива, получаемого в интервью. Это позволит наряду с выявлением субъективных причин религиозного обращения взглянуть и на обстоятельства, сопровождавшие это событие, — социокультурный контекст, пространственно-темпоральные характеристики. Актуальными окажутся этапы социализации, статусно-ролевые взаимодействия с широким социальным окружением, определенные вехи в жизни социального окружения и страны.

Необходимо подчеркнуть, что такая перспектива предполагает одну очень важную методологическую инновацию. Предлагаемая мною инновация состоит в категорическом отказе от прямых вопросов о приходе к религии или причинах обращения. Мне представляется принципиальным, каким образом сам респондент подведет свое повествование к этому событию, насколько важным и логичным оно предстанет в контексте его/ее автобиографии. Кроме того, как показывает мой опыт, подобное смещение акцентов биографического интервью позволяет получить еще и субъективное рефлексивное видение религиозности группы. Однако все это возможно при условии, что интервьюеру удастся стимулировать ре-

¹⁰ Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой М., 1994; *Ярская-Смирнова Е.П.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; *Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T.* Op. cit.

¹¹ Подробно об этом см.: *Островская Е.А.* Религиозность в горизонте возможностей социологии религии: количественные и качественные исследования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы. Сборник статей и докладов / Под ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой СПб., 2014.

спондента к сюжетному и детализированному рассказу о своей жизни, т.е. к нарративу. Перейдем теперь к тому, что считать нарративом, или текстом, анализ которого способен в результате дать представление об определенных типах религиозности.

В современном социологическом обсуждении проблемы накопилось немалое количество статей за и против использования биографического нарратива, обсуждающих, что считать нарративом. Мой многолетний опыт исследований позволяет констатировать, что нарратив — это связный сюжетный рассказ респондента о себе на разных этапах жизни. В этом рассказе отчетливо просматриваются хронологическая цепочка событий, сюжетная иллюстративность излагаемого, авторская логика, отчетливая образность. В отличие от истории жизни биографический нарратив акцентирует выявление той логики и хронологии, сюжетов и оценок, которые выбирает сам респондент. Историческая достоверность нарратива не оценивается, поскольку в фокусе внимания тот конструкт биографии, который создает интервьюируемый. В этом конструкте, как правило, и обнаруживаются структурные компоненты субъективной религиозности и субъективного видения религиозной принадлежности и религиозности группы. На протяженности биографии отчетливо просматривается, как, в какой мере и в каком направлении повседневность респондента детерминирована его/ее религиозностью.

Обратимся теперь к рассмотрению тех процедур биографического интервью, прохождение которых сопряжено с целым набором трудностей. Речь пойдет о поиске и обретении респондентов, о месте и способе проведения такого интервью, о стадиях самого процесса интервьюирования.

Исходя из собственного опыта и глубокого убеждения, могу констатировать, что формирование выборки респондентов из религиозной среды для биографического нарратива осуществимо через комбинацию методов снежного кома и референтной выборки. В реальности выборка всегда детерминирована тем, насколько прост или сложен доступ к респондентам.

Биографический нарратив как метод хорошо зарекомендовал себя в исследованиях труднодоступных групп населения — групп, которые либо по роду занятий, особенностей образа жизни или состояния здоровья, либо по причинам социокультурной чужеродности оказываются закрытыми для социолога. Очевидно, что многие религиозные сообщества могут быть охарактеризованы в качестве труднодоступных, закрытых и даже избегающих контактов с внешним миром. В настоящем изложении иллюстрации я приведу

из материалов обследования религиозного еврейства¹² Санкт-Петербурга 2015 г.

По процедуре интервью, первая стадия — поиск респондентов, отвечающих критериям выборки. На этом самом начальном этапе и возникают, как правило, серьезные и даже мало преодолимые трудности. Приведу некоторые яркие примеры.

В синагогах, в которые я обратилась как социолог, мне неизменно отвечали, что “в текущий момент все в отъезде и мы с Вами обязательно свяжемся”. Это “свяжемся” растянулось на месяцы. Я уже давно и глубоко находилась в среде, когда неожиданно встречала тех, кто обещал связаться.

Креативный заход через библиотекаря Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга после продолжительного молчания увенчался очень вежливым письмом, в котором говорилось, что “*а никого и не осталось из тех, кто прошел гюр. Все уехали из России*”. Более того, библиотекарь далее сформулировала то, что составляет одну из центральных проблем зачина биографического интервью: “*Не обижайтесь, но, на мой взгляд, это немножко с сапогами в душу*”. В дальнейшем именно из-за “с сапогами в душу” я получила целую серию отказов в каждой из общин, отобранных для исследования. И в этом пункте надо объяснить, а что собственно значат эти “сапоги”.

Примечательно, что первоначальные отказы сопровождались одной и той же словесной формулировкой — “*я не стану этим заниматься*”. Согласно материалам интервью с теми, кто прежде отказал, но в дальнейшем, время спустя, согласился, основным препятствием было их нежелание рассказывать о своем возвращении в традицию, о своих религиозных чувствах и переживаниях, поскольку они полагали, что социолог хочет именно этого. Так, респондентка А.¹³, неизменно отвечавшая отказом на все предпринимаемые мною попытки, позднее в интервью объяснила причины такой своей реакции: «*Понимаете я представляла, что придет человек, журналист, или кто Вы там, социолог и начнет спрашивать: “ну, давайте расскажите, как Вы дошли до жизни такой”, а я не считаю, что мы тут дошли до чего-то и не хочу говорить о религиозном, вообще не умею я об этом*».

¹² В тексте я пользуюсь термином “еврейство”, а не иудаизм или иудеи, поскольку сами респонденты каждый раз поправляли меня, подчеркивая, что в их среде принято говорить о “религиозных евреях”, или о “соблюдающих”. Пользуясь терминологией А. Шюца, полагаю корректным ввести этот конструкт первого порядка в язык метаописания.

¹³ Респондентам в ходе транскрибирования аудиозаписей были присвоены буквы, обозначающие их имена. Не называть имен полностью было изначальным условием каждого интервью.

Другой пример из интервью с респондентом Ш., который, уже дав положительный ответ на запрос об интервью, тем не менее подробно допросил меня в начале разговора о форме, в которой оно будет проходить: *“Нет, ну, я ничего не понимаю, а вот, как Вы себе это представляете, что я начну Вам рассказывать о своей религиозной жизни? Я не очень понимаю, что Вы хотите?”*

После нескольких месяцев безуспешных попыток я решила использовать технику “тесен мир”¹⁴, рассматривая в качестве графов свое ближнее и дальнее окружение. В силу того, что опросить я собиралась вполне конкретных респондентов, то и запрос свой адресовала тем из знакомых, кто мог потенциально иметь еврейские корни, знакомства и т.п. И, действительно, на расстоянии не более трех-пяти рукопожатий обнаружился те, кто и выступил в дальнейшем в одной из ролей драматургии выстраивания выборки для биографического нарратива. Однако и в этом пункте меня ожидали холодные подводные течения.

На этапе переговоров через добытые информантами адреса и телефоны были допущены досадные промахи на уровне “универсума дискурса”, или словосочетаний допустимых/недопустимых в конкретном религиозном сообществе и маркирующих сакральные темы. Самым ярким примером здесь будет телефонный разговор с авторитетным лидером питерской ешивы, видным знатоком письменной религиозной традиции. Поначалу он выразил готовность помочь в подборе респондентов. Внимательно выслушав, кто мы, зачем и почему проводится исследование, он сразу задал следующие вопросы: *“Вы еврейка? Кто Вы по вероисповеданию?”* Далее он сказал, что не понимает, кто нам нужен, потому что *“нельзя, как Вы говорите, принять иудаизм! Можно сделать тишуву, вернуться в традицию или пройти гиюр. Я не понимаю, кто Вам нужен, Вы сами подумайте и напишите мне смс”*. На этом общение оказалось закрытым.

Этот и подобные эпизоды привели к пониманию, что необходим “толмач”, или своего рода переводчик, способный разъяснить основные правила существования в словесной и ментальной реальности питерского еврейства. Кроме того, нужен был еще и тот, кто все-таки сможет предоставить респондентов, договорившись с ними сам.

Во многих статьях, посвященных методу снежного кома, говорится, что первые респонденты смещают или искажают выборку¹⁵.

¹⁴ Watts D. Small worlds: the dynamics of Networks between order and randomness. Princeton; N.Y., 1999.

¹⁵ Heckathorn D.D. Respondent-driven sampling: a new approach to the study of Hidden populations // Social Problems. 1997. Vol. 44. N 2. P. 174–199; Heckathorn D.D., Semaan S., Broadhead R.S., Hughes J.J. Extensions of respondent-driven sampling: a new approach to the study of injection drug users aged 18–25 Robert S. // AIDS and Behavior. 2002. March. Vol. 6. N 1. P. 55–67; Heckathorn D.D. Snowball versus respondent-driven sampling // Sociological Methodology. 2011. 1 August. N 41 (1). P. 355–366.

И это действительно так. Если по начальному замыслу выборку должны были составить соблюдающие евреи от 32 до 50 лет, то благодаря первым интервью произошло смещение нижней возрастной планки в сторону ее расширения за счет родителей тех будущих респондентов, которым на момент интервью было 40–45. Однако далее респонденты подбирались уже четко по критериям выборки. И этому во многом способствовало привлечение метода референтной выборки, предполагающего, что уже опрошенные респонденты не просто называют имя или дают координаты релевантных с их точки зрения кандидатов.

Столкнувшись с ситуацией негативной реакции на отрицательные ответы относительно моей национальной и религиозной принадлежности, я понимала, что подобное будет повторяться вновь и вновь. И потому на этапе, когда метод снежного кома позволил собрать первый десяток интервью, познакомиться с теми, кто стал моими проводниками в среду, я включила в работу метод референтной выборки. По завершении общения по автобиографии я просила респондентов порекомендовать кого-либо еще в соответствии с выделенными мною параметрами выборки. Однако не просто порекомендовать, но и договориться, чтобы релевантный кандидат согласился.

Мое исследование предполагало не только установление структур индивидуальной религиозности, но и выявление их корреляции со структурами общинной религиозности. В силу такой изначальной установки респонденты отбирались в четкой корреляции с их принадлежностью к тому или иному еврейскому сообществу Питера. И это позволило избежать деформации выборки, нередко происходящей при использовании методик снежного кома и референтной выборки.

Здесь я имею в виду опасность, что кандидаты, предлагаемые уже опрошенными респондентами, окажутся, например, просто членами узкого круга друзей, за пределами которого религиозность будет иметь иное воплощение. Приведу пример: родители искомым респондентов, отвечая на вопрос, “кого еще Вы порекомендовали бы для нас?”, неизменно отвечали — “ну, в Питере соблюдающих почти и нет, все, кто был, уехали”. В дальнейшем выяснилось, что под категорию “все” попали их дети и круг общения действительно уехавших в Израиль. Последовательно один за одним я опросила этих евреев по скайпу. Вслед за тем во избежание деформации результатов я попросила респондентов рекомендовать людей не из числа друзей и приятелей.

Другой вариант искажения — опрошенные респонденты тенденциозно подбирают новых кандидатов, желая представить сооб-

шество и его религиозность в определенном свете. С этой проблемой я регулярно сталкивалась на уровне руководства религиозных сообществ. В такой ситуации единственный выход — это временный шаг в сторону от жестких критериев выборки в пользу ее расширения за счет юного контингента респондентов. Как правило, они более склонны к непринужденному разговору и часто располагают широким кругом знакомых.

Теперь о времени и месте проведения интервью. Сложности, с которыми здесь можно в принципе столкнуться, детально описаны в методологических разработках Ф. Шютце¹⁶. Однако интервьюирование респондентов с жесткими диетарными и поведенческими ограничениями религиозного характера предполагает детальную рефлексию о хронотопе встречи.

В культуре повседневности мегаполиса принято проводить деловые и дружеские встречи в кафе за чашечкой кофе/чая или обусловиться на обед в ресторане. Но для религиозного еврея такой вариант мало приемлем, поскольку прийти туда можно, а вот питаться нет. Кроме того, публичные пространства — это не самые удобные локусы для проведения биографического интервью, где от респондента ожидается, что на каком-то этапе он/она перехватит инициативу и самостоятельно поведет свой рассказ. Рекомендуемые в работах по данной теме встречи в бюро, в кабинете ученого, в кабинете начальника респондента также совершенно исключены. Респондентки-еврейки, например, вообще с трудом идут на контакт, ссылаясь на свою многодетность и чудовищную занятость. Ожидать, что соблюдающая еврейка придет в бюро/кабинет ученого как минимум наивно. И здесь есть еще один отдельный сложный момент гендерного измерения — мужчина и женщина не должны оставаться наедине при закрытых дверях.

Ситуация интервью каждый раз ставила и меня, и респондентов перед проблемой поиска адекватного локуса. Достаточно быстро стало понятно, что конкретизацию места и времени могут осуществить только сами респонденты, сообразуясь с религиозным календарем и представлениями о табуированных пространствах. По опыту исследования в сложно доступных средах, и в среде религиозного еврейства в частности, отмечу, что социологу следует быть готовым к ситуации, что большинство интервью будет проведено в позднее вечернее и даже ночное время. Так, респонденты муж-

¹⁶ Schütze F. Biography analysis on the empirical base of autobiographical narratives: how to analyse autobiographical narrative interviews. Part II. INVITE biographical counselling in rehabilitative vocational training. Further educational curriculum. EU Leonardo Vinci Programme. 2008 г. URL: <http://www.biographicalcounselling.com/download/B2.2.pdf> (accessed: 24.02.2016).

чины предпочитали давать интервью после вечерней молитвы и на территории синагоги, либо на свежем воздухе рядом с ней. Альтернативой этому выступали пространства общинных образовательных центров, рабочие кабинеты, когда опрашиваемые занимали должности в ешиве, причем всегда на виду и только в то время, когда желает респондент. Респондентки соглашались встретиться в парковых зонах, у себя дома или в общинных центрах — школах, домашних миньянах.

За годы использования биографического метода я пришла к выводу о необходимости кропотливой предварительной беседы с респондентом. Цель этого разговора — убедить опрашиваемого в конфиденциальности предстоящего общения, его актуальности и крайней необходимости и важности. Кроме того, при выборе места и времени следует сразу разяснить, что ему/ей должно быть удобно и комфортно в этом месте, потому как рассказывать предстоит о себе, а общение продлится не менее часа или двух. Опыт показывает, что в большинстве случаев респонденты изменяют первоначальную идею и предлагают нечто совершенно отличное. Однако даже хорошо подобранный хронотоп не гарантирует исследователя от сложностей на разных стадиях самого процесса интервьюирования.

Интервью, нацеленное на получение биографического нарратива, содержит три основные фазы — зачин, основное полотно, заключительная беседа. Рассмотрение проблем, сопутствующих каждой из стадий, я хочу предварить некоторыми замечаниями об опроснике.

В литературе по биографическому нарративу не существует единой точки зрения по проблеме обязательности списка вопросов. Меж тем большинство авторов склоняется к мнению, что вопросы не нужны, поскольку респондент сам представит рассказ по заданной теме, необходимо лишь внимательно слушать и не перебивать. В моем случае положение дел из раза в раз оказывалось диаметрально противоположным. Исключительно редка ситуация, при которой респондент самостоятельно вводит себя в состояние рассказчика, одаривающего социолога последовательным рассказом. В большинстве своем опрашиваемые сразу просят озвучить все темы и вести их от одного вопроса к другому. Нарратив обязательно появится, но предсказать, на каком этапе опросника, не всегда возможно. Например, с респондентами буддистами вопрос о родителях и родословной может даже напугать собеседника или вызвать напряжение. В среде религиозного еврейства этот вопрос воспринимается позитивно и чаще всего сразу дает искомый результат — развернутый нарратив. Более того, заинтересованное слушание и к месту заданные уточняющие вопросы по родословной

значительно облегчают переход рассказа к автобиографии, быстро сокращают дистанцию интервьюер—респондент. Однако наряду с четким списком вопросов необходимо продумать зачин встречи.

Под зачином я понимаю начало беседы при личной встрече, когда респондент впервые видит интервьюера и как бы вдруг обнаруживает себя в ситуации интервью, т.е. необходимости внезапно начать рассказ о себе, своей жизни в присутствии чужого, постороннего человека. Именно в такой диспозиции распечатанный список вопросов и короткая беседа снимают напряжение. Можно предложить респонденту посмотреть этот список, обязательно разъяснить, что “вопросы очень простые, если какой-то не понравится, то можно пропустить. Например, посмотрите, вопрос, а какие домашние животные у Вас были в детстве?”. И в данном пункте нашего изложения необходимо еще раз подчеркнуть, что респонденты из среды соблюдающих евреев и соглашались на интервью, и снимали барьер недоверия, когда узнавали, что вопросов “про религию” не будет. А в этом им помогал удостовериться список вопросов.

Следующая стадия — основная фаза нарратива. Здесь могут возникать разнообразные затруднения, начиная от внезапного ступора рассказчика, заканчивая лаконичными ответами и полным нежеланием респондента разворачивать свой нарратив. Из ступора помогают вывести заранее продуманные вопросы по биографии. Решение проблемы сопротивления куда сложнее. В нашем опыте такие случаи разрешаются, как правило, после прохождения всего цикла вопросов. Сконцентрированное внимание к ответам собеседника помогает понять, какая из автобиографических тем наиболее близка респонденту. Последующие дополнительные вопросы по этой теме позволяют респонденту раскрыться. В такой ситуации можно продублировать дальше те вопросы, которые прежде были оставлены без внимания. Приведем пример из тех, когда интервью шли по самым сложным сценариям.

Респондентка Л., уже много лет преподающая еврейскую традицию, часто консультирующая молодых евреек, только недавно вставших на путь соблюдения, длительное время отказывалась от интервью. Ее просили разные респонденты, уже имевшие встречи с нами, она давала согласие, но потом в переписке опять отказывалась. И, наконец, она согласилась и назначила встречу у себя дома в удобное для себя время. Далее после зачина-беседы, знакомства с опросником она давала очень лаконичные ответы, сопровождая их комментариями в стиле “я уже не помню, я не знаю, наверно, но не помню”. Никакого нарратива не получалось. По завершении этого мучительного общения я предложила респондентке тему ев-

рейского воспитания детей: спросила, как она своих детей воспитывала, какого будущего для них хотела бы, как и где они учились, как это сочеталось с их соблюдением Кашрута. Именно эти вопросы направили общение в искомое русло: Л. мгновенно перешла к подробному и длительному автобиографическому нарративу. Этот опыт весьма ценен и в практическом, и в содержательном измерении. В содержательном измерении ее реакция давала ответ на вопрос о структурных доминантах ее религиозности. Еврейская религиозность в целом содержит в своей сердцевине такой структурный компонент, как семья, религиозная семья, соблюдающая Шабат и Кашрут. И это семья обязательно детоцентрированная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мешеркиной, В.В. Семеновой. М., 1994.

Островская Е.А. Религиозность в горизонте возможностей социологии религии: количественные и качественные исследования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы. Сборник статей и докладов / Под ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой. СПб., 2014.

Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4 М. 2003. № 17.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интер. 2002. № 1. С. 7–24.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.

Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.

REFERENCES

Annual review of the sociology of religion new methods in the sociology of religion / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012.

Beck U. Risk society. L., 1992.

Beck U. Eigenes Leben // Eigenes Leben. Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft in der wir leben / Ed. by U. Beck, T. Rautert, U. Ziegler. Monaco, 1997.

Berger P., Berger B., Kellner H. The homeless mind. Modernization and consciousness, harmondsworth. L., 1973.

Bertaux D., Kohli M. The life story approach: a continental view // Life Story Research / Ed. by B. Harrison. Vol. I. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; 2008.

Berzano L. Research methodology between descriptive and hermeneutic interests // New Methods in the Sociology of Religion / Ed. by L. Berzano, O.P. Riis. Leiden; Boston, 2012.

Биографический метод: историya, методологиya, praktika / Pod red. E.Yu. Meshcherkinoi, V.V. Semenovoi. M., 1994.

Biography and turning points in Europe and America / Ed. by K.B. Hackstaff, F. Kupferberg, C. Négroni Policy Press, 2012.

Chamberlayne P., Rustin M. From biography to social policy // University of East London, Centre for Biography in Social Policy. Final Report of the SOSTRIS Project (SOE2-CT96-3010). L., 1999.

Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples. L.; N.Y., 2000.

Denzin N.K. The reflexive interview and a performative social science // Qualitative Research I. 2001. N 1. P. 23–46.

Giddens A. Modernity and self identity: self and society in the late modern age. Cambridge, 1991.

Heckathorn D.D. Respondent-driven sampling: a new approach to the study of Hidden populations // Social Problems. 1997. Vol. 44. N 2. P. 174–199.

Heckathorn D.D. Snowball versus respondent-driven sampling // Sociological Methodology. 2011. 1 August. N 41 (1). P. 355–366.

Heckathorn D.D., Semaan S., Broadhead R.S., Hughes J.J. Extensions of respondent-driven sampling: a new approach to the study of injection drug users aged 18–25 Robert S. // AIDS and Behavior. 2002. March. Vol. 6. N 1. P. 55–67.

Jindra I. How religious content matters in conversion narratives to various religious groups // Sociology of Religion. Quarterly Review. 2011. Vol. 72. N 3. P. 275–302.

Knoblauch H., Krech V. Wohlrab-Sahr M. Religiöse Konversion. Systematische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive. Konstanz, 1998.

Ostrovskaya E.A. Religioznost' v gorizonte vozmozhnostei sotsiologii religii: kolichestvennye i kachestvennye issledovaniya // Nauka o religii v XXI veke: traditsionnye metody i novye paradigmy. Sbornik statei i dokladov / Pod red. M.M. Shakhnovich, T.V. Chumakovoi, E.A. Teryukovoi. SPb., 2014.

Puzanova Zh.V., Trotsuk I.V. Narrativnyi analiz: ponyatie ili metafora? // Sotsiologiya: 4 M. 2003. N 17.

Qualitative sociological review. 2006. Vol. II. Iss. 1. Biographical Sociology.

Roberts B. Biographical research. Buckingham; Philadelphia, 2002.

Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiiyam v sotsial'nykh naukakh // Inter. 2002. N 1. S. 7–24.

Schütze F. Biography analysis on the empirical base of autobiographical narratives: how to analyse autobiographical narrative interviews. Part II. INVITE-Biographical counselling in rehabilitative vocational training. Further educational curriculum. EU Leonardoda Vinci Programme. 2008 r. URL: <http://www.biographicalcounselling.com/download/B2.2.pdf> (accessed: 27.08.2015).

Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki. M., 2001.

Watts D. Small worlds: the dynamics of Networks between order and randomness. Princeton; N.Y., 1999.

Wengraf T. Qualitative research interviewing biographic narrative and semi-structured methods. L., 2001.

Wohlrab-Sahr M. Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche. Frankfurt; N.Y., 1995.

Yarskaya-Smirnova E.R. Narrativnyi analiz v sotsiologii // Sotsiologicheskii zhurnal. 1997. N 3.

СОЦИОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Н. Малиук, канд. социол. наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

A.N. Maliuk, candidate of sociology, senior researcher of Department of economic sociology of Institute of sociology NAS of Ukraine, e-mail: malyuka@mail.ru

THE CONCEPT OF GLOBALIZATION FROM THE WORLD-SYSTEM PERSPECTIVE

В статье сопоставляются подходы к исследованию современной стадии развития мировой цивилизации, которые были разработаны в концепциях глобализации и в мир-системном анализе (МСА). В ней подчеркивается, что исследования глобализации и МСА являются соперничающими аналитическими перспективами. В то время как исследования глобализации рассматривают современный период общественного развития как качественно новую глобальную стадию в истории человечества, мир-системный анализ утверждает, что сущность новой исторической стадии состоит в кризисе современной глобальной капиталистической системы, ее трансформации и переходе к новой исторической системе. Сравнение исследований глобализации и мир-системного анализа показывает, что последний обеспечивает более четкое представление о социальной реальности.

Ключевые слова: глобализация, мир-системный анализ, глобальный капитализм, глобальный кризис.

The article compares the approaches to the study of the contemporary stage of development of world civilization that were developed in the concepts of globalization and world-systems analysis. It is emphasized that the globalization studies and WSA are competing analytical perspectives. While the globalization studies consider the contemporary period of social development as a qualitatively new global stage in the history of humanity, the world-systems analysis argues that the essence of a new historical stage is the crisis of the modern global capitalist system and its transformation towards the new historical system. A comparison study of globalization and world-systems analysis demonstrates that the latter provides more clear picture of social reality. The world-system reinterpretation of the concept of globalizations is proposed.

Keywords: globalization, world-system analysis, global capitalism, global crisis.

* Малиук Андрей Николаевич, e-mail: malyuka@mail.ru

Концепт глобализации вошел в широкое употребление с конца 1980-х гг. и в течение, по крайней мере, двух последних десятилетий он совершил головокружительный взлет, как в научном, так и общественном дискурсе. Можно сказать, что он колонизировал область социального познания. Глобализация, по мнению многих, стала идеей, которая должна занять центральное место в современной научной картине социального мира.

Создание концепта глобализации соответствовало потребности социальной науки в преодолении государствоцентристского подхода, исчерпавшего свой эпистемологический и теоретико-методологический потенциал. Обществоведение нуждалось в новой парадигме, способной дать адекватное объяснение и понимание развития современной глобальной системы как органической целостности. Но концепт глобализации, который был специально разработан для этого, пока не способен стать понятийной базой создания новой парадигмы вследствие своей спорности и отсутствия устоявшегося значения.

Теоретики мир-системного анализа (МСА) раньше других осознали глобальную природу систем социальных взаимодействий. Современные глобальные процессы анализируются теоретиками МСА сквозь призму понятия капиталистической мир-экономики (КМЭ) — одной из исторических систем, в рамках которых осуществлялась организация общественной жизни людей на протяжении человеческой истории.

Итак, проблема заключается в определении среди разнообразия концепций и подходов содержания и смысла понятия глобализации. Цель работы заключается в том, чтобы выяснить возможность использования для этого теоретико-методологического потенциала МСА, а задача — сопоставить картины глобального мира, созданные концепциями глобализации и МСА.

МСА основывается на следующих фундаментальных предпосылках. Развитие человеческого общества представляет собой процесс возникновения, развития и смены исторических систем определенного типа. Их определяющими характеристиками являются автономность и наличие пространственных и временных границ. Сущностной характеристикой “современного общества”, т.е. современной мир-системы, является капитализм. МСА стремится понять, каким образом капитализм как способ производства структурирует и организует мировое пространство.

МСА исходит из того, что подлинный масштаб развертывания капиталистического способа производства предполагает наличие крупномасштабного социального целого, превосходящего пределы отдельной страны или нации-государства — исторической системы,

т.е. в данном случае современной мир-системы (СМС) или капиталистической мир-системы (КМС). Термин мир-система означает не весь мир, а относительно самодостаточное с точки зрения процессов производства и обмена пространство, объединенное системой мирового разделения труда. Итак, границы реальной социально-экономической системы и отдельных наций-государств не совпадают. МСА ориентирован на исследование глобальных процессов, предполагающих отношения между общественными группами, действующими на пространстве, не ограниченном пределами отдельного государства. Как говорит У. Мартин, “мир-системные аналитики настаивают, что капиталистическое накопление всегда было глобальным процессом, тогда как политическое управление осуществлялось посредством многих соотносительно сконструированных институтов”¹.

МСА делает особый акцент на синхронном пространственном аспекте межсоциальных взаимодействий. В отличие от теории модернизации, МСА избегает неоправданной темпорализации пространства КМЭ, т.е. ассоциации разнородных социально-экономических форм, существующих в ее различных, но взаимодействующих географических частях, с определенными стадиями развития. При анализе пространственных взаимоотношений в КМЭ наибольшее значение МСА придает отношениям между ядром и периферией. Термины “ядро” и “периферия” обозначают зоны, которые являются соответственно центрами накопления капитала и зоны, которые эксплуатируются центрами КМЭ. Возникновение ядро-периферийных отношений — следствие развития капиталистического способа производства. Ядро и периферия составляют две неразделимые стороны единого комплекса накопления капитала в мировом масштабе. Иначе говоря, без периферии с ее производственными, социальными и политическими структурами не может быть ядра с характерными для него производством, социальной структурой и политической системой. Ядро и периферия как элементы КМЭ не связаны непосредственно с системой наций-государств, т.е. капитал в мировой капиталистической системе (МКС) перетекает не просто от одного государства к другому, а между зонами ядра и периферии, которые в целом не совпадают с государственными границами. Ядро-периферийная структура взаимодействует с межгосударственной системой КМЭ сложным и опосредованным образом. Из рассмотрения ядра и периферии как соотносительных, неразрывно связанных сторон КМЭ следует, что дихотомия “современное” — “традиционное общество” не способствует

¹ *Martin W.G.* Still partners and still dissident after all these years? Wallerstein, World revolutions and World-system perspective // Journal of World-System Research. 2000. Vol. 6. N 3. P. 240.

адекватному пониманию глобальной социальной реальности. Все общества, входящие в КМЭ, “развитые” и “слаборазвитые” являются одинаково современными. Разница между ними в том, что одни из них находятся на периферии, а другие относятся к ядру. Следовательно, нельзя говорить и о модернизации традиционных обществ, поскольку они уже современны. А своим структурным положением в КМЭ периферия обречена на слаборазвитость относительно ядра. КМЭ устроена так, что в ней невозможен переход в ядро всех обществ одновременно. Ядро-периферийная структура — такое же имманентное свойство капитализма, как и классовая. В КМЭ возможно только изменение состава этих двух структурных уровней, их пространственное перемещение.

Нетрудно заметить, что МСА и исследования глобализации имеют одну общую черту: они относительно настоящего времени говорят о единой мировой экономике как глобальной целостности и неприемлемости нации-государства как единицы социально-теоретического анализа. Они также считают, что с момента кризиса 1970-х гг. мировая экономика вступила в период реструктуризации².

Однако в МСА и концепциях глобализации при исследовании процесса формирования глобальной целостности применяется различный исторический масштаб. Из этого вытекают различия в решимости и глубине, с которыми преодолевает государствоцентристские представления МСА и исследования глобализации, сохраняющие эти представления в числе своих базовых предпосылок. Концепции глобализации исходят из того, что И. Валлерстайн назвал идеей “расширения экономических кругов”³. Это означает, что обычный государствоцентристский взгляд на глобализацию воспринимает общественное развитие как процесс, содержащий два скачкообразных перехода. Первый из них связан с переходом от локальных замкнутых хозяйств к национальной экономике, а второй — от национальных экономик к глобальной экономической системе. Второй переход является следствием того, что национальные государства, содержащие в себе национальные общества и национальные экономики, по мере прогресса производительных сил вступали в международные политические и экономические отношения, имеющие характер внешних связей между национальными обществами-государствами. С ростом разнообразия и интенсивности связей в международной системе в более поздний период (примерно с 1945 г.) возникает тенденция к интернационализации

² *Wallerstein I.* Robinson's critical appraisal appraised // *International Sociology.* 2013. Vol. 27. N 4. P. 524–528.

³ *Wallerstein I.* Societal development, or development of the World-system? // *International Sociology.* 1986. Vol. 1. N 1. P. 10.

экономики, перерастающая (с 1970-х гг.) в глобализацию. С этой точки зрения глобализация является качественно новым этапом в развитии мирового сообщества, когда отдельные национальные общества-государства вследствие усиления международной экономической интеграции сливаются в единую глобальную систему. В современной истории впервые возникает глобальное производство, глобальный рынок, глобальное общество и глобальная культура. И этот второй переход является настоящей “глобальной революцией”.

Изменение точки зрения на единицу исследования в МСА (не единичное общество, а мир-система) в совокупности с долгосрочным историческим подходом приводит к изменению картины исторического глобального развития. Историко-социологические исследования МСА показывают, что КМЭ с самого начала была транснациональной социальной целостностью, охватывавшей в XVI в. пространство Европы и Латинской Америки, а со второй половины XIX в. — глобальной капиталистической системой, превратившись из автономного мира в себе в историческую систему всего мира⁴.

С точки зрения МСА, весь дискурс глобализации в том виде, в котором он существует, представляет собой непонимание современной реальности, обман, “навязанный нам правящими группами, и, что еще хуже, обман, который мы навязали сами себе. Именно этот дискурс ведет нас к тому, чтобы игнорировать реальные вопросы, стоящие перед нами, и неверно понимать исторический кризис, в котором мы оказались”⁵. В конце XX в. мир действительно вступил в период радикальных преобразований. Однако суть этой трансформации не сводится к образованию нового глобального мира. Скорее, это процесс перехода от КМЭ, достигшей пределов структурной экспансии, к качественно новой мировой системе⁶.

Если отказаться от идеи сращивания ранее самостоятельных социальных организмов (обществ, государств или цивилизаций) в единый глобальный социально-экономический организм, как тогда может быть рационально осмыслен процесс глобализации с точки зрения МСА?

Из допущения в качестве реальных единиц исторического процесса исторических систем следует, что глобализация может рассматриваться с двух взаимосвязанных точек зрения. Во-первых,

⁴ *Wallerstein I.* The evolution of the modern World-system // *Proto-Soziologie*. 1995. Vol. 7. N 1. P. 5.

⁵ *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the World-system // *International Sociology*. 2000. Vol. 15. N 2. P. 250.

⁶ *Hopkins T.K., Wallerstein I.* The age of transition: trajectory of the World-system, 1945–2025. L., 1996. P. 1–10.

как пространственная экспансия КМЭ, а во-вторых, как усиление ее внутренней интеграции. Таким образом, глобализацию нужно рассматривать как процесс, протекающий с момента возникновения пять столетий назад КМЭ как исторической системы. Иными словами, глобализация будет процессом, фактически тождественным историческому развитию КМЭ, диалектическим процессом реализации глобальной по своему потенциалу природы капитализма. С этой точки зрения глобализация не является новым феноменом, и уже XIX в. стал свидетелем завершения в основном глобализации в первом значении, т.е. пространственной экспансии КМЭ и ее преобразования в первую в истории глобальную мир-систему. Таким образом, глобализация интерпретируется не как самостоятельный процесс, определяющий отдельную стадию развития, а как органическая тенденция развития капитализма, подчиненная действию его законов.

Такую интерпретацию глобализации можно найти в работах представителей МСА. С этой точки зрения научное изучение глобализации, учитывая разногласия в этой области исследований, возможно только при определении различия между глобализацией как объективной структурной тенденцией развития КМЭ и глобализацией как политико-идеологической доктриной “неолиберальной глобализации”. Глобализацию как объективную тенденцию ведущий мироаналитик К. Чейз-Данн характеризует как “структурную глобализацию”, т.е. увеличение пространственного масштаба, а также плотности и интенсивности сетей человеческого взаимодействия⁷. Поскольку под последними К. Чейз-Данн понимает мир-системы, то структурная глобализация интерпретируется как увеличение пространственных масштабов мировой системы и интенсивности взаимодействий в ней. Глобализация, таким образом, является долговременным структурным процессом инкорпорации и пространственной интеграции ранее слабо связанных между собой народов и регионов планеты в КМЭ. Из этого также следует рассмотрение глобализации не как уникального и нового феномена, а как неотъемлемого структурного свойства капиталистической мир-системы. Глобализация является восходящим долгосрочным трендом политических и экономических изменений и испытывает циклические колебания, т.е. имеет волновую природу. В истории КМЭ волны глобализации сменяются волнами де-глобализации или фрагментации⁸. Технологический прогресс, а также расширение мировой

⁷ Chase-Dunn C. Globalization: a world-systems perspective // Journal of World-Systems Research. 2000. Vol. 5. N 2. P. 187–216.

⁸ Su T. Myth and mystery of globalization. World trade Networks in 1928, 1938, 1960 and 1999 // Review (Fernand Braudel Center). 2002. Vol. 25. N 4. P. 376–377.

торговли и инвестиций являются составными частями указанных долгосрочных тенденций.

Относительно периодизации волн глобализации между миро-аналитиками нет значительных разногласий. К. Чейз-Данн и его коллеги, анализируя данные о динамике мировой торговли и инвестиций за предыдущие 200 лет, приходят к выводу, что примерно с 1800 г. КМЭ пережила по крайней мере две волны экономической глобализации — во второй половине XIX в. и после Второй мировой войны. Две волны глобализации были разделены периодом фрагментации. Процесс фрагментации, который начал зарождаться еще в недрах первой волны глобализации, включал в себя упадок гегемонии Великобритании, Великую депрессию 1873–1896 гг., две мировые войны, Октябрьскую революцию 1917 г. в России, мировую депрессию 1930-х гг., возникновение фашизма, деколонизацию периферии⁹.

Так выглядит картина, если рассматривать процесс экономической глобализации за относительно короткий 200-летний период времени. Однако экономическая глобализация — лишь один из аспектов структурной глобализации и взаимодействует с ее другими измерениями — политической и культурной глобализацией. Политическая глобализация представляет собой институционализацию международных политических структур, регулирующих политические и экономические процессы в КМЭ.

В последнее время было много разговоров о возникновении феномена “глобального правления” — тенденции постепенного развития наднациональных политических институтов, в которых концентрируется суверенитет, ранее принадлежавший государствам. Эта тенденция усматривается в переходе от Вестфальской системы к “европейскому концерту” XIX в., Лиге наций и ООН, и должна со временем привести к образованию “мирового государства” или “транснационального государства”¹⁰. В подтверждение правильности этого наблюдения обычно указывают на образование Бреттон-Вудских институтов (МВФ и ВБ), преобразования ГАТТ в ВТО, деятельность Трехсторонней комиссии, Группы семи, Всемирного экономического форума и т.д.¹¹.

Перспективы развития глобального правления в сторону вытеснения национальных государств оцениваются в МСА достаточно

⁹ Chase-Dunn C., Yukio Kawano, Brewer B.D. Trade globalization since 1795: waves of integration in the world-system // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. N 1. P. 77–95.

¹⁰ Robinson W. Global capitalism and its anti-‘human face’: organic intellectuals and interpretations of the crisis // *Globalizations*. 2013. Vol. 10. N 5. P. 659–671.

¹¹ Boli J., Thomas M. World culture in the world polity // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. N 2. P. 171–190.

осторожно, если не скептически. С точки зрения И. Валлерстайна, “глобальное правление” не может рассматриваться как итог упадка сильных государств в результате подъема мощных наднациональных организаций. Здесь имеется обратная связь: наднациональные организации существуют, поскольку существуют мощные государства, которые их поддерживают¹². С этой точки зрения развитие феномена глобального правления было бы точнее рассматривать как проявление тенденции возрастания сложности, масштабов и власти организующих центров КМЭ.

Более конкретно процесс глобализации, учитывая точки зрения различных течений в МСА, может быть описан следующим образом. По А.Г. Франку существующая с III тыс. до н.э. полицентрическая мировая афроевразийская система, включив с 1492 г. американский континент, превратилась в глобальную систему, в которой на несколько столетий утвердилась гегемония Запада¹³. С 1970-х гг. наблюдаются признаки упадка Запада и перехода гегемонии к Восточной Азии. В результате мировая система вновь, как и несколько веков назад, станет синоцентристской. Если же принять точку зрения других мироаналитиков о существовании в рамках мировой системы многих взаимодействующих, но автономных и качественно различных мир-систем, то картина глобализации претерпевает существенные изменения. В этом случае мировая торговая афроевразийская система будет выглядеть как совокупность нескольких мир-систем регионального масштаба. Эта мировая система была мультицентристской. В ней имелось три центральных региона (Западная Азия, Индия, Китай), связанных главным образом посредством обмена престижными товарами. Европейская мир-система занимала по отношению к этим центрам полупериферийное (К. Чейз-Данн) или периферийное (С. Амин) положение. С момента преобразования европейской феодальной мир-системы в КМЭ, частью которой было открытие Нового света, ситуация начала меняться. Опираясь на ресурсы США и благодаря более быстрому технологическому прогрессу, который стимулировался как процессами капиталистического накопления, так и межгосударственным соперничеством, КМЭ шаг за шагом инкорпорировала, главным образом с помощью колониальных войн, все остальные мир-системы, подчиняя их логике и интересам накопления капитала в западноцентристском ядре. Они были мобилизованы для участия в процессе капиталистического накопления в рамках колониальной и неоколониальной экономики. В результате произошло изменение

¹² *Wallerstein I.* Response: declining states, declining rights // *International Labour and Working Class History.* 1995. N 1. P. 24–27.

¹³ *Frank A.G.* ReOrient: global economy in the Asian age. Berkeley, 1998.

глобального геополитического и геоэкономического ландшафта. Современная глобальная КМС является моноцентрической системой в отличие от ранее существовавшей полицентрической афро-евроазиатской мировой системы до установления в ней гегемонии Запада. Это, безусловно, снижает возможности других регионов изменять ситуацию, характеризующуюся фундаментальным неравенством, и делает реализацию гегемонии в КМЭ более полной. Итак, глобализация как долговременный исторический тренд связана с империализмом, ибо разворачивалась в системе, которая представляет собой диалектическое единство господствующего ядра и эксплуатируемой периферии в контексте существования государств, обладающих разной властью в КМЭ.

Таким образом, опираясь на МСА, процесс глобализации можно интерпретировать структурно как создание глобальной системы социально-пространственной стратификации, которая создает благоприятные условия для накопления капитала в мировом масштабе. Эта система состоит из политически и экономически господствующего ядра и зависимых периферийных и полупериферийных регионов, немногие из которых смогли повысить свой статус по мере пространственной экспансии КМЭ. Положение же большинства других со структурной точки зрения не изменилось. Подход с точки зрения долговременного исторического понимания общественных систем требует видеть преэминентность и устойчивость базовых структур КМЭ в процессе ее развития. Ядро-периферийная иерархия КМЭ сохраняется, несмотря на то что отдельные государства осуществляют в ней восходящую или нисходящую мобильность. Иерархическая межгосударственная система не исчезает, хотя интернационализация капитала влияет на возможности государств проводить определенную экономическую политику. Социально-классовая структура продолжает существовать, невзирая на возникновение новых фракций капитала или сегментов наемного труда, новых статусных групп, новых моделей классовых взаимоотношений.

Рассмотрение феномена глобализации в долгосрочной исторической динамике, что представляет собой лучший способ выявления новых тенденций в развитии исторической системы, позволяет сделать вывод о том, что она является не новой стадией в развитии капитализма, а органической тенденцией и эволюционной моделью развития КМЭ с самого начала ее существования. Новизна же нынешней волны глобализации заключается в том, что эта органическая тенденция, посредством которой КМЭ превратилась в глобальную капиталистическую систему, зашла в тупик¹⁴.

¹⁴ *Arrighi G., Silver B.J. Chaos and governance in the modern World system. Minneapolis, 1999.*

Вопреки утверждениям неолибералов о новизне глобализации и пришествии постиндустриального или информационного общества, мироаналитики утверждают, что если исходить из долгосрочной исторической перспективы, которая учитывает структурные константы, циклические процессы и органические тенденции, действующие в КМС на протяжении веков, можно сделать вывод, что в логике развития мир-системы не произошло никаких значительных трансформаций. “Хотя сегодня и модно говорить о глобализации как феномене, возникшем самое раннее в 1970-х годах, — говорит И. Валлерстайн, — на самом деле транснациональные товарные цепочки были весьма протяженными с самого возникновения системы, и глобальными со второй половины XIX в. Понятно, совершенствование технологии дало возможность перевозить различные товары в большем количестве и на большие расстояния. Однако я утверждаю, что в структуризации и механизме действия этих товарных цепочек в XX в. не произошло никаких фундаментальных изменений и скорее всего никаких изменений не произойдет вследствие так называемой информационной революции”¹⁵. Расцвет ТНК как нового вида организационных единиц бизнеса также не означает радикальных изменений в способе функционирования КМЭ. Транснациональный капитал был в той или иной форме развит с самого начала существования КМЭ и составлял неотъемлемое условие ее исторической эволюции. Одной из его ранних форм были капиталистические диаспоры итальянских купцов-банкиров, а также крупные торговые компании XVII—XVIII вв., организовавшие производство и обмен в трансконтинентальных масштабах и игравших важную роль в развитии целых регионов мира. Конечно, ТНК являются новой ступенью в процессе концентрации и централизации капитала и более развитой формой транснационального капитала. Но их возникновение и рост отражают давнюю историческую тенденцию развития КМЭ, которая хотя и не имела линейного характера, но неуклонно двигала КМЭ в направлении все большей “свободы движения факторов производства”. Оно также не изменяет отношений между капиталистическими предприятиями и государственными структурами. Вот что пишет И. Валлерстайн: “Транснациональные корпорации сохраняют сегодня то же самое структурное положение по отношению к государствам, которое занимали все их глобальные предшественники от Фуггеров и Голландской Ист-Индской компании до манчестерских фабрикантов XIX в. Они одновременно нужда-

¹⁵ *Wallerstein I.* States? Sovereignty? The dilemmas of capitalists in an age of transition. URL: <http://www.binghamton.edu/fbc/archive/iwsovtv.htm> (accessed: 11.03.2015).

лись в государствах и боролись с другими государствами. Они нуждаются в государствах, чтобы последние гарантировали их глобальные попытки монополизации и следовательно высокие уровни прибыли, и чтобы помогли им ограничить требования рабочих. Они борются с государствами, поскольку государства действуют как защитники устаревших интересов, или чрезмерно склонны положительно реагировать на давление рабочих. Я не вижу ничего фундаментально отличного в этом отношении в 1994 г. от 1894, 1794 или даже 1594. Да, сегодня существуют факсы, более быстрые чем телеграф. Но базовые экономические процессы остаются теми же самыми. То, что изменилось за последнее время, это не экономика мир-системы, а ее политика”¹⁶.

Однако тезис мироаналитиков о неизменности базовых процессов и структур КМЭ нельзя воспринимать как утверждение о том, что капитализм оставался неизменным на протяжении своей истории. Причина, по которой теоретики МСА подчеркивают устойчивость и преемственность в развитии КМЭ, заключается скорее в том, что подобные высказывания направлены против сверхоптимистических иллюзий неолибералов-технократов, которые считают, что с началом “глобализации” и информационной революции начинается и качественно новый этап в развитии мировой цивилизации, и к социальному образованию, возникающему в результате “глобальной революции”, термин “капитализм” больше не может быть применен. Это постиндустриальное, постмодерное, информационное общество. В этом смысле мироаналитики, безусловно, правы: так называемая информационная революция не выводит человеческое общество за пределы капитализма.

Сопоставление картин исторической реальности, созданных в МСА и в концепциях глобализации, позволяет сделать вывод о существующих между ними глубоких теоретико-методологических расхождениях в понимании сути современных процессов развития мирового сообщества. Хотя благодаря мир-системной перспективе социология “шла в ногу с глобализацией мировой экономики”¹⁷ и оформление МСА “несомненно подготовило почву для глобализации в социальных науках”¹⁸, исследования глобализации и МСА являются конкурирующими подходами к современной социальной реальности. Следует также отметить, что изображение процессов, объединенных под рубрикой глобализации, в МСА отличается

¹⁶ *Wallerstein I.* Response: declining states, declining rights... P. 24–25.

¹⁷ *Friedmann H.* Prometheus rebound // *Contemporary sociology.* 1996. Vol. 25. N 3. P. 319.

¹⁸ *Sklair L.* Competing conceptions of globalization // *Journal of World-Systems Research.* 1999. Vol. 5. N 2. P. 149.

большей реалистичностью и лучше способствует пониманию их сути. Избранная концепциями глобализации временная перспектива недостаточна, чтобы можно было увидеть, что капитализм изначально был транснациональной, а с конца XIX в. и глобальной системой. Что транснациональные практики, институты и классы с самого начала и на протяжении веков играли ключевую роль в КМЭ. Что транснациональные товарные цепочки, в рамках которых осуществлялась интеграция специализированных процессов производства в мировом масштабе, были составной частью функционирования КМЭ с самого момента ее зарождения, и в истории этой исторической системы не было периода, когда бы общества и государства развивались вне системы взаимодействий и могли бы быть уподоблены бильярдным шарам. При этом МСА всегда указывал на то, что межгосударственная система является лишь одной из институциональных структур КМЭ. Мир-система является целостной системой отношений, которая вовлекает в свой институциональный водоворот отношения между индивидами, домохозяйствами, регионами, зонами, классами, социальными движениями, расами, этнонациями, фирмами, а не только государствами. Транснациональные социальные взаимодействия, осуществляемые всеми этими социальными акторами поверх государственных границ, были необходимым элементом жизни СМС на протяжении веков. В противоположность точке зрения исследований глобализации, картина МСА, которая учитывает важную роль транснациональных сил уже при генезисе капитализма, исторически более достоверна. Поэтому вряд ли корректно говорить о возникновении транснациональных связей, интернационализации и т.д. как о явлениях и процессах недавнего времени, но можно говорить об усилении и уплотнении этих связей, их экстенсивном и интенсивном росте в процессе эволюции КМЭ, и выделять определенные стадии в развитии этого процесса.

Вполне естественно, что с точки зрения МСА глобализация как аналитическое понятие является бессмысленным и не способствует адекватному осмыслению современной социальной реальности. В том виде, в каком это понятие сконструировано в исследованиях глобализации, оно является частью идеологической проповеди правящих классов. Особую критику мироаналитиков вызывает выдвинутый сторонниками неолиберализма тезис, что глобализация и создание глобального свободного рынка, сопровождаемое развитием информационных технологий, способны обеспечить повсеместный экономический рост и процветание во всех уголках планеты, что в конце концов глобализация ведет к конвергенции уровней экономического и социального развития стран Севера

и Юга, а также к гомогенизации социальной структуры и политических систем и повсеместному утверждению либерально-демократических режимов.

Ответ МСА состоит в том, что подобная интерпретация социального мира противоречит реальному историческому процессу капиталистического развития. Несмотря на многочисленные утверждения о том, что всемирная конвергенция в результате глобального реструктурирования капитализма устраняет структурное деление на Север и Юг, ядро и периферию¹⁹, работы теоретиков МСА, основанные на исследовании значительного эмпирического материала, убедительно показывают, что ядро–периферийная структура сохраняется и приобретает более выраженный характер. Индустриализация периферии, являющаяся частью капиталистической глобализации, не означает уничтожения поляризации и иерархии по оси ядро–периферия. Максимум это может означать, что в настоящее время противоположность между ядром и периферией перестала быть тождественной противоположности между индустриально развитыми странами и странами, специализирующимися на аграрном производстве или добыче сырья. Однако индустриализация периферии не сопровождается конвергенцией уровней дохода и богатства населения “первого” и “третьего” миров. Разрыв между Севером и Югом в этом отношении остается фундаментальным измерением современной глобальной динамики²⁰. В то же время это свидетельствует о возникновении новых форм поляризации в КМЭ.

С точки зрения С. Амина, новые формы поляризации будут возникать на основе пяти новых монополий, которыми стремятся обладать государства ядра. Эти монополии включают контроль над технологией, контроль над глобальными финансовыми потоками (посредством банков, страховых компаний и пенсионных фондов центров КМЭ), привилегированный доступ к природным ресурсам планеты, контроль над средствами массовой информации и коммуникации и владение оружием массового уничтожения²¹.

В конце концов, паразитизм и неравномерность развития различных отраслей экономики и стран являются законом развития капитализма, будучи как причиной экспансии, так и причиной его нестабильности как исторической системы. Критика МСА неоли-

¹⁹ *Burbach R.* The fin de siecle debate: globalization as global shift // *Science and Society*. 1999. Vol. 63. N 1. P. 27–28.

²⁰ *Arrighi G., Silver B.J., Brewer B.D.* Industrial convergence and the persistence of the North-South divide // *Studies in Comparative International Development*. 2003. Vol. 38. N 1. P. 3–31.

²¹ *Amin S.* Ending the crisis of capitalism or ending capitalism? Dakar, 2011.

беральных концепций глобализации подтверждает марксистский тезис о закономерности порождаемого капитализмом неравномерного развития в новых исторических условиях с использованием новых данных. На протяжении веков капитализм играл в истории поляризирующую роль, почему же теперь он должен стать “великим уравнивателем”? Напротив, по мере приближения к границам внешней и внутренней экспансии и ухудшения условий капиталистического накопления эксплуататорская природа этой социальной системы должна проявляться все отчетливее, что фактически и происходит. Разрыв между богатыми и бедными, который до настоящего времени, по данным отчетов ООН о человеческом развитии, достиг гротескных соотношений, делает беспочвенными утверждения о том, что прилив глобализации поднимает все лодки и создает равные возможности для всех наций в открытой глобальной экономике. Вполне понятно желание защитников системы отыскать для нее средство вечной молодости. Однако глобализация не является таким средством, так как именно она вводит КМЭ в заключительную и конвульсивную фазу ее существования.

Поскольку глобализация является восходящей тенденцией, то каждая новая волна в развитии этого процесса не просто воспроизводит базовую структуру КМЭ, но воспроизводит ее в новых формах. Задача долговременного структурно-исторического анализа как раз и заключается в том, чтобы выявить не просто инвариантные структуры и процессы, но новые явления, которые несет с собой каждая последующая волна глобализации. Поэтому исследование современной волны глобализации должно дать ответ на вопрос, что нового содержится в ней по сравнению с предыдущими волнами, и насколько это новое соответствует эволюционной модели, которую можно выделить в последовательности стадий развития КМЭ. Ответ МСА в свете исследования циклических процессов и органических тенденций развития КМЭ состоит в том, что особенностью новой волны глобализации является доведение эволюции КМЭ до пределов, за которыми количество (пространственная и структурная экспансия) переходит в качество и начинается процесс трансформации капитализма в новую историческую систему. Насколько этот диагноз современного состояния глобальной КМЭ как фазы системного кризиса соответствует действительности?

Прежде всего, следует отметить, что паутина экономических связей, созданная капитализмом, постепенно разрастаясь и уплотняясь, в настоящее время образует единую ткань глобальной капиталистической экономики. Она переварила все некапиталистические социально-исторические организмы и заполнила собой все

пространство планеты. В настоящее время КМЭ достигает предела экстенсивного развития, везде наталкиваясь на собственные границы. Ее дальнейшее развитие возможно только путем самоотрицания и превращения в новую историческую систему. Включение в КМЭ территорий, которые были частью системы реального социализма, несомненно, продлило жизнь капиталистической системе. Но глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., указывает на ограниченность спасительного действия инкорпорации указанных территорий в КМЭ²².

В то же время, коммодификация, т.е. прогрессирующее преобразование всех аспектов и условий человеческого существования в объект рыночных операций, также не беспредельна. Ее пределами является превращение в товар так называемых общих благ (земли, водных ресурсов и т.п.), а также самого человека, и в настоящее время она близка к их достижению. Таким образом, историческая система капитализма лишается резервов расширенного самовоспроизводства и это является признаком того, что капиталистическая модель развития исчерпана, и это прямо ставит вопрос о переходе к новому типу развития как условия выживания человечества.

То, что нынешний кризис является не просто циклическим спадом, а системным кризисом капитализма, не имеющим аналогов в прошлом, охватывающим его социальный, политический и культурный контекст, необходимый для выживания и процветания глобального капитализма, все шире признается в мировых академических и общественных кругах и достаточно хорошо документировано.

Поскольку кризис капитализма носит системный характер, а социальные, экономические и экологические резервы воспроизводства капитализма близки к исчерпанию, переход к новой фазе капиталистического развития за счет реформ и проведения какого-нибудь кейнсианского “нового курса” представляется маловероятным. Поэтому фактически речь может идти только о двух реальных альтернативах фундаментальной реорганизации КМЭ: или в гуманное демократическое общество, развитие которого не подчиняется логике прибыли, или, вследствие стремления правящих страт сохранить привилегированное положение, в жесткую иерархическую неэгалитарную и недемократическую структуру — глобальный имперский порядок. То, что в настоящее время наблюдается сильная тенденция движения в направлении последнего, вовсе не является выдумкой мироаналитиков. Глобальное общество в ре-

²² *Wallerstein I. Structural crises // New Left Review. 2010. March–Apr. Vol. II. N 62. P. 133–142.*

зультате осуществления неолиберальной глобализации все больше приобретает вид двухэтажной структуры. А о том, что США, единственное в истории гегемонистское государство, обладающее военными средствами вторжения глобального масштаба, готово использовать военную силу для ведения превентивных войн как инструмент преобразования мира в своих интересах и образования американской глобальной империи вовсе не в фигуральном смысле, открыто заявляют представители американской политической элиты. Доктринальные документы, принятые в 2010–2011 гг., в которых формулируется стратегия США в сфере национальной безопасности и обороны (“доктрина Обамы”), содержат идею безраздельного лидерства США в мировых делах, которое опирается на военную мощь и политику с позиции силы. Согласно “доктрине Обамы”, США сохраняют за собой право на односторонние действия, независимые не только от СБ ООН, но и от собственных союзников по НАТО, если того требуют национальные интересы. При этом последние толкуются достаточно широко. Они, в частности, включают сохранение глобального лидерства и военного превосходства США, а также их влияния в стратегически важных регионах мира. Таким образом, поскольку внутренние противоречия КМЭ с развертыванием кризиса становятся острее, политика неоконсервативных кругов более агрессивной, а средства вооруженной борьбы более разрушительными, единственным выбором в XXI в. становится выбор между социализмом и варварством.

Процесс глобализации, означающий усиление глобального характера производства и обмена и интеграции производственных сил в глобальном масштабе, т.е. фактически усиление общественного характера производства, вступает в конфликт с капиталистической системой, основанной на отношениях частной собственности и существовании системы наций-государств, и закладывает фундамент развития перехода к новому типу общественного развития. Вывод МСА о том, что глобализация означает финальный кризис капиталистической современности и переход к новой исторической системе заслуживает самого серьезного отношения.

REFERENCES

- Amin S.* Ending the crisis of capitalism or ending capitalism? Dakar, 2011.
- Arrighi G., Silver B.J.* Chaos and governance in the modern world system. Minneapolis, 1999.
- Arrighi G., Silver B.J., Brewer B.D.* Industrial convergence and the persistence of the North–South Divide // Studies in Comparative International Development. 2003. Vol. 38. N 1. P. 3–31.

- Burbach R., Robinson W.* The fin de siècle debate: globalization as global shift // *Science and Society*. 1999. Vol. 63. N 1. P. 10–39.
- Boli J., Thomas M.* World culture in the world polity // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. N 2. P. 171–190.
- Chase-Dunn C.* Globalization: a world-systems perspective // *Journal of World-Systems Research*. 2000. Vol. 5. N 2. P. 187–216.
- Chase-Dunn C., Yukio Kawano, Brewer B.D.* Trade globalization since 1795: waves of integration in the world-system // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. N 1. P. 77–95.
- Frank A.G.* *ReOrient: global economy in the Asian age*. Berkeley, 1998.
- Friedman H.* Prometheus rebound // *Contemporary Sociology*. 1996. Vol. 25. N 3. P. 319–322.
- Hopkins T.K., Wallerstein I.* *The age of transition: trajectory of the World-system, 1945–2025*. L., 1996.
- Martin W.G.* Still partners and still dissident after all these years? Wallerstein, World revolutions and World-System perspective // *Journal of World-System Research*. 2000. Vol. 6. N 3. P. 234–263.
- Robinson W.* Global capitalism and its anti-‘human face’: organic intellectuals and interpretations of the crisis // *Globalizations*. 2013. Vol. 10. N 5. P. 659–671.
- Sklair L.* Competing conceptions of globalization // *Journal of World-Systems Research*. 1999. Vol. 5. N 2. P. 143–162.
- Su T.* Myth and mystery of globalization. World trade Networks in 1928, 1938, 1960 and 1999 // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2002. Vol. 25. N 4. P. 376–377.
- Wallerstein I.* Societal development, or development of the World-system? // *International Sociology*. 1986. Vol. 1. N 1. P. 3–17.
- Wallerstein I.* The evolution of the modern World-system // *Proto-Soziologie*. 1995. Vol. 7. N 1. P. 4–10.
- Wallerstein I.* Response: declining states, declining rights // *International Labour and Working Class History*. 1995. N 1. P. 24–27.
- Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the World-system // *International Sociology*. 2000. Vol. 15. N 2. P. 249–265.
- Wallerstein I.* Structural crises // *New Left Review*. 2010. March–Apr. Vol. II. N 62. P. 133–142.
- Wallerstein I.* Robinson’s critical appraisal appraised // *International Sociology*. 2013. Vol. 27. N 4. P. 524–528.
- Wallerstein I.* States? Sovereignty? The dilemmas of capitalists in an age of transition. URL: <http://www.binghamton.edu/fbc/archive/iwsovtv.htm> (accessed: 11.03.2015).

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

E.N. Novoselova, PhD in sociology, associate professor, faculty of sociology Lomonosov Moscow State University, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

THE MIGRATION SITUATION IN THE CAPITAL MEGAPOLIS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Статья посвящена одной из самых актуальных проблем современности — миграции. Депопуляция, старение населения, падение рождаемости коренного населения формируют условия, в которых миграция становится одним из значимых источников пополнения численности населения развитых стран, и несмотря на то что проблем депопуляции с помощью миграции не решить, обойтись без мигрантов не получится, так как в противном случае численность населения будет еще более стремительно сокращаться.

В статье анализируются особенности миграционной ситуации в России, делается упор на миграции в городе Москве. Основной акцент сделан на проблемах взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, а точнее — на отношении москвичей к мигрантам. Отмечается высокий уровень ксенофобных и антимигрантских настроений среди столичных жителей, указывается на необходимость преодоления мигрантофобии, формирования толерантности, налаживания культурного диалога между мигрантами и коренным населением региона, рассматриваются негативные последствия ксенофобных настроений, которые несут угрозу стабильности и безопасности России.

Достаточно много внимания автор уделяет одной из современных особенностей миграции — увеличению доли женщин среди мигрантов, феминизации миграции и следующим за этим проблемам и перспективам.

В своих выводах автор опирается на существующие статистические данные, а также результаты социологических исследований, проведенных как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: Москва, москвичи, миграция, коренное население, трудовые мигранты, феминизация миграции, мигрантофобия, ксенофобия, дети мигрантов.

The article is dedicated to one of the most pressing problems of our time — migration. Depopulation, population ageing, falling birth rate among the indige-

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

nous population creates conditions when migration becomes one of the most important sources of population growth in developed countries. Despite the fact that the problems depopulation can't be solved only through migration, it is impossible to manage the situation without migrants, otherwise population will decline even more rapidly.

The article analyzes particularities of migration in Russia, especially focusing on migration in Moscow. The main emphasis is made on the problems of interaction between migrants and the host community, or more precisely on the attitudes towards migrants among Muscovites. There is a high level of anti-immigrant and xenophobic attitudes among Moscow's residents, which points to the necessity to overcome migrantophobia, promote tolerance, establish cultural dialogue between migrants and the indigenous population of the region. Negative consequences of xenophobia are analyzed, which pose a threat to Russian stability and security.

A lot of attention is paid to such feature of contemporary migration as the increasing proportion of women among migrants — the feminization of migration, problems and prospects that follow it.

In conclusions, the author relies on the existing statistical data, as well as the results of sociological research, conducted both on the national and regional levels.

Keywords: *Moscow, Muscovites, migration, indigenous populations, migrant workers, feminization of migration, migrantophobia, xenophobia, children of migrants.*

Миграция (*migratio*, лат. — “переселение”) — переселение, перемещение населения внутри страны, внутренняя миграция населения, из одной страны в другую, внешние миграции населения¹. Данный процесс такой же древний, как и само человечество, однако свой глобальный характер миграция приобрела именно сегодня, когда весь мир пришел в движение и произошло современное “великое переселение народов”. Мы живем “в эпоху беспрецедентной мобильности населения, с наибольшим, чем когда-либо, числом людей, проживающих за пределами стран или регионов своего происхождения... миграция представляет собой явление, которое затрагивает все страны во всех регионах, независимо от того, являются ли они странами происхождения, транзита или назначения, либо же сочетают в себе все эти характеристики. С учетом существующих тенденций в области демографии, развития и потребностей в трудовых ресурсах, широкомасштабная миграция в XXI веке неизбежна, необходима и целесообразна”².

¹ См., например: Паточкина Н.А., Кочнева Е.В. Миграция и преступность // Вестн. Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2015. № 1 (8).

² Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций 2013 года. Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии. Меморандум о позиции МОМ.

Миграция серьезно влияет как на страны исхода, так и на страны назначения: на экономическую, социальную, политическую ситуацию, динамику численности и состава их населения. Точные данные о потоках и количестве мигрантов найти довольно затруднительно, разные источники сообщают весьма отличающиеся данные, так как измерить миграцию весьма трудно, учет миграции — один из самых тяжелых и вызывающих наибольшее число противоречий и споров видов сбора данных о населении. Связано это, кроме всего прочего, с тем, что рождается и умирает человек один раз, а совершать переезды может многократно. Несмотря на указанные сложности, существует ряд применяемых в совокупности критериев для систематизации и учета миграции, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные критерии, применяющиеся для систематизации и учета миграции

Критерий	Тип миграции
Направление (въезд, выезд)	Въезд/выезд (прибывшие/выбывшие) Прибытие — иммиграция Выбытие — эмиграция
Пересечение административной или государственной границы (страны, территории, единицы и пр.) Применяется только в сочетании с другими критериями	Административная граница территориальной единицы <i>внутри страны</i> : внутренняя миграция (внутрирайонная, внутриобластная, межрайонная и т.д.) <i>Граница государства</i> : международная миграция
Продолжительность пребывания/отсутствия и связанный с этим статус	Краткосрочная и долгосрочная Временная или на постоянное жительство
Причины или обстоятельства переезда (мотивы, факторы)	Добровольная: свободный выбор мигранта (трудовая, учебная, семейная и т.д.) Вынужденная: выбор принудительный (политическое преследование, вооруженные конфликты, природные катаклизмы и пр.)
Статус законности	Легальная/нелегальная (въезд, пребывание, работа)

Источник: Статистика международной миграции. Практическое руководство для стран Восточной Европы и Центральной Азии // Организация Объединенных Наций. 2011.

В 2013 г. число людей, живущих за пределами своей страны, по оценкам ООН, достигло 232 миллионов человек, тогда как в 2000 г. таких насчитывалось 175 миллионов, а в 1990 г. — 154 миллио-

на³. Уточненные по последним переписям населения данные говорят о том, что всего в мире 243 миллиона человек мигрантов, что довольно значительно превышает прежнюю оценку⁴. И, тем не менее, по сравнению с глобальным населением, численность международных мигрантов остается относительно небольшой. В 2013 г. международные мигранты составляли около 3,2% населения мира (по сравнению с 2,9% в 1990 г.). Около половины всех международных мигрантов проживают в десяти странах⁵ (см. табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг стран по количеству мигрантов в 2013 г.

№	Страна	Количество мигрантов (млн человек)
1	США	45,8
2	Российская Федерация	11,0
3	Германия	9,8
4	Саудовская Аравия	9,1
5	ОАЭ	7,8
6	Великобритания	7,8
7	Франция	7,5
8	Канада	7,3
9	Австралия	6,5
10	Испания	6,5

Источник: РБК. Рейтинг // Информационное агенство РБК. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2013/09/16/34025471>

В России ситуация с учетом мигрантов весьма сложная. Данные, которые предоставляют ФМС и Росстат, разительно отличаются.

³ См. об этом: Пресс-релиз ООН По последним данным статистики глобальной миграции ООН в мире насчитывается 232 миллиона международных мигрантов, проживающих за пределами своих стран. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf

⁴ См. об этом: Шербакова Е. Число международных мигрантов, уточненное по данным последних переписей населения, превысило 247 миллионов человек. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/barom01.php#_ftn1

⁵ См. об этом: Мировая миграция в цифрах. Совместный доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ) и ОЭСР для Диалога высокого уровня по миграции и развитию ООН, 3–4 октября 2013 г. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/RUSSIAN.pdf>

По оценкам ООН в 2013 г. Россия стала крупнейшим региональным центром притяжения мигрантов из других стран постсоветского пространства и занимает по числу мигрантов второе место в мире после США. Эксперты организации насчитали в РФ 11 млн приезжих⁶. В структуре стран происхождения трудовых мигрантов для России лидируют государства СНГ, их доля составляет около 3/4 всей трудовой миграции⁷.

По мнению многих специалистов, мигранты, приезжающие сегодня в Россию, качественно отличаются от мигрантов начала 2000-х гг. Сегодня к нам едут более бедные и низкообразованные трудовые мигранты из небольших городов и сел, половина из них не имеет профессионального образования, около 85% до выезда на работу относили себя к группе бедных и очень бедных⁸. Только 5% мигрантов в РФ — специалисты высокой квалификации, причем чаще всего это высокооплачиваемые работники иностранных компаний из Китая, Турции, Германии, Греции, Великобритании и США⁹. Скорее всего, в будущем негативная тенденция “обеднения” мигрантов, во всех смыслах этого слова, будет только усиливаться, и к нам будут приезжать все менее грамотные и все хуже знающие русские традиции и язык мигранты.

Трудовые мигранты, прибывшие в РФ как легально, так и нелегально, трудятся в различных областях экономики страны, но большинство из них занято в строительстве, пожалуй, эту сферу даже можно назвать “мигрантозависимой”, а также в домашней экономике, торговле и бытовом обслуживании (см. табл. 3).

Большинство мигрантов переселяются в города, при этом их в основном притягивают мегаполисы, которые предоставляют переселенцам больше возможностей для интеграции, и все больше походят на “плавильные котлы” этносов, рас и культур. По сути, любой крупный город сегодня — это результат переселенческих процессов, и несмотря на все негативные последствия, которые влечет за собой миграция, благополучие мегаполиса зависит от умения притягивать квалифицированных специалистов и предпринимателей, от способности интегрировать мигрантов в социальную жизнь. Крупные го-

⁶ См. об этом: Сколько в России мигрантов. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2284497>

⁷ См. об этом: *Ивахненко Г.А.* Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины. 2013. № 2.

⁸ См. об этом: Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М., 2011.

⁹ См. об этом: *Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневски Ш.З.* Тенденции трудовой миграции в Российской Федерации // Новые векторы миграции на евразийском пространстве. Т. 1. М., 2015.

рода обязаны своим ростом именно миграции, а потому должны учитывать интересы мигрантов при планировании своего развития¹⁰.

Таблица 3

Отраслевая структура занятости трудовых мигрантов в РФ, 2010 г.

Отрасль	% занятых
Строительство	28
Домашняя экономика (работа у физических лиц)	23
Промышленность	13
Торговля и бытовое обслуживание	12
Операции с недвижимостью, финансовая деятельность	8
Сельское и лесное хозяйство	6
Транспорт и связь	4
Жилищно-коммунальные услуги	2
Здравоохранение и образование	1
Другие виды деятельности	3

Источник: Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневски Ш.З. Тенденции трудовой миграции в Российской Федерации // Новые векторы миграции на евразийском пространстве. Т. 1. М., 2015.

Столица России, Москва — лидер по количеству мигрантов среди российских регионов. Причем миграция в данном случае — процесс обоюдополезный; мигранты выбирают Москву, поскольку здесь сложился разнообразный и емкий рынок труда и более высоких зарплат; столица же принимает мигрантов, так как нуждается в них по причине демографического кризиса. На столицу России приходится около 30% всех мигрантов, приезжающих в нашу страну на заработки, т.е. именно на Москву ложится основная миграционная нагрузка¹¹. Еще в советское время Москва развивалась за счет работников из российской провинции, то же самое происходит и сейчас, разве что “лимитчиков” сменили мигранты из ближ-

¹⁰ См. об этом: Исследовательский доклад по миграции и беженцам на городских территориях // Конференция Организации Объединенных наций по жилью и устойчивому городскому развитию. New York, 31 May 2015. URL: http://www.europeanhabitat.com/wp-content/uploads/2016/03/2-Migration-and-Refugees-in-Urban-Areas_rus.pdf

¹¹ См. об этом: *Тюрюканова Е. Трудовые мигранты в Москве: “второе” общество // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковой. М., 2009.*

него зарубежья. “Москву в полной мере можно назвать продуктом миграции. Ее население сформировалось благодаря миграции и остается до сих пор активным и дееспособным тоже благодаря ей”¹².

Иностранные работники, приехавшие в Москву, составляют около 10–20%¹³ населения города в период спада и сезонного пика, соответственно, т.е. по своей численности мигранты в Москве составляют население города миллионника. По официальным данным на декабрь 2014 г., в столице постоянно находятся около 1,5 млн мигрантов¹⁴, однако, по мнению некоторых экспертов, численность мигрантов, живущих в столице нелегально, может значительно превышать цифры официальной статистики, так общий поправочный коэффициент недокументированной миграции на 2010 г. по Москве составил 2,5¹⁵.

Одним из косвенных методов оценки численности нелегальных мигрантов принято считать метод учета денежных переводов, так как темпы роста количества иностранных работников в стране совпадают с темпами роста переводов. Основным направлением денежных переводов из России являются страны ближнего зарубежья — 88%¹⁶, главные направления — основные поставщики иностранной рабочей силы в РФ. Большую часть переводов мигранты отправляют из Москвы (см. табл. 4). 34% переводов из Москвы уходят в Молдавию, 19 — в Таджикистан, 10 — в Киргизию, по 6 и 5% — в Узбекистан и Украину. 18% от объема переводов из Москвы составляют внутри-российские. Специалисты в последние годы говорят о смещении акцента в структуре транзакций в сторону Средней Азии¹⁷.

Мигранты, приехавшие на временные заработки, часто надолго задерживаются в Москве и влияют как на социально-экономическое развитие города, так и на его демографию, ведь “как показывает опыт многих стран, нет ничего более постоянного, чем временные работники”¹⁸. По данным Международной организации по

¹² Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Москва и миграция. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/15/demoscope389/>

¹³ См. об этом: Тюрюканова Е. Указ. соч.

¹⁴ Источник данных: Нелегальная миграция в РФ // ТАСС информационное агентство. URL: <http://tass.ru/info/691935>

¹⁵ Рязанцев С.В., Лукьянова А.Ю. Недокументированная миграция в Российской Федерации // Новые векторы миграции на евразийском пространстве. Т. 1. М., 2015.

¹⁶ См. об этом: Российский рынок денежных переводов. URL: <http://www.mobilecomm.ru/rossijskij-gynok-denezhnyh-perevodov>

¹⁷ См. об этом: Половина переводов денег из России уходит в страны Средней Азии // Известия. 2014. 21 февр. URL: <http://izvestia.ru/news/566273#ixzz440JUwEMa>
<http://izvestia.ru/news/566273>

¹⁸ За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI Международн. конф. труда, 92-я сессия, 2004 г. Международное бюро

миграции около трети иностранных работников “хотели бы остаться в России на постоянное жительство и получить гражданство и еще 22% ориентированы на длительное проживание”¹⁹. Вопреки мнению, что Россия и Москва в частности, потеряла свою привлекательность как работодатель в связи с ужесточением правил пребывания мигрантов с 1 января 2015 г. и из-за падения курса рубля, мигрантов меньше не стало, по крайней мере значительно меньше, ведь запретами миграцию остановить практически невозможно: это процесс экономический, социальный, демографический.

Таблица 4

Основные города отправки денежных переводов из России, 2013 г.

Город	Доля переводов в общем объеме, в %
Москва	60
Санкт-Петербург	15
Владикавказ	4
Новосибирск	3
Краснодар	3
Казань	2
Новороссийск	2

Источник: Половина переводов денег из России уходит в страны Средней Азии // Известия. 2014. 21 февр. URL: <http://izvestia.ru/news/566273#ixzz440JUwEMa>, <http://izvestia.ru/news/566273>

С точки зрения ученых-демографов, если в населении государства поколение детей намного меньше поколения родителей, т.е. рождаемость очень низка и происходит естественная убыль населения, то “освободившееся” место пустым обычно не остается. “В большинстве стран с естественной убылью населения, вакуум, образованный этой убылью, полностью или частично заполняется мигрантами”²⁰.

труда Женева (Цит. по: *Мукомель В.* Экономика нелегальной миграции в России // Демоскоп Weekly. 2005. 20 июня — 14 авг. № 207–208).

¹⁹ *Рыбаковский Л.Л.* Современная миграционная политика России в контексте ее национальных интересов // О состоянии миграционной политики в Российской Федерации и путях ее совершенствования. Мат-лы к “правительственному часу” 311 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2012.

²⁰ *Синельников А.Б.* Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов? URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=569

В современных условиях миграция порождает множество проблем, мигранты приезжают на новые территории со своими микросоциальными практикам и моделями поведения, что вызывает противоречия между интересами мигрантов и коренного населения региона. При этом, чем больше культурных различий между прибывшим и коренным населением, тем больше проблем и вражды, тем менее эффективен диалог между ними, так как “люди часто больше дорожат внешней формой, чем внутренней сутью, больше ценят то, что отличает их от других, чем то, что соединяет с ними”²¹, данный факт, безусловно, несколько затрудняет и ограничивает диалог культур. Между тем, сегодня представляется невозможным как-то ограничить единство мира в его экономических, административных, информационно-технологических и т.п., т.е. цивилизационных, проявлениях и это никак не отменяет его разнородности, разнообразности, разноцветности в культурном отношении. И именно такие цивилизационные проявления дают шанс наладить диалог между представителями различных культур, ведь так или иначе разные культуры, и в том числе разные религии, имеют некую единую нравственную, смысловую основу²². В мире нет главенствующей культуры, и если мы не будем считать так, то мы никогда не наладим конструктивный диалог и вечно будем жить в состоянии войны. Россиян, и москвичей в частности, раздражает, что мигранты несут с собой чужую культуру, нормы и язык, но они забывают, что они также еще выполняют неквалифицированную работу: убирают улицы и дворы, строят дома, водят такси, без их труда москвичам уже не обойтись, ведь сами они хотят быть заняты исключительно в престижных профессиях. Столичному рынку труда необходимы мигранты еще и в силу неблагоприятных демографических тенденций: численность лиц старше трудоспособного возраста неуклонно возрастает, а старение населения становится необратимым, по крайней мере на ближайшие десятилетия, трендом в демографическом развитии Москвы. К 2025 г. при отсутствии миграционного притока количество трудоспособных жителей столицы значительно сократится²³.

Сегодня наша страна переживает затяжной всплеск мигрантофобии, 35% населения считают заселение страны “инородцами”

²¹ Гусейнов А.А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира / Сост. В.И. Толстых. М., 1999.

²² См.: Гусейнов А.А. Идеи универсализма и самобытности (о возможности глобального этоса) // Наука и религия. Междисциплинарный и кросскультурный подход: научные труды. М., 2006.

²³ См. об этом: Многофункциональный миграционный центр. URL: <http://mc.mos.ru/presscenter/news/detail/2336707.html>

реальной угрозой, эта проблема беспокоит сограждан гораздо сильнее, чем, скажем, угроза вымирания из-за падения рождаемости²⁴. Отношение “москвичей к мигрантам мифологизировано, у большинства представление прямо о каком-то миграционном наводнении, хотя, по сравнению с другими столицами мира, у нас мигрантов всего ничего”²⁵. Более половины москвичей считают большое количество мигрантов из бывших южных республик СССР и с Северного Кавказа главной проблемой города²⁶ (см. табл. 5). Данная проблема заняла первое место в рейтинге проблем города в 2013 г., в шесть раз обогнав плохое качество школьного образования и рост безработицы и почти в десять — плохую экологию и нехватку детских садов. При этом 40% москвичей считают, что ситуация с мигрантами в ближайшие годы только ухудшится²⁷.

Таблица 5

Динамика основных проблем, беспокоящих москвичей, 2007–2013 гг., в %
(ответ на вопрос “Назовите, пожалуйста, пять–шесть проблем Москвы, которые беспокоят вас больше всего?”)

Варианты ответов	Годы				
	2007	2009	2010	2011	2013
Много мигрантов из бывших южных республик СССР/с Северного Кавказа	37	31	30	38	55
Рост коммунальных платежей	44	33	53	39	43
Уличные “пробки”	—	41	44	36	38
Высокие цены (на товары первой необходимости)	44	31	53	45	35
Низкие заработки	32	28	31	30	29

Источник данных: Социальные проблемы и гражданское участие москвичей // Аналитический центр Юрия Левада. Опрос 4–8 июля 2013 года. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>

Уровень ксенофобии в стране в целом, и в Москве в частности, от года к году растет, около половины россиян так или иначе под-

²⁴ См. об этом: Инородный ресурс // Коммерсантъ. 2013.29.07. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235195>

²⁵ Нужны рабы, а не мигранты. Демографы о парадоксах отношения москвичей к приезжим // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/09/10_a_6208957.shtml

²⁶ Источник данных: Социальные проблемы и гражданское участие москвичей // Аналитический центр Юрия Левада. Опрос 4–8 июля 2013 года. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>

²⁷ Источник данных: Опрос москвичей. Городские проблемы: успехи и неудачи. Какие проблемы беспокоят москвичей? В каких сферах они замечают успехи? И каких изменений ждут? ФОМ Опрос москвичей, 26 января — 7 февраля 2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10817>

держивает идею “Россия для русских”. Жить рядом с людьми с Северного Кавказа и Закавказья, из Средней Азии или Юго-Восточной Азии и большинство жителей столицы не хотят (см. табл. 6).

Таблица 6

Отношение москвичей и жителей России в целом к соседству с мигрантами из других регионов и других государств, в %
(ответ на вопрос “Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов?”)

Происхождение мигранта	Население в целом		Москва	
	отрицательно	положительно	отрицательно	положительно
Молдавия	25	36	32	23
Закавказье	53	19	66	12
Северный Кавказ	60	14	75	7
Средняя Азия	56	16	71	9
Юго-восточная Азия	58	14	73	7

Построено по данным: Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам // Опрос МегаФОМ. 2011. Октябрь. URL: <http://fom.ru/Mir/10442>

По числу открытых межэтнических столкновений Москва лидирует среди остальных регионов России. Этот факт подтверждает и мнение самих москвичей относительно вражды между приезжими других национальностей и москвичами: 63% жителей столицы считают, что существуют серьезные противоречия и конфликты в этой области, в то время как в среднем по России цифра почти в два раза ниже — 34%. Две трети москвичей, 63%, считают, что представители коренной национальности должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, живущие на той же территории; среди россиян в целом такого мнения придерживается лишь треть опрошенных и 53% поддерживают разные права для всех²⁸. Безусловно, “национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов”²⁹.

²⁸ Источник данных: Межнациональные отношения в России // Еженедельный опрос “ФОМнибус” 28–29 апреля 2012 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов.

²⁹ Соловьев В. О народности и народных делах России // Национальный вопрос в России. М., 2007. С. 3.

Не ощущая “потребности в культурном диалоге и испытывая дискомфорт от постоянных контактов с носителями иных поведенческих установок, россияне воспринимают рост этнокультурного разнообразия как внешнее насилие и угрозу.. Особенно остро проблемы межэтнических отношений воспринимаются в крупных городах, ставших основными местами концентрации мигрантов”³⁰. Столица России по всем признакам все больше походит на государство в государстве, отдельную “сказочную” страну, счастьем и покоем которой угрожают внешние “захватчики” и границы которой необходимо тщательно охранять, здесь локальная идентичность нередко становится гораздо более значимой, чем общегосударственная и национальная³¹.

Почти все москвичи считают, что в столице слишком много мигрантов как из регионов России (так думают 93%), так и из других стран (94%), довольно часто москвичи видят в мигрантах угрозу для себя и своих близких (37% — в мигрантах из регионов России, 63% — в мигрантах из других стран)³², связывают с миграцией высокую степень преступности в городе, относятся к ним с опаской, настороженностью (64%)³³. Среди жителей столицы, да и России в целом, существует мнение, что мигранты занимают их рабочие места, совершают большое количество преступлений, являются разносчиками множества заболеваний. То, что мигранты необходимы как для развития российской экономики, так и для поддержания мало-мальски стабильной демографической ситуации, признать никто не хочет.

Многие жители столицы уверены, что мигранты конкурируют с ними на рынке труда. Так, по данным Фонда “Общественное мнение” считают 63% москвичей, при этом лишь 7% москвичей попали в ситуацию, когда их не взяли на работу, а взяли мигранта³⁴. По данным ФОМа, 47% столичных жителей нанимали мигрантов

³⁰ Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3.

³¹ См. об этом: Вендина О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5.

³² Источник данных: Об отношении к мигрантам — внутренним и внешним. Как россияне относятся к мигрантам из других регионов страны и из других стран // Еженедельный опрос “ФОМнибус” 31 мая — 1 июня 2014 г. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566>

³³ Источник данных: О нелегальных мигрантах. Лагеря или миграционная амнистия? Отношение россиян к лагерям для нелегальных мигрантов. “ТелеФОМ” — телефонный опрос. 18 августа 2013. 1000 респондентов.

³⁴ Источник данных: Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М., 2014.

для выполнения каких-либо работ³⁵, при этом 83%³⁶ имели с мигрантами только устную договоренность, т.е. никаких бумаг и договоров подписано не было, таким образом, ценят москвичи в мигрантах в данном случае именно дешевизну их труда, тот же фактор, который они ставят им в вину, когда “конкурируют” с ними за рабочие места. Москвичи охотно пользуются дешевым трудом мигрантов и при этом считают, что от приезжих больше вреда, чем пользы (62%)³⁷. Жители столицы по большей части (59%)³⁸ считают целесообразным принимать мигрантов разнорабочими, в сельском хозяйстве, в строительстве, в сфере ЖКХ и торговли, а также дворниками и уборщиками. Москвичам хочется, чтобы мигранты сидели “тише воды, ниже травы” в каком-нибудь подвале или вагончике и не высовывались оттуда, пока их не позовут.

Удивительно, но наименее терпимо к мигрантам (особенно если речь идет о выходцах с Северного Кавказа) относятся те, кто приехал в Москву 10–15 лет назад. У коренных жителей столицы уровень терпимости гораздо выше, “они более уверены в своем праве на город”, приезжие же опасаются “новых” мигрантов как конкурентов за социальные ресурсы и настаивают на необходимости этнической иерархии³⁹, потомки мигрантов не зависимо от своей национальности относятся к новой волне мигрантов как к “чужакам”, разделяя негативное отношение основной массы населения города.

Безусловно, москвичам, да и жителям России в целом, необходимо прививать толерантность к представителям других культур и религий, как, впрочем, и самим мигрантам — по отношению к коренному населению. Хотим мы этого или нет, но нам придется как-то уживаться друг с другом. Вероятно, преодолеть негативное отношение к мигрантам полностью невозможно, но надо признать, что их экономическая роль столь велика, что не принимать их нельзя.

Сегодня одной из основных черт миграции в мире можно считать ее феминизацию, и Россия здесь не исключение. И если раньше в нашу страну женщины-мигранты приезжали в основном с целью воссоединиться с семьей, т.е. ехали к своим мужьям-мигрантам, то сегодня на рынке труда востребована уже не только грубая мужская сила. Совокупность демографических и социально-экономических

³⁵ Источник данных: Мигранты и рынок труда. О месте и роли мигрантов на российском рынке труда. Опрос ФОМ. Октябрь 2011. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/10484>

³⁶ Источник данных: Защита прав москвичей в условиях массовой миграции.

³⁷ Источник данных: Опрос ФОМ 2012 г. (Цит. по: Инородный ресурс // Коммерсантъ. 2013.29.07. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235195>).

³⁸ Источник данных: Инородный ресурс // Коммерсантъ. 2013.29.07. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235195>

³⁹ См. об этом: Там же.

факторов создает необходимость привлечения женщин-мигрантов, которые приезжают самостоятельно и с мужьями, в абсолютно разном возрасте, замужние и холостые, с детьми и без, учиться и работать, временно и навсегда. Среди них особенно много так называемых “невидимых работников”, так как они часто работают в частных домах в качестве прислуги, ухаживают за детьми, пожилыми и больными людьми, а также заняты в неформальном секторе экономики. “Согласно официальным данным ФМС России, женщины составляли в 2009 г. 14% потока трудовой миграции. В то же время эксперты оценивают их реальную долю среди трудовых мигрантов в среднем в 25–30%”⁴⁰.

Для многих женщин, приезжающих на заработки в Москву, миграция связана с деквалификацией и дискриминацией на рынке труда. В условиях глобальной экономики городу требуется все больше просто рабочих рук, при этом динамично растет сектор услуг, а москвички вовлечены (или хотят быть вовлечены) по большей части в высокодоходные отрасли экономики, им нужны социальные гарантии и перспективы карьерного роста. Мигрантки же, даже имеющие высшее и незаконченное высшее образование, а в Москве таких 36,4%⁴¹, вынуждены работать там, где нужна рабочая сила, там, куда их берут, часто это наиболее дискриминируемые, неформальные и теневые сегменты занятости. Именно в Москве «самые большие “ножницы”, возникающие при сопоставлении уровня образования и характера работы, которой заняты мигрантки. Например, 10% работающих в Москве уборщицами имеют высшее и незаконченное высшее образование»⁴².

Еще одна проблема — быстрое развитие индустрии развлечений, а также секс-индустрии и индустрии околосексуальной занятости (стриптиз, консумация и т.п.), которое привело к тому, что женщины-мигранты и без того часто занимающие маргинальные ниши на московском рынке труда активно вовлекаются в данную сферу занятости. По мнению Д.В. Полетаева, именно столица чаще всего грешит сексуальной эксплуатацией женщин-мигрантов, причем подобного рода эксплуатация практикуется не только в сфере развлечений и околосексуальной занятости, с домогательствами и принуждением к секс-услугам женщинам-мигрантам приходится сталкиваться практически во всех секторах рынка труда⁴³.

⁴⁰ Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М., 2011.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Полетаев Д.В. Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Вестн. Евразии. 2005. № 1. С. 18–31.

Феминизация миграции и, соответственно, проблема беременности и родов среди женщин-мигрантов вызывают серьезную тревогу у столичных жителей, данная тематика активно подогревается СМИ, хотя поток иностранных рожениц в Москву не увеличивается и составляет около 7% от общего числа родов в Москве. Таким образом, разговоры о колоссальном числе мигрантских родов явно серьезно раздуты. По данным исследования, проведенного в 2010 г. в рамках программы “Стратегическое партнерство по продвижению прав и расширению возможностей женщин — трудовых мигрантов в России”, женщины-мигранты не стремятся рожать ребенка здесь, 67% женщин-мигрантов, имеющих половых партнеров, тщательно предохраняются, больше половины в случае наступления беременности делают аборт, у каждой десятой случаются выкидыши и мертворождения, что является следствием непосильной работы⁴⁴, которая часто не соответствует квалификации этих женщин. Высокий спрос на непрестижный, малооплачиваемый, низкоквалифицированный труд вынуждает их для получения хоть какого-то заработка соглашаться на понижение своего социального статуса, что приводит к нерациональному использованию труда этих женщин, которые могли бы принести гораздо большую экономическую выгоду как России в целом, так и городу Москве, в частности.

Феминизация миграции — очень неоднозначное явление, она имеет несомненные плюсы как для принимающей, так и для отправляющей стороны, но также она имеет и большое количество минусов. Главным из последних, безусловно, являются испытания, которым подвергается семья женщины-мигранта, и особенно ее дети, которые нередко остаются в стране происхождения. Некоторые исследователи даже говорят о своеобразном новом виде социального сиротства⁴⁵, возникающего в результате долгого отсутствия матери (а иногда и обоих родителей), которая уезжает на заработки в другой город или даже страну. “Дети не получают воспитания в должном объеме. У них не вырабатывается навыков социальной интеграции, построения отношений с другими членами общества, накапливается психологическая напряженность и обида”⁴⁶. Для них выше риск попадания в маргинальную среду, алкоголизма, наркомании и т.п.

Проблемы — материальные, социальные, адаптивные и образовательные, — возникают и в том случае, если матери-мигранты

⁴⁴ См. об этом: Женщины-мигранты из стран СНГ в России.

⁴⁵ См., например: *Илимбетова А.А.* Глобальный процесс феминизации миграции // Век глобализации. 2013. № 1 (11).

⁴⁶ Там же.

привозят своих детей с собой. Эти дети культурно отличны от детей коренного населения, испытывают серьезные психологические трудности, нередко плохо знают язык, и к тому же чаще всего являются выходцами из малообеспеченных семей. Таким образом, они являются группой населения, для которой затруднен доступ к получению многих социальных благ и услуг, в том числе образования. Кроме того, антимигрантские настроения нередко встречаются в московских школах и отражаются как на школьном обучении, так и на социальном самочувствии.

По данным некоторых исследований, 37% русских детей в московских школах избегают общения с представителями этнических меньшинств, и только 17% дружат с ними. Более половины относятся к сверстникам-мигрантам с безразличием, 25% не нравится, что с ними учатся представители других народов, и только 20% рады этому⁴⁷.

По данным Фонда “Общественное мнение” лишь 37% москвичей (50% по России в целом) согласны с утверждением, что для общества полезно, чтобы дети мигрантов, даже плохо знающие русский язык и культуру, обучались вместе с другими детьми, 48% с этим не согласны. Более половины (52%) не согласны, чтобы дети и внуки мигрантов стали постоянными жителями города Москвы; 70% полагают, что в образе жизни мигрантов, и соответственно их детей, есть особенности, с которыми трудно примириться⁴⁸. Москвичи считают, что на обучение детей мигрантов в наших школах бесполезно тратится уйма денег, однако они забывают о том, что такие дети, выучившие русский язык и познавшие нашу культуру, становятся “проводниками” русских традиций в мигрантскую среду и именно они дают хоть какую-то надежду на мирное урегулирование отношений между “своими” и “чужими”.

Депопуляция, старение населения, падение рождаемости коренного населения России формируют условия, в которых миграция становится одним из значимых источников пополнения численности населения. Безусловно, демографических проблем за счет миграции не решить, потому что, во-первых, на ПМЖ в Россию приезжает не такое уж большое количество мигрантов, во-вторых “стабилизация и даже рост численности населения за счет миграционного притока, компенсирующего естественную убыль, не отменяет самого факта депопуляции”⁴⁹, но и обойтись совсем без

⁴⁷ См. об этом: *Макаров А.Я.* Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8.

⁴⁸ Источник данных: Российские регионы: мера гостеприимства. Что думают россияне о правах мигрантов и насколько готовы “принимать” их в своих городах // ФОМ СОЦ, опрос МегаФОМ, октябрь 2011. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10458>

⁴⁹ *Синельников А.Б.* Указ. соч.

мигрантов не получится, иначе численность населения будет стремительно сокращаться⁵⁰. Также ясно, что закрыть Москву для мигрантов не сможет никто и никогда, “немногие государства смогли сократить количество мигрантов за счет установления жесткого контроля. Законы спроса и предложения слишком сильны для этого”⁵¹. Единственным выходом является создание для людей условий, наиболее полезных и для города; это касается возраста, образования, близости культуры, а в этом нам крайне мешает высокий уровень мигрантофобии, наша страна находится на 44-м месте из 59 по уровню терпимости, индекс поддержки иммиграции в России составляет –31%, что существенно ниже общемирового (–4%)⁵². Уровень ксенофобии крайне высок, особенно если учитывать изменения, привнесенные миграцией в жизнь коренного населения. Такое отношение к людскому ресурсу, пускай и “иностранному”, может привести к серьезным проблемам в экономической, социальной, политической сферах. Коренному населению необходимо понять, что мигранты такие же люди, как и они, и начать, наконец, уважать их. В противном случае, мигрантофобия как мощный инструмент дестабилизации общества может стать серьезной угрозой безопасности человека, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельский В.А. Интервью газете “Эксперт” от 23 октября 2006 года // Эксперт. 2006. 23 окт.

Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3.

Вендина О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия Географическая. 2012. № 5.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций 2013 года. Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии. Меморандум о позиции МОМ. URL: <https://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/IOM-Position-Paper-HLD-RU.pdf>

Гусейнов А.А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира / Сост. В.И. Толстых. М., 1999.

Гусейнов А.А. Идеи универсализма и самобытности (о возможности глобального этоса) // Наука и религия. Междисциплинарный и кросскультурный подход: научные труды. М., 2006.

⁵⁰ См. об этом: *Архангельский В.А.* Интервью газете “Эксперт” от 23 октября 2006 года // Эксперт. 2006. 23 окт.

⁵¹ *Annan K.* Emma Lazarus lecture on international flows of humanity, Columbia University, New York, 21 November 2003 (цит. по: *Мукомель В.* Указ. соч.).

⁵² Источник данных: Research Rethink React. Исследовательский холдинг Ромир. URL: http://romir.ru/studies/342_1338321600/

Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М., 2011.

За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI Международная конференция труда, 92-я сессия, 2004 г. Международное бюро труда, Женева (цит. по: *Мукомель В.* Экономика нелегальной миграции в России // Демоскоп Weekly. 2005. 20 июня — 14 августа. № 207–208).

Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Москва и миграция. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/15/demoscope389/>

Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М., 2014.

Ивахненко Г.А. Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины. 2013. № 2.

Илимбетова А.А. Глобальный процесс феминизации миграции // Век глобализации. 2013. № 1 (11).

Инородный ресурс // Коммерсантъ. 2013.29.07.

Исследовательский доклад по миграции и беженцам на городских территориях // Конференция Организации Объединенных наций по жилью и устойчивому городскому развитию. Нью Йорк, 31 мая 2015. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/habitat3/>

Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8.

Межнациональные отношения в России // Еженедельный опрос “ФОМнибус” 28–29 апреля 2012 г. URL: <http://fom.ru>

Мигранты и рынок труда. О месте и роли мигрантов на российском рынке труда. Опрос ФОМ. Октябрь 2011. URL: <http://fom.ru>

Мировая миграция в цифрах. Совместный доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ) и ОЭСР для Диалога высокого уровня по миграции и развитию ООН, 3–4 октября 2013 г. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/RUSSIAN.pdf>

Нелегальная миграция в РФ // ТАСС информационное агентство. URL: <http://tass.ru/info/691935>

Нужны рабы, а не мигранты. Демографы о парадоксах отношения москвичей к приезжим // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/09/10_a_6208957.shtml

О нелегальных мигрантах. Лагеря или миграционная амнистия? Отношение россиян к лагерям для нелегальных мигрантов. “ТелеФОМ” — телефонный опрос. 18 августа 2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11052>

Об отношении к мигрантам — внутренним и внешним. Как россияне относятся к мигрантам из других регионов страны и из других стран // Еженедельный опрос “ФОМнибус” 31 мая — 1 июня 2014 г. URL: <http://fom.ru>

Опрос москвичей. Городские проблемы: успехи и неудачи. Какие проблемы беспокоят москвичей? В каких сферах они замечают успехи? И каких изменений ждут? ФОМ Опрос москвичей, 26 января — 7 февраля 2013. URL: <http://fom.ru>

Паточкина Н.А., Кочнева Е.В. Миграция и преступность // Вестн. Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2015. № 1 (8).

Полетаев Д.В. Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Вестн. Евразии. 2005. № 1.

Российские регионы: мера гостеприимства. Что думают россияне о правах мигрантов и насколько готовы “принимать” их в своих городах // ФОМ. Социологический опрос МегаФОМ. Октябрь 2011. URL: <http://fom.ru>

Рыбаковски Л.Л. Современная миграционная политика России в контексте ее национальных интересов // О состоянии миграционной политики в Российской Федерации и путях ее совершенствования. Материалы к “правительственному часу” 311 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2012.

Рязанцев С. В., Лукьянова А.Ю. Недокументированная миграция в Российской Федерации // Новые векторы миграции на евразийском пространстве. Т. 1. М., 2015.

Рязанцев С.В., Боженко В.В., Пажневски Ш.З. Тенденции трудовой миграции в Российской Федерации // Новые векторы миграции на евразийском пространстве. Т. 1. М., 2015.

Синельников А.Б. Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов? URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=569

Соловьев В. О народности и народных делах России // Национальный вопрос в России. М., 2007.

Социальные проблемы и гражданское участие москвичей // Аналитический центр Юрия Левада. Опрос 4–8 июля 2013 года. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>

Тюрюканова Е. Трудовые мигранты в Москве: “второе” общество // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

Щербакова Е. Число международных мигрантов, уточненное по данным последних переписей населения, превысило 247 миллионов человек. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/barom01.php#_ftn1

REFERENCES

Annan K. Emma Lazarus lecture on international flows of humanity, Columbia University, New York, 21 November 2003 (cit. po: *Mukomel' V.* Jekonomika nelegal'noj migracii v Rossii // Demoskop Weekly. 2005. N 207–208. 20 ijunja — 14 avgusta).

Arhangelskiy V.A. Interv'ju gazete “Jekspert” ot 23 oktjabrja 2006 goda // Ekspert. 2006. 23 okt.

Vendina O.I. Migranty v rossijskih gorodah // Otechestvennye zapiski. 2012. N 3.

Vendina O.I. Moskovskaja identichnost' i identichnost' moskvichej // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. 2012. N 5.

General'naja Assambleja Organizacii Ob#edinennyh Nacij 2013 goda. Dialog na vysokom urovne po voprosu o mezhdunarodnoj migracii i razvitii. Memorandum o pozicii MOM. URL: <https://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/IOM-Position-Paper-HLD-RU.pdf>

Guseynov A.A. Global'nyj jetos kak problema / A.A. Gusejnov // Jetos global'nogo mira / Sost. V.I. Tolstyh. M., 1999.

Guseynov A.A. Idei universalizma i samobytnosti (o vozmozhnosti global'nogo jetosa) // Nauka i religija. Mezhdisciplinarnyj i krosskul'turnyj podhod: nauchnye trudy. M., 2006.

Ivahnenko G.A. Zdorov'e trudovyh migrantov v Rossii // Sociologija mediciny. 2013. N 2.

Ilimbetova A.A. Global'nyj process feminizacii migracii // Vek globalizacii. 2013. N 1 (11).

Inorodnyj resurs // Kommersant. 2013.29.07.

Issledovatel'skij doklad po migracii i bezhencam na gorodskih territorijah // Konferencija Organizacii Ob#edinennyh nacij po zhil'ju i ustojchivomu gorodskomu razvitiju. New York, 31 May 2015. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/habitat3/>

Makarov A.Y. Osobennosti jetnokul'turnoj adaptacii detej migrantov v moskovskih shkolah // Cociologicheskie issledovanija. 2010. N 8.

Mezhnacional'nye otnoshenija v Rossii // Ezhenedel'nyj opros "FOMnibus" 28–29 aprelya 2012 g. URL: <http://fom.ru>

Migranty i rynek truda. O meste i roli migrantov na rossijskom rynke truda. OproS FOM. Oktjabr' 2011. URL: <http://fom.ru>

Mirovaja migracija v cifrah. Sovmestnyj doklad Departamenta po jekonomicheskim i social'nym voprosam OON (DJeSV) i OJeSR dlja Dialoga vysokogo urovnja po migracii i razvitiju OON, 3–4 oktjabrja 2013 g. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/RUSSIAN.pdf>

Nelegal'naja migracija v RF // TASS informacionnoe agentstvo. URL: <http://tass.ru/info/691935>

Nuzhny raby, a ne migranty. Demografy o paradoksah otnoshenija moskvicej k priezhhim // Gazeta.ru. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/09/10_a_6208957.shtml

O nelegal'nyh migrantah. Lagerja ili migracionnaja amnistija? Otnoshenie rossijan k lagerjam dlja nelegal'nyh migrantov // "TeleFOM" — telefonnyj opros. 18 avgusta 2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11052>

Ob otnoshenii k migrantam — vnutrennim i vneshnim. Kak rossijane otnosjatsja k migrantam iz drugih regionov strany i iz drugih stran // Ezhenedel'nyj opros "FOMnibus" 31 maja — 1 ijunja 2014 g. URL: <http://fom.ru>

OproS moskvicej. Gorodskie problemy: uspehi i neudachi. Kakie problemy bespokojat moskvicej? V kakih sferah oni zamechajut uspehi? I kakih izmenenij zhdut? FOM OproS moskvicej, 26 janvarja — 7 fevralja 2013. URL: <http://fom.ru>

Patochkina N.A., Kochneva E.V. Migracija i prestupnost' // Vestnik Soveta molodyh uchjonyh i specialistov Cheljabinskoj oblasti. 2015. N 1(8).

Poletaev D.V. Zhenshhiny-migranty iz zarubezhnyh stran v Rossii // Vestn. Evrazii. 2005. N 1.

Rossijskie regiony: mera gostepriimstva. Chto dumajut rossijane o pravah migrantov i naskol'ko gotovy "prinimat'" ih v svoih gorodah // FOM SOC, opros MegaFOM, Oktjabr' 2011. URL: <http://fom.ru>

Rybakovskiy L.L. Sovremennaja migracionnaja politika Rossii v kontekste ee nacional'nyh interesov // O sostojanii migracionnoj politiki v Rossijskoj Federacii i putjah ee sovershenstvovanija. Materialy k "pravitel'stvennomu chasu" 311 zasedanija Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii. M., 2012.

Ryazantsev S. V., Lukyanova A. U. Nedokumentirovannaya migratsiya v Rossijskoj Federatsii // Novyye vektory migratsii na yevrazijskom prostranstve. T. 1. M., 2015.

Ryazantsev S.V., Boshchenko V.V., Pazhnevski S.Z. Tendentsii trudovoy migratsii v Rossijskoj Federatsii // Novyye vektory migratsii na yevrazijskom prostranstve. T. 1. M., 2015.

Shherbakova E. Chislo mezhdunarodnyh migrantov, utocnennoe po danym poslednih perepisej naselenija, prevysilo 247 millionov chelovek. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/barom01.php#_ftn1

Sinel'nikov A.B. Chto bolee priemlemo dlja naselenija: stimulirovanie rozhdamosti ili pritek immigrantov? URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=569

Soloviev V. O narodnosti i narodnyh delah Rossii / Nacional'nyj vopros v Rossii. M., 2007.

Social'nye problemy i grazhdanskoe uchastie moskvichej // Analiticheskij cent Jurija Levada. Opros 4–8 ijulja 2013 goda. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>

Tyuryukanova E. Trudovye migranty v Moskve: "vtoroe" obshhestvo // Immigranty v Moskve / Pod red. Zh.A. Zajonchkovskoj. M., 2009.

Za spravedlivyj podhod k trudjashhimsja-migrantam v global'noj jekonomike. Doklad VI. Mezhdunarodnaja konferencija truda, 92-ja sessija 2004 g. Mezhdunarodnoe bjuro truda Zheneva (cit. po: *Mukomel' V.* Jekonomika nelegal'noj migracii v Rossii // Demoskop Weekly. 2005. N 207–208. 20 ijunja — 14 avgusta).

Zajonchkovskaja J., Mkrtrchjan N. Moskva i migracija. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/15/demoscope389/>

Zashhita prav moskvichej v uslovijah massovoj migracii. M., 2014.

Zhenshhiny-migranty iz stran SNG v Rossii / Pod red. E.V. Tjurjukanovj. M., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

N.G. Osipova, professor, doctor of sociological sciences, dean of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

THE SOCIAL CONSTRUCTION OF THE PUBLIC HEALTH

В статье анализируется роль социологии в научном управлении обществом, а именно — социальном конструировании, направленном на предупреждение негативного развития событий и создание желательных для индивида и общества социальных реалий.

Одной из областей социальной реальности, а также важнейшей сферой жизнедеятельности общества, подлежащей социальному конструированию, является общественное здоровье.

Общественное здоровье (здоровье населения) рассматривается как интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества. Автор подчеркивает, что общественное здоровье людей формируется в результате взаимодействия двух групп факторов — эндогенных (пол, биологический возраст, раса, телосложение, наследственность и тип нервной системы человека) и экзогенных (природных и социальных) факторов. Последние создаются самими людьми в процессе их жизнедеятельности и являются управляемыми, т.е. социально конструируемыми.

В статье рассматриваются негативные процессы, связанные с общественным здоровьем, важнейшими из которых представляются сложная ситуация в системе здравоохранения, отсутствие у людей доверия к возможностям медицины. Не менее важная роль принадлежит ухудшению экологических условий жизни значительной доли населения и социальному стрессу. Если раньше ученые не уточняли, в какой степени угрозы нарушения глобальных экосистем связаны с состоянием здоровья и особенно — с заболеваниями населения, то в настоящее время установлено, что различные формы необратимого изменения окружающей среды непосредственно опасны для общественного здоровья.

С древности известен эффект несоответствия желаемого (абстрактно) и фактически возникающего будущего — эффект человеческой деятельности: люди желают одного, однако на самом деле все оканчивается иначе, практически, наоборот. А эти характеристики общественного душевного, психического состояния могут быть крайне противоречивы

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: modernsoc@socio.msu.ru

по отношению к знанию. Они лежат в основе так называемого “невольного поведения”, остающегося “вещью в себе”, без понимания того, что оно значит для будущего.

Одним из видов подобного поведения, а также серьезной социальной проблемой является нездоровый образ жизни современного человека, выступающий, в свою очередь, важнейшим фактором развития многочисленных заболеваний. С одной стороны, люди, особенно молодые, редко задумываются о последствиях вредных привычек, избыточного или неправильного питания, а также гиподинамии. С другой стороны, общество крайне мало делает для того, чтобы обучать людей берегающим здоровье технологиям. Особую проблему представляют интересы бизнеса крупных и мощных корпораций, которые рекламируют по телевидению, в газетах и журналах, в интернете интенсивное потребление лекарственных средств и нездоровой (искусственной) пищи.

Автор утверждает, что общественное здоровье может быть улучшено, если обеспечить достойное место выявлению и изучению конкретных социальных проблем, связанных с экзогенными факторами общественного здоровья. Даже определенные сдвиги в сторону обеспокоенности россиян такой социальной проблемой, как общественное здоровье, позволят сформировать новое общественное сознание, отражающее реальные и жизненно важные интересы личности и общества.

Ключевые слова: социальное конструирование, общественное здоровье, система здравоохранения, “невольное поведение”, образ жизни, берегающие здоровье технологии, эндогенные и экзогенные факторы общественного здоровья.

The article analyzes the role of sociology in the scientific management of society — namely — the social construction aimed at the prevention of adverse events and the creation of social realities desirable for the individual and society.

One of the areas of social reality, as well as the most important sphere of social life which are subject to social construction is public health.

Public health is considered as an integrated expression of the dynamics of individual levels of the health of all members of society. The author emphasizes that the public health of the people is formed by the interaction of two groups of factors — endogenous (sex, biological age, race, body type, heredity and type of the human nervous system) and exogenous (natural and social) factors. The last are created by people themselves in the course of their ability to live and are operated, that is socially designed.

The author analyzes the negative processes related to public health, the most important of which is a complex situation in the health system, lack of faith in the possibility of human medicine. An equally important role belongs to the deterioration of environmental significant share of people’s living conditions and social stress.

If earlier scientists did not specify, in what degree of threat of infringement of global ecosystems are connected with a state of health and features of diseases of the population now it is established that various forms of irreversible change of environment are directly dangerous to public health.

From an antiquity the effect of discrepancy of the wished (abstractly) and actually arising future wished (abstractly) — effect of human activity is known: people wish one, however actually all terminates differently, practically, on the contrary. And these characteristics of a public sincere, mental condition can be extremely inconsistent in relation to knowledge. They are the basis of so-called “involuntary behaviors”, remaining “thing in itself”, without understanding what it means for the future.

One type of such conduct, as well as a serious social problem is the unhealthy lifestyle of modern man, speaking in turn, the most important factor in the development of numerous diseases. On the one hand, people, especially young ones, rarely think about the consequences of bad habits, excess or misuse of power, and physical inactivity. On the other hand, the company does very little to teach people health-saving technologies. The special problem is represented by interests of business of large and powerful corporations which advertise on TV, in newspapers and magazines, on the Internet, intensive consumption of medical products and unhealthy (artificial) food.

In authors view, public health can be improved by ensuring a worthy place to identify and study the specific social problems associated with exogenous factors of public health. Even some progress towards Russians concerns such a social problem as a public health will allow to generate the new public consciousness reflecting real vital interests of the person and a society.

Keywords: *social construction, public health, health system, “involuntary behaviors”, lifestyle, health-saving technologies, endogenous and exogenous factors of public health.*

С точки зрения современного науковедения социология выполняет в обществе два вида функций: гносеологические и собственно социальные. К гносеологическим функциям социологии относят познавательную-объяснительную и систематизирующую, а к социальным — информационную, критическую, прогностическую и социально-конструктивную¹.

Важной особенностью современной социологии стало смещение акцента с познавательной-объяснительной функции на социально-конструктивную функцию.

Как отмечали классики современной социологии Питер Бергер (Peter Ludwig Berger) и Томас Лукман (Thomas Luckmann, 1927–2016)², социальное конструирование — это процесс, “в котором человек творит реальность и тем самым творит самого себя”³. Со-

¹ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 79.

² Томас Лукман скончался после продолжительной болезни в возрасте 88 лет 10 мая 2016 г.

Как сообщалось в некрологе, Немецкое социологическое общество (ассоциация) (DGS — Deutsche Gesellschaft für Soziologie) всегда будет чтить его память.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 295.

циально-конструктивная функция социологии заключается в предоставлении рекомендаций относительно преобразования социальной реальности на основе социально-научного знания, накопленного социологией. Другими словами, речь идет о научном управлении обществом, или *социальном конструировании*, направленном на предупреждение негативного развития событий и создание желательных для индивида и общества социальных реалий⁴.

Одной из областей социальной реальности, а также важнейшей сферой жизнедеятельности общества, подлежащей социальному конструированию, является общественное здоровье.

С позиций критической школы в современной социологии, основанной Пьером Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930–2002), многие понятия, особенно те, которыми оперирует и обыденное сознание, изначально являются социально заданными⁵, и поэтому не могут претендовать на абсолютную научную точность. Именно к такого рода понятиям и относятся понятия “здоровье индивидуума” (“индивидуальное здоровье”) и “здоровье населения” (“социальное здоровье”).

Действительно, понятие “здоровье индивидуума”, объединяющее медицинский и социальный аспекты, является относительным. В медицинском аспекте оно связано с большой широтой колебаний важнейших показателей жизнедеятельности человека и его органов, с состоянием приспособительных возможностей его организма. Часто “здоровье” противопоставляют “болезни”, определяя эти понятия через категорию “состояния”. Состояние (уровень) здоровья устанавливают на основании анализа личных (субъективных) ощущений конкретного человека в совокупности с объективными показателями, полученными путем клинических обследований, с учетом пола, возраста и прочих особенностей организма.

В социальном аспекте здоровье или болезнь имеют свою реальность и свое значение, которые могут существовать лишь внутри культуры, опознающей их в качестве таковых. Широко известно, что в Средние века здоровым (пригодным для найма на тяжелую физическую работу) считался мужчина, который имел во рту как минимум десять зубов.

В этом отношении основоположник социологии Эмиль Дюркгейм (David mile Durkheim, 1858–1917) писал: “...если условиться называть средним типом (здорового человека — *прим. Н.О.*), то аб-

⁴ Осипов Г.В. Указ. соч. С. 81.

⁵ Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко; послесл. А.Т. Бикбова. М., 2001.

страктное существо, которое мы получим, соединив в одно целое, в нечто вроде абстрактной индивидуальности свойства, чаще всего встречающиеся в пределах вида и взятые в их наиболее распространенных формах, то можно сказать, что нормальный тип совпадает с типом средним и что всякое отклонение от этого эталона здоровья есть болезненное явление”⁶.

Согласно мнению американского антрополога, представительницы этнопсихологического направления в американской антропологии, профессора Колумбийского университета Рут Бенедикт (Ruth Benedict, 1887–1948), каждая культура выбирает некие возможности, которые составляют антропологическую констелляцию человека; каждая культура создает из болезни образ, характер которого очерчивается всеми вытесняемыми или подавляемыми ею антропологическими возможностями. При этом критерием нормальности является соответствие взглядам социальной среды, в которую погружен индивид⁷.

Интерес в данной связи также представляют идеи французского ученого Мишеля Фуко (Michel Foucault, 1926–1984), который выделил этапы социально-сконструированных представлений о градации психического здоровья и безумия⁸. Серьезную программу построения “Здорового общества” представил Эрих Фромм (Erich Seligmann Fromm, 1900–1980)⁹.

Общественное здоровье (здоровье населения) — это интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества. С одной стороны, оно отражает степень вероятности для каждого человека достижения максимального уровня здоровья и творческой работоспособности на протяжении максимально продленной индивидуальной жизни. С другой стороны — характеризует жизнеспособность всего общества как социального организма и его возможности гармоничного роста и социально-экономического развития¹⁰.

Общественное здоровье в целом, как и здоровье отдельных социальных групп людей, определяется посредством анализа комплекса так называемых санитарно-статистических показателей — уровней

⁶ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

⁷ Benedict R. Anthropology and abnormal // Journal of General Psychology. 1934. Vol. 10. P. 59–80.

⁸ Фуко М. Психическая болезнь и личность / Предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб., 2010.

⁹ Фромм Э. Здоровое общество. М., 2006.

¹⁰ Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997. С. 216.

смертности, рождаемости, заболеваемости, продолжительности жизни, физического развития и т.п. Формируется общественное здоровье людей в результате взаимодействия двух групп факторов — эндогенных и экзогенных.

К эндогенным факторам относятся, например, пол, биологический возраст, раса, телосложение, наследственность и тип нервной системы человека. Эти факторы индивидуальны, объективны, хотя и зависят в известной степени от особенностей конкретного человека. Под экзогенными факторами понимают природные (социально-экологические) и социальные факторы. Эти факторы оказывают непосредственное воздействие на общественное здоровье, но они, как правило, создаются самими людьми в процессе их жизнедеятельности и являются управляемыми, т.е. социально конструируемыми.

Так, эксперты Всемирной организации здравоохранения считают, что общественное здоровье зависит на 20% от наследственности и биологических особенностей организма, а на 80% — от социально-экологических, социально-экономических и собственно социальных факторов¹¹.

Безусловно, негативные процессы, связанные с ухудшением показателей общественного здоровья, имеют множество социально обусловленных причин. При этом большая часть из них имплицитно включает экологическую составляющую, поскольку как социально-экономические, так и наследственные факторы общественного здоровья непосредственно зависят от состояния окружающей среды.

В период зарождения социологии социальные статистики пытались выявить связь между здоровьем отдельных групп людей и социально-экологическими, а также санитарными условиями их существования только на локальных уровнях. В фокусе современных исследователей находится анализ взаимосвязи необратимого нарушения экосистем с состоянием здоровья и особенностями заболеваний населения на глобальном уровне¹².

Со второй половины XX в. в мире начался беспрецедентный рост городов-гигантов, а урбанизация как исторический процесс повышения роли городов в развитии общества наполнилась новым социальным содержанием. Особенности современной урбанизации состоят в ее динамизме, многообразии составляющих ее процессов, во влиянии на жизнь городов интегративных форм развития глобального сообщества, универсальности стилей и, од-

¹¹ Экология, охрана природы и экологическая безопасность. С. 218.

¹² Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 560.

новременно, в появлении новых качественных показателей в ряде решающих для городской жизни сфер.

Эти тенденции позволяют говорить об урбанизации как о глобальном социальном процессе, сущность которого обусловлена не только ростом городского населения, но и концентрацией важнейших экономических, финансовых и политических функций в крупнейших городах мира.

Жизнь города неизбежно оказывает негативное влияние на окружающую среду, вызывает ее деградацию, порождая широко-масштабные долгосрочные последствия, которые будут сказываться на протяжении жизни нескольких поколений¹³.

Сегодня наблюдается общая “природная патология” большого города: городская жизненная среда стала, как никогда прежде, болезнетворной и пагубной для здоровья человека¹⁴. Достаточно очень неблагоприятных атмосферных условий — отсутствия ветра, наличия смога или инверсии температуры, иногда, впрочем, того, другого и третьего вместе, — чтобы вредоносность загрязнения воздуха резко усилилась и трагически возросла смертность¹⁵.

Именно в крупных городах, особенно в мегаполисах, в силу загрязненности воздуха и воды, неправильного обращения с промышленными и особенно радиоактивными отходами, наблюдается рост показателей заболеваемости по всем классам болезней¹⁶.

Известно, что загрязнение воздуха отравляет человеческий организм, нарушает психические и физиологические функции, рефлексы и затрудняет управление автомобилями, снижает способность к умственной деятельности, вызывает расстройства зрения, астму, головокружение, тошноту, потерю сознания, бронхиты и рак легких¹⁷.

Плохой воздух больших городов является одной из главных причин более высокого процента смертности в них от некоторых болезней по сравнению с сельской местностью. В городах, имеющих более 100000 жителей, доля летальных исходов от воспаления легких, бронхита и рака у некурящих составляет соответственно 0,048, 0,062 и 0,015% вместо 0,032, 0,037 и 0% в сельской местности¹⁸.

¹³ *McGranahan G., Satterthwaite D.* Forthcoming: environmental health or ecological sustainability. Reconciling the brown and green agendas in urban development // *Sustainable Cities in Developing Countries* / Ed. by C. Pugh. L., 2000. P. 267.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 170.

¹⁶ О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2002 году: государственный доклад. М., 2003. С. 27.

¹⁷ *Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М., 1977. С. 168.

¹⁸ *Chovin P., Roussel A.* La pollution atmosphérique. P., 1968. P. 78.

Ученые также выявили связь между загрязнением атмосферного воздуха и ростом у населения аллергических заболеваний (бронхиальной астмы, астматического бронхита, аллергического ринита, дерматита). Они доказали, что генетические мутации, вызванные загрязнением воздуха, могут передаваться по наследству¹⁹.

К серьезным нарушениям здоровья приводит загрязнение источников водоснабжения. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, ежегодно в мире из-за низкого качества питьевой воды умирает около 5 млн человек. Инфекционная заболеваемость, связанная с водоснабжением, достигает 500 млн случаев в год²⁰.

В России недопустимо большое количество проб питьевой воды не отвечает гигиеническим нормативам по микробиологическим показателям²¹, а число случаев отравления обыкновенной питьевой водой порой достигает “чудовишных” цифр — 200 тыс. в год²². Цена риска и потери здоровья населения от потребления некачественной питьевой воды в целом по стране оценивается примерно в 33,7 млрд рублей в год²³.

Несоблюдение норм радиационной безопасности, как и нерешенность проблем упорядоченного обращения с промышленными отходами, приводит к образованию очагов радиоактивного загрязнения, что, в свою очередь, чревато очень серьезными последствиями для людей. Так, многочисленные данные, полученные за годы, прошедшие после Чернобыльской аварии, свидетельствуют о серьезных нарушениях состояния здоровья у всех категорий населения, подвергшегося воздействию радиоактивного облучения — ликвидаторов, эвакуированных и проживающих на загрязненных территориях. При этом рост показателей заболеваемости у ликвидаторов (по сравнению с контрольной группой) отмечается практически по всем основным классам болезней — системы кровообращения (в 7,8 раза), органов пищеварения (в 7,3 раза), нервной системы — (в 2,7 раза), болезней крови и кроветворных тканей (в 4,7 раза), учащаются онкологические болезни. В целом, показатель заболеваемости по всем видам болезней превышает среднестатистический в 2,1–9,8 раза²⁴.

¹⁹ Air pollution linked to DNA mutation // The Associated Press. 2004. 14 May.

²⁰ Коммерсантъ — ДЕНЬГИ. 2001. 21 февраля. № 7 (311).

²¹ О состоянии и охране окружающей среды Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2002 году: государственный доклад. СПб., 2003. С. 15.

²² РосБизнес Консалтинг — Новости. 2002. 18 мая.

²³ *Ефимов К.М.* Качественное водоснабжение как условие экологической безопасности // Россия на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М., 2004. С. 110.

²⁴ *Конопля Е.Ф.* Радиологические и медико-биологические последствия Чернобыльской катастрофы // Проблемы воссоздания социально-экологического про-

Высокие концентрации загрязняющих веществ в экологических компонентах городской среды приводят к появлению так называемых “экологических заболеваний”.

В их числе: химическая астма; Киришский синдром²⁵ (тяжелая аллергия, связанная с выбросами от производства белково-витаминных концентратов); синдром тикеров, который развивается у детей в зонах нефтеперерабатывающей промышленности; общая иммунная депрессия при интоксикации тяжелыми металлами, диоксинами и др.; болезнь Юшо²⁶, связанная с действием на организм ребенка полихлорированных бифенилов. На Урале появилось заболевание, получившее название “картофельной болезни” (симптом “хлюпающей стопы”); в Алтайском крае обнаружено заболевание, которое назвали “желтые дети”.

С загрязнением окружающей среды связана так называемая экологическая патология, когда сложившееся экологическое неблагополучие того или иного региона накладывает свой отпечаток на классическую картину течения известных болезней у детей, приводит к “омоложению целого ряда заболеваний”. Уже у детей встречаются инсульты, инфаркты миокарда, развиваются хронические нервные болезни. Ощутимым последствием мутационного загрязнения среды является рождение неполноценных новорожденных²⁷, отмечал академик АН СССР и РАН Николай Петрович Дубинин²⁸ (22 декабря 1906 (4 января 1907) — 1998).

Общее загрязнение среды обитания вызывает ослабление иммунной системы человека, что, в свою очередь, приводит к росту числа инфекционных заболеваний, а также обуславливает их характер.

Во-первых, на фоне дестабилизации социально-экономических условий жизни населения эпидемиологическая ситуация осложняется тем, что многие из заболевших людей (ОРВИ, гриппом и т.п.)

странства России и Беларуси: Материалы международной научно-практической конференции. 2–3 декабря 2003 г. Минск, 2003. С. 104.

²⁵ Этот синдром получил название по имени городка Кириши на реке Волхов (Ленинградская область), где летом 1975 г. вскоре после пуска биохимзавода произошла вспышка неизвестного ранее заболевания, которое характеризовалось одышкой, удушьем, лающим кашлем, высокой температурой, высыпанием на коже; смертельных случаев тогда не было зарегистрировано. С тех пор в экологических справочниках таких городов с синдромом “киришанки” насчитывается по всему земному шару свыше тысячи.

²⁶ В первую очередь болезнь Юшо относится к массовому отравлению людей этими соединениями на острове Кюсю, Япония, в 1968 г.

²⁷ См.: Дубинин Н.П. Очерки о генетике. М., 1985. С. 88–89, 235.

²⁸ Дубинин Николай Петрович — советский и российский генетик, основатель и разработчик многих новых направлений биологии, автор классических работ по эволюционной, радиационной, молекулярной и космической генетике, проблемам наследственности человека.

вынуждены ходить на работу из-за боязни ее потерять, что приводит к ускоренному распространению инфекции в массовых масштабах.

Так, по данным с сайта НИИ гриппа, на четвертой неделе (18–24 января 2016 г.) эпидемии гриппа в 2016 г. заболеваемость гриппом и ОРВИ в 59 городах Российской Федерации, по сравнению с предыдущей неделей, увеличилась по населению в целом (на 51,7%) и во всех возрастных группах.

Прирост заболеваемости гриппом и ОРВИ отмечен во всех федеральных округах и во всех возрастных группах. Самый высокий темп прироста на этой неделе по населению в целом был в Южном ФО (на 70,3%)²⁹.

Во-вторых, возрастает опасность распространения инфекций, называемых “возвращающимися” или “вновь возникающими”. Наглядным примером служит стремительный рост заболеваемости туберкулезом, в том числе активной формой болезни, холерой, менингитом и даже оспой.

Так, сейчас заболеваемость и смертность от туберкулеза в России находится на уровне, который развитые страны успешно преодолели 30–40 лет назад, зачастую она преодолевает эпидемиологический порог.

В начале XXI в. туберкулез как общебиологическая проблема остается важной задачей ветеринарных и медицинских специалистов большинства стран мира. Эпидемическая и эпизоотическая ситуация по туберкулезу продолжает оставаться напряженной. Отмечается рост заболеваемости туберкулезом людей в большинстве стран мира, в том числе и в России. Среди впервые заболевших туберкулезом появились больные с остропротекающими формами туберкулеза, выделяющие устойчивые микобактерии туберкулеза к основным противотуберкулезным препаратам. Сохраняется высокий уровень резервуара этой инфекции. Больные животные и полученная от них продукция могут служить источником заражения людей, что приводит к осложнению эпидемиологической обстановки по туберкулезу среди населения³⁰.

В-третьих, официальная статистика в России регистрирует лишь часть опасных инфекционных заболеваний, притом что в последние два-три десятилетия описано более 20 неизвестных инфекционных болезней, многие из которых представляют большую эпидемическую опасность и характеризуются высокой летальностью.

²⁹ Грипп в России. URL: <http://www.rmj.ru/news/gripp-v-rossii/>

³⁰ Мухтаруллина А.И., Тазова Л.Н. Распространенность туберкулеза в Российской Федерации. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1099/8415>

В целом, как полагают специалисты, если данные неблагоприятные тенденции будут развиваться, то мало кто сможет выжить в завтрашней городской жизни, не будучи травмирован ею физически и духовно. Скорее всего, психологически и физиологически население больших агломераций превратится в “суррогат человечества”³¹.

Безусловно, многие негативные процессы, связанные с общественным здоровьем, имеют множество причин, важнейшее место среди которых отводится сложной ситуации в системе здравоохранения практически любой страны, недоверию людей к возможностям современной медицины. Однако не менее важная роль принадлежит ухудшению материальных и экологических условий жизни значительной доли населения и социальному стрессу, ими вызванному.

Человек, разрушая свою естественную опору, убивает свою индивидуальность. Во все более серьезных психофизических расстройствах, которые вредят здоровью человека, его жизнеспособности и даже его разуму, отчетливо проявляется признак “отчуждения”, когда истерзанная телесная оболочка делает рассудок неустойчивым, мятущимся, исчезающим.

Так, исследования показали, что разрушение зеленых пространств в черте и на периферии больших городов, кроме того, что оно наносит эстетический ущерб, уничтожая “завесы” тишины и препятствуя регенерации атмосферы, имеет также и весьма серьезные психические последствия. Это постоянная усталость, нервная депрессия, злоупотребление успокаивающими и возбуждающими средствами, которые, расстраивая организм и снижая скорость рефлексов, умножают число несчастных случаев на работе и на улице, ведут к стрессам, неврозам, а часто — и к преступлениям. Таким образом, жизненная среда стала как никогда прежде болезнетворной, пагубной для процветания и даже для психического здоровья человека³².

Растущая психофизическая нищета как следствие вредных экологических явлений толкает к насилию детей, предоставленных улице и ее соблазнам, обитателей больших жилых ансамблей, измученных шумом, туристов, посещающих редкие общедоступные участки побережий. Предупреждать и карать нарушения или даже преступления, порождаемые этой нищетой, — это еще одно финансовое бремя государства в лице полиции, юстиции и тюрем³³.

³¹ *Stephens C. et al.* Urban equity and urban health: using existing data to understand inequalities in health and environment in Accra, Ghana and St. Paulo, Brazil // *Environment and Urbanization*. 1997. N 9. P. 181–202.

³² Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 169.

³³ Там же.

Таким образом, люди, разрушая природу, запускают опасный процесс разрушения собственного здоровья.

Выше мы уже говорили о том, что с древности известен эффект несоответствия желаемого и фактически возникающего будущего — это эффект человеческой деятельности: люди желают одного, однако на самом деле все оканчивается иначе, практически наоборот³⁴. Дело в том, что отдельные характеристики деятельности людей и ее субъективного восприятия часто противоречат наличному научному знанию. В их основе — “социальная эйфория” от сиюминутного результата (выгоды), непонимание или даже нежелание понять то, как определенное деструктивное поведение в настоящем скажется на жизни в будущем.

Одним из видов подобного поведения, а также серьезной социальной проблемой является нездоровый образ жизни современного человека, выступающий, в свою очередь, важнейшим фактором развития многочисленных заболеваний. С одной стороны, люди, особенно молодые, редко задумываются о последствиях вредных привычек, избыточного или неправильного питания, а также гиподинамии. С другой стороны, общество крайне мало делает для того, чтобы обучать людей сберегающим здоровье технологиям. Особую проблему представляют интересы бизнеса крупных и мощных корпораций, которые рекламируют по телевидению, в газетах и журналах, в интернете, интенсивное потребление лекарственных средств и нездоровой (искусственной) пищи.

В результате воздействие негативных последствий человеческой деятельности, как правило, реально осознается социальными общностями только после достаточно длительного вызревания, т.е. уже в виде объективных разнообразных угроз уровню и качеству жизни.

Особое место в ряду экзогенных (социально сконструированных) факторов, влияющих на общественное здоровье, занимает система здравоохранения (медицинского обслуживания населения). Существующая система здравоохранения — чрезвычайно сложная социальная проблема для любого общества. Миллионы людей в мире существуют без какого-либо медицинского страхования и поэтому откладывают визит к докторам и дантистам до тех пор, пока ситуация не станет настолько серьезной, что они не могут откладывать его дальше. Последствия этого для людей — худшее состояние здоровья; “они терпят гораздо больше лишней боли и дискомфорта и умирают каждый год из-за отсутствия доступа к бесплатной ме-

³⁴ Козлова О.Н. Конструирование экологического будущего и образование // Истоки единства: проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси. М., 2002. С. 95.

дицинской помощи”³⁵, — подчеркивает известная американская журналистка, занимающаяся проблемами медицины в США, Лаура Унгар (Laura Ungar).

Превалирующая в современном мире платная система медицинских услуг населения приводит к тому, что люди, особенно с умеренными доходами или живущие у “черты бедности”, вынуждены тратить свои скудные средства (сбережения) на оплату визитов к врачу, стоматологическую помощь и т.п. В результате у них остается меньше денег на покупку качественных продуктов питания, транспорт, отдых и на другие расходы, что, в свою очередь, негативно влияет на их здоровье³⁶.

Как отмечает американский ученый Гарольд Кербо (Harold R. Kerbo)³⁷, “хорошее здоровье неравномерно распределено через существующую стратификационную систему из-за того, что несправедливо распределено медицинское обслуживание, отвечающее современным требованиям”³⁸.

Таким образом, с различных точек зрения (например, малоимущих, детей малоимущих, пожилых с низкими доходами, служащих, корпораций), налицо множество печальных последствий либерализации системы здравоохранения³⁹, — так считает американский социолог Грейс Будрыс (Grace Budrys).

Существует множество проектов идеальной системы здравоохранения, которые выстраиваются вокруг следующих ключевых критериев:

- системой бесплатного медицинского обслуживания должны быть охвачены все граждане;
- все граждане должны получать качественное и высокотехнологичное медицинское обслуживание;
- все граждане должны получать медицинскую помощь своевременно;
- все категории медицинского персонала должны быть высококвалифицированными и получать достаточную плату за свои услуги;

³⁵ Ungar L. Support swells for universal health care // Louisville Courier Journal. 2006. 30 Jan. P. 10.

³⁶ Carroll J.R. Canada’s lure: low-cost prescription drugs // Louisville Courier Journal. 2003. 14 Sept. P. 1, 7.

³⁷ Примечательно, что профессор Гарольд Кербо — ведущий консультант Фонда Фулбрайт по стратификации, профессор Калифорнийского политехнического университета выступил на социологическом факультете МГУ 4 и 5 сентября 2007.

³⁸ Kerbo H.R. Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective. Boston, 2006. P. 38.

³⁹ См. также: Budrys G. Unequal health: how inequality contributes to health or illness. Lanham, 2003.

– фармацевтические компании должны устанавливать социально обоснованные цены на свою продукцию.

В известной степени данным критериям отвечают национальные системы здравоохранения таких стран, как Германия, Канада и Великобритания.

Первая государственная система медицинского обслуживания населения, которая “до сих пор... остается одной из самых всеобъемлющих в мире”⁴⁰, была создана в Германии в конце 1800-х гг. первым ее канцлером Отто фон Бисмарком (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen, 1815–1898). В настоящее время система медицинского страхования в этой стране включает:

– медицинское, стоматологическое и стационарно-больничное обслуживание;

– лекарства, отпускаемые по рецепту врача;

– профилактическое обслуживание населения;

– реабилитационное лечение в санаториях.

Пациенты не платят франшизы, хотя существует минимальная плата за линзы, зубные протезы, лекарства по рецепту и первые 14 дней пребывания в больничном стационаре.

Показатель всеохватности немецкого государственного медицинского страхования — пособия по нетрудоспособности. Например, щедрые “материнские пособия” компенсируют полный размер заработной платы матери в течение 6 недель до рождения и 8 недель после рождения ребенка.

Граждане, имеющие доход ниже определенного (примерно 75% населения), должны быть частью этой системы, а те, чей доход выше определенного, могут стать частью этой системы. Две трети людей, имеющих доход выше определенного уровня, и те, у кого есть выбор в отношении национальной программы медицинского обслуживания, выбирают именно ее⁴¹.

Таким образом, германская система обеспечивает “равные преимущества как работающим, так и безработным. Если немецкий рабочий теряет работу, он все равно остается охваченным медицинским страхованием. Кроме того, пациенты могут выбирать врача, которого они хотят, а сами врачи получают заработную плату, основанную на соглашении между ассоциациями докторов и ассоциациями, которые руководят государственной системой медицинского обслуживания”⁴².

⁴⁰ Graig L.A. Health of nations: an international perspective on us health care reform. Washington, 1999. P. 50.

⁴¹ Ibid. P. 50–51, 53.

⁴² Graig L.A. Health of nations: an international perspective on us health care reform. P. 58.

В Канаде идея государственной системы здравоохранения берет свое начало с 1940-х гг., когда опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллапа, выявил, что 80% канадцев выступают за государственную систему медицинского обслуживания, а Канадская медицинская ассоциация, представляющая канадских врачей, также поддержала создание подобной системы⁴³.

Канадская система здравоохранения объединяет 12 подсистем, представляющих 10 провинций и 2 области. Врачи имеют независимые частные практики и получают гонорары за свои услуги, которые четко определены. Больницы преимущественно являются частными некоммерческими организациями⁴⁴.

Система здравоохранения каждой провинции или области должна отвечать четырем критериям, установленным федеральным правительством.

Во-первых, каждый план лечения (стандарт) медицинского обслуживания должен быть всесторонним, включающим множество услуг.

Во-вторых, каждый стандарт формируется и управляется гласно, через ведомства правительства провинции.

В-третьих, каждый проект доступен для всего населения провинции.

В-четвертых, граждане из одной провинции, посещая другую провинцию, могут получать медицинское обслуживание там. Больницы остались частными некоммерческими организациями, но вместо того чтобы получать компенсации от страховых компаний, они дотируются государством. Следовательно, канадские граждане, вместо того чтобы напрямую платить докторам, госпиталям или страховым компаниям, которые затем оплатят врачей и услуги больниц, просто платят налоги государству, которое напрямую финансирует врачей и больницы.

Как отмечает известный специалист по национальному здоровью Лорен Грейг (Laurene Graig), отмена двойственной системы медицинского обслуживания, состоящего из тех, кто мог заплатить, и из тех, кто не мог, стало большим преимуществом. Федеральное правительство решило, что лучший способ избежать подобной системы — предпринять серьезный шаг по объявлению вне закона частного медицинского страхования для каких-либо услуг, охватываемых системами провинций. Универсальная больница провинций и медицинские системы, таким образом, заняли место всех возможных видов страхования, которые существовали до того мо-

⁴³ Graig L.A. Op. cit. P. 124–125.

⁴⁴ Ibid. P. 123.

мента: частного, некоммерческого, общественного. Правительства провинций стали единственными закупщиками общественно застрахованного больничного и медицинского обслуживания. К середине 1970-х гг. 95% всех затрат на больничное и медицинское обслуживание было оплачено через системы здравоохранения провинций и 100% населения имело всеобъемлющую частную страховку здоровья⁴⁵.

Канадцы посещают врачей по собственному выбору и предъявляют медицинскую карту. По существу, они освобождены от необходимости заполнять какие бы то ни было формы, платить какие-либо взносы или франшизы⁴⁶.

Хотя именно этот факт часто становится причиной конфликта между ассоциациями докторов и правительствами провинций по поводу того, сколько платить докторам за услуги, которые они предоставляют. Местные правительства пытаются удержать растущие расходы на медицину, тогда как доктора хотят получить справедливую плату за услуги, ими оказываемые. В результате некоторые доктора — приблизительно 1% — покинули Канаду⁴⁷.

Таким образом, даже при наличии государственной системы здравоохранения имеет место всесторонний конфликт интересов, процесс обсуждения условий и изменений.

В Великобритании существует так называемая Государственная служба здравоохранения (NHS), от которой зависит все население этой страны в плане потребностей в медицинском обслуживании. Правительство страны играет ключевую роль, большую, чем в Соединенных Штатах, Германии или Канаде, т.е. правительство финансирует систему здравоохранения и управляет ею⁴⁸.

Британская система здравоохранения “обеспечивает основательную заботу от колыбели и до гробовой доски, вне зависимости от способности заплатить и бесплатна для пациента в пунктах медицинского обслуживания”⁴⁹.

Фраза “бесплатна для пациентов” (“free to the patient”) означает, что пациенты не платят денег, когда приходят к врачу, но они платят федеральному правительству налоги, а правительство, в свою очередь, платит врачам и госпиталям. В 1997 г. правительство потратило 6,7% валового внутреннего продукта на медицинское обслуживание, тогда как Соединенные Штаты потратили на здраво-

⁴⁵ *Graig L.A.* Op. cit. P. 128.

⁴⁶ *Ibid.* P. 131.

⁴⁷ *Ibid.* P. 144.

⁴⁸ *Ibid.* P. 153.

⁴⁹ *Ibid.* P. 154.

охранение 13,6% ВВП (или почти в два раза больше денег), тем не менее, различные показатели здоровья (такие как детская смертность и средняя продолжительность жизни) в этих двух странах были подобны.

Таким образом, британская система здравоохранения стоит вполтину меньше стоимости американской системы. Две ключевые проблемы, которые имеет британская система, но не имеет американская, состоят в следующем: длинные листы ожидания на получение медицинского обслуживания и недостаток технических средств. В то же время несмотря на это, одна шестая американцев не имеет медицинской страховки, а в Великобритании все граждане охвачены системой страхования. Даже лекарства, отпускаемые по рецепту (которые являются политическим камнем преткновения в Соединенных Штатах), в Великобритании практически бесплатны. Суть в том, что некоторые граждане вынуждены вносить платежи, но 80% выписываемых медикаментов распределяются бесплатно⁵⁰.

В любой национальной системе здравоохранения в любой стране будут существовать конфликты имущественных интересов, постоянное желание большего или меньшего от чего-либо, основанное на интересах определенных групп и т.д. Великобритания не исключение. И хотя Великобритания в состоянии удержать на относительно низком уровне затраты на здравоохранение, ее граждане хотят большего количества услуг. Кроме того, население Великобритании, как и население США, стареющее и, следовательно, чем больше будет старых людей, тем больше потребуется услуг. Несмотря на то что время ожидания перед приемом врача или получением медицинского обслуживания не увеличивалось в Великобритании с 1960-х гг., число людей в списках ожидания возросло. Таким образом, стареющее население, требования большего количества услуг, большее число людей в списках ожидания и постоянно меняющаяся экономика создают условия для постоянных трансформаций в британской системе здравоохранения. Материальные интересы пациентов, налогоплательщиков, врачей, больниц и правительства — все работает на то, чтобы оказать давление на любую систему здравоохранения.

Никто не знает, что случится в ближайшем будущем. Однако есть несколько моментов, заданных последними тенденциями в нашей стране. Эти последние тенденции следующие.

⁵⁰ Ibid. P. 157.

Во-первых, стоимость медицинского обслуживания существенно повышается, ставя все больше людей перед этой разрастающейся проблемой.

Во-вторых, все больше корпораций и некоммерческих организаций сокращают, либо отменяют страхование для своих служащих. К примеру, в 2000 г. 69% американских корпораций обеспечивали медицинское страхование для своих служащих, тогда как лишь 60% предоставляли ее в 2006 г. Последствие этого сокращения страхований состоит в том, что члены среднего класса, не пожилые и не малоимущие, поставлены под удар в связи с сокращением или полной потерей медицинского страхования⁵¹. Подобная тенденция, по всей вероятности, сделает влиятельный/важный средний класс более заинтересованным в разрешении проблем со здравоохранением в нашей стране.

В-третьих, стоимость отпускаемых по рецепту лекарств продолжает повышаться и уже повысилась до такого уровня, что пожилые расходуют все большую часть своих социальных обеспечений и пенсионных доходов на покупку необходимых им медикаментов. Это понижает стандарт их жизни, они испытывают финансовые затруднения на протяжении всех пенсионных лет.

В-четвертых, число незастрахованных людей неуклонно возрастает, списки бесплатных лекарств и видов медицинского обслуживания сокращаются, а это делает более затруднительным получение медицинского обслуживания пожилыми и малоимущими⁵².

Еще одна тенденция состоит в том, что проблема системы медицинского обслуживания обсуждается в СМИ, в результате чего, например, американцы стали более осведомлены об этой проблеме и хотят предпринять что-либо по этому поводу. Статья на передовице с заголовком “Увеличение поддержки Универсальной системы здравоохранения” в “Луисвилл куриер-джорнал” (*Louisville Courier-Journal*) от 30 января 2006 г. служит тому примером⁵³. Другой пример — передовая статья, озаглавленная следующим образом: “Нездоровая система здравоохранения требует большего, чем

⁵¹ См. подробнее: *Beauchamp D.E.* Health care reform and the battle for the body politic. Philadelphia, 1996. P. 8–13.

⁵² *Dalrymple M.* States trim Medicaid to balance budgets // *Madison Courier*. 2003. 22 Sept. P. 10; *Stolberg S.G.* House approves budget cutbacks of \$39,5 billion // *The New York Times*. 2006. 3 Febr. P. A1; *Wheeler L.* States tightening spending on Medicaid even further // *Louisville Courier-Journal*. 2003. 23 Sept. P. 4; *Yetter D.* Panel urges halt to Medicaid cuts // *Louisville Courier-Journal*. 2003. 18 Sept. P. 1, 6.

⁵³ *Ungar L.* Op. cit. P. 10.

нескольких бинтов” в “Индианаполис Стар” (*Indianapolis Star*) от 21 февраля 2006 г.⁵⁴

Действительно, на пути реализации социально эффективной системы здравоохранения возникают определенные барьеры.

Во-первых, многие из тех, кто принимает политические, экономические и социальные решения в данной области, имеют возможность получать превосходное медицинское обслуживание.

Во-вторых, медики, фармацевтические компании и аптеки, фонды медицинского страхования рассматривают медицину как коммерцию и хотят “делать на ней деньги”.

Интересы многочисленных лоббистских групп, которые существуют в данной сфере, подкрепляются результатами псевдонаучных, в том числе и псевдонаучных социологических исследований.

Существуют признаки (индикаторы), выделенные известным американским ученым Робертом Парком в книге “Наука колдовства”. Так, результаты и выводы какого-либо исследования, выдаваемого за научное, являются сомнительными (или псевдонаучными), если:

1) какой-либо факт объявляется истиной без учета тех данных, которые свидетельствуют против него;

2) есть слишком общие и крайне неопределенные утверждения, содержание которых не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто;

3) постоянно обращаются к “недавним исследованиям” или используют словосочетание “ученые говорят” без указания на конкретное исследование или на фамилии тех ученых, высказывания которых используются⁵⁵.

Следует подчеркнуть, что подобные манипуляции общественным сознанием за счет популяризации подобных псевдонаучных исследований, связанных с проблемами здоровья, приобрели в последнее время необычайный размах.

Ярким примером служит публикация результатов опроса населения “Какой должна быть система здравоохранения в России?”. Так, в ней (без указания авторов) утверждается, что, по мнению каждого второго россиянина (51%), система здравоохранения в стране должна быть смешанного типа. За смешанную систему медпомощи населению чаще остальных выступают россияне старше 50 лет (61%)⁵⁶.

⁵⁴ *Feldman R.* Ailing health system needs more than a few band-aids // *Indianapolis Star*. 2006. 21 Feb. P. 6.

⁵⁵ *Park R.L.* Voodoo science: the road from foolishness to fraud. N.Y., 2000.

⁵⁶ Социологический опрос: “Какой должна быть система здравоохранения в России?” // Лечащий врач. Медицинский журнал. URL: <http://www.lvrach.ru/news/13222714/>

Однако ни параметры выборочной совокупности, ни какие-либо данные, относящиеся к программным и процедурным моментам подобного исследования, не прописываются — указывается лишь то, что в опросе приняли участие 1800 представителей экономически активного населения страны.

В-третьих, определенные действия на пути создания подобной системы дают, как говорят в социологии, “парадоксальные эффекты”, когда достигается не позитивный, а негативный социальный результат.

Примером тому служат периодические профилактические осмотры отдельных групп населения, которые превратились в профанацию и стали очередным бесперебойным источником легких доходов для целого ряда медицинских учреждений — в первую очередь, психоневрологических и наркологических диспансеров, которые просто собирают деньги за выдачу справок.

Таким образом, создание высококачественной системы здравоохранения остается важнейшей и очень злободневной социальной проблемой.

Социологический анализ состояния социальной проблемы общественного здоровья в эпоху глобализации действительно позволяет сформулировать представления о различных вариантах решения этой социальной проблемы. Многие социологи обсуждают эти варианты и часто предлагают тот, который с их точки зрения является наиболее перспективным для развития общества.

Однако сфера социального управления очень сложна, а конкретные управленческие решения предполагают учет не только социологических данных, но и многих других — экономических, политических, культурных, технических и т.п. факторов. Но решения, предлагаемые социологами, могут быть очень привлекательными для общества или для его отдельных групп. Однако они не всегда отвечают тем имеющимся экономическим или социально-политическим условиям, сведениями о которых располагают только лица, уполномоченные принимать непосредственные решения, а также конкретным интересам этих лиц.

Тем не менее, если общество действительно желает, чтобы общественное здоровье его членов улучшалось, то социология может помочь понять, как это желание реализовать.

На наш взгляд, общественное здоровье, как и здоровое общество конструируется социально и оно может быть улучшено, если обеспечить достойное место выявлению и изучению конкретных социальных проблем, связанных с экзогенными факторами общественного здоровья. Даже определенные сдвиги в сторону безопасности россиян такой социальной проблемой, как обществен-

ное здоровье, позволит сформировать новое общественное сознание, отражающее реальные жизненно важные интересы личности и общества.

В данной связи представляется целесообразным инициация широкой и многоуровневой общественной дискуссии по поводу общественного здоровья российских граждан, существующей у нас системы медицинского обслуживания и целому ряду других важнейших социальных, психологических и медицинских вопросов, с ней связанных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гидденс Э. Социология. М., 1999.

Грипп в России. URL: <http://www.rmj.ru/news/gripp-v-rossii/>

Дубинин Н.П. Очерки о генетике. М., 1985.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Ефимов К.М. Качественное водоснабжение как условие экологической безопасности // Россия на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М., 2004.

Козлова О.Н. Конструирование экологического будущего и образование // Истоки единства: проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси. М., 2002.

Коммерсантъ — ДЕНЬГИ. 2001. 21 февраля. № 7 (311).

Конопя Е.Ф. Радиологические и медико-биологические последствия Чернобыльской катастрофы // Проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 2–3 декабря 2003 г. Минск, 2003.

Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко; послесл. А.Т. Бикбова. М., 2001.

Мухтаруллина А.И., Тазова Л.Н. Распространенность туберкулеза в Российской Федерации. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1099/8415>

О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2002 году: государственный доклад. М., 2003.

О состоянии и охране окружающей среды Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2002 году: государственный доклад. СПб., 2003.

Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010.

РосБизнес Консалтинг — Новости. 2002. 18 мая.

Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977.

Социологический опрос: “Какой должна быть система здравоохранения в России?” // Лечущий врач. Медицинский журнал. URL: <http://www.lvtagh.ru/news/13222714/>

Фромм Э. Здоровое общество. М., 2006.

Фуко М. Психическая болезнь и личность / Предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб., 2010.

Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997.

REFERENCES

Air pollution linked to DNA mutation // The Associated Press. 2004. 14 May.
Beauchamp D.E. Health care reform and the battle for the body politic. Philadelphia, 1996.

Benedict R. Anthropology and abnormal // Journal of General Psychology. 1934. Vol. 10. P. 59–80.

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M., 1995.

Budrys G. Unequal health: how inequality contributes to health or illness. Lanham, 2003.

Carroll J.R. Canada's lure: low-cost prescription drugs // Louisville Courier Journal. 2003. 14 Sept.

Chovin P., Roussel A. La pollution atmosphérique. P., 1968.

Dalrymple M. States trim Medicaid to balance budgets // Madison Courier. 2003. 22 Sept.

Djurkgejm Je. Metod sociologii // Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. M., 1995.

Dubinina N.P. Oчерки о генетике. M., 1985.

Efimov K.M. Kachestvennoe vodostabzhenie kak uslovie jekologicheskoy bezopasnosti // Rossiya na puti k vozrozhdeniyu. Social'naja i social'no-politicheskaja situacija v Rossii v 2003 godu / Pod red. G.V. Osipova, V.N. Kuznecova, V.V. Lokosova. M., 2004.

Feldman R. Ailing health system needs more than a few band-aids // Indianapolis Star. 2006. 21 Feb.

Fromm Je. Zdorovoe obshchestvo. M., 2006.

Fuko M. Psihicheskoe bolezn' i lichnost' / Predislovie i kommentarii O.A. Vlasovoj. SPb., 2010.

Giddens Je. Sociologija. M., 1999.

Graig L.A. Health of nations: an international perspective on us health care reform. Washington, 1999.

Gripp v Rossii. URL: <http://www.rmj.ru/news/gripp-v-rossii/>

Jekologija, ohrana prirody i jekologicheskaja bezopasnost' / Pod obshh. red. V.I. Danilova-Danil'jana. M., 1997.

Kerbo H.R. Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective. Boston, 2006.

Kommersant—DEN'GI. 2001. 21 fevr. N 7 (311).

Konoplja E.F. Radiologicheskie i mediko-biologicheskie posledstviya Chernobyl'skoj katastrofy // Problemy vossozdanija social'no-jekologicheskogo prostranstva Rossii i Belarusi: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2–3 dekabrja 2003 g. Minsk, 2003.

Kozlova O.N. Konstruivovanie jekologicheskogo budushhego i obrazovanie // Istoki edinstva: problemy vossozdaniya social'no-jekologicheskogo prostranstva Rossii i Belarusi. M., 2002.

Lenuar R., Merl'e D., Pjento L., Shampan' P. Nachala prakticheskoy sociologii / Otv. red. i predisl. N.A. Shmatko; poslesl. A.T. Bikbova. M., 2001.

McGranahan G., Satterthwaite D. Forthcoming: environmental health or ecological sustainability. Reconciling the brown and green agendas in urban development // Sustainable Cities in Developing Countries / Ed. by C. Pugh. L., 2000.

Muhtarullina A.I., Tazova L.N. Rasprostranennost' tuberkuleza v Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1099/8415>

O sostojanii zdorov'ja naselenija Rossijskoj Federacii v 2002 godu: gosudarstvennyj doklad. M., 2003.

Osipov G.V. Vvedenie v sociologicheskiju nauku. M., 2010.

Park R.L. Voodoo science: the road from foolishness to fraud. N.Y., 2000.

RosBiznes Konsalting — Novosti. 2002. 18 maja.

Sen-Mark F. Socializacija prirody. M., 1977.

Sociologicheskij opros: "Kakoj dolzhna byt' sistema zdravoohranenija v Rossii?" // Lechashhij vrach. Medicinskij zhurnal. URL: <http://www.lvrach.ru/news/13222714/>

Stephens C. et al. Urban equity and urban health: using existing data to understand inequalities in health and environment in Accra, Ghana and St. Paulo, Brazil // Environment and Urbanization. 1997. N 9. P. 181–202.

Stolberg S.G. House approves budget cutbacks of \$39,5 billion // The New York Times. 2006. 3 Febr.

Ungar L. Support swells for universal health care // Louisville Courier Journal. 2006. 30. Jan.

Wheeler L. States tightening spending on Medicaid even further // Louisville Courier-Journal. 2003. 23 Sept.

Yetter D. Panel urges halt to Medicaid cuts // Louisville Courier-Journal. 2003. 18 Sept.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Е.С. Шпуга, канд. полит. наук, старший аналитик компании “Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия”**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

T.N. Samsonova, PhD in political science, professor, department of politology and the sociology of political processes, Lomonosov Moscow State University, e-mail: ashberry@mail.ru

E.S. Shpuga, candidate in political science, OBPPC analyst in “Coca-Cola HBC Eurasia”, e-mail: katya-shpuga@yandex.r

THE CHALLENGES POLITICAL LEADERSHIP FACES IN THE MODERN WORLD

Понятие политического лидерства, которое имеет первостепенное значение для понимания политического процесса и его последствий, трактуется неоднозначно. Исследования политического лидерства ведутся издавна в рамках многих наук — истории, философии, политической теории, психологии и др.

Лидерство — это динамический процесс, в ходе которого лидеры и последователи взаимодействуют в определенной ситуации/контексте. Взаимодействуя с последователями, лидеры должны понимать их настроения и устремления. Прослеживаются сущностные и операциональные различия между лидером и управленцем. Управленческая эффективность предполагает ориентацию на рациональность и организационную структуру. Успешность лидерства обусловлена символами и культурой. Интерактивный характер взаимодействия “лидер — последователи — ситуация” позволяет лучше понять изменчивую природу взаимоотношений лидера с последователями и все возрастающую сложность ситуаций, с которыми они сталкиваются в современном мире.

Отвечающее на вызовы времени лидерство порождает перемены, и это достигается путем более глубокого понимания тех важных факторов, которые оказывают влияние на лидерство. Происходящие в современном мире перемены требуют появления политических лидеров нового типа, новых форм и механизмов их взаимодействия с последователями, что обеспечит эффективность лидерства.

* Самсонова Татьяна Николаевна, e-mail: ashberry@mail.ru

** Шпуга Екатерина Сергеевна, e-mail: katya-shpuga@yandex.ru

Ключевые слова: политический лидер, политическое лидерство, последователи/конституенты, политическая власть, влияние, идентификация, харизма.

Political leadership is a concept central to understanding political processes and outcomes, yet its definition is elusive. The study of political leadership has a long history. Many disciplines have contributed to this study, including history, philosophy, political theory, psychology etc.

Leadership is a process in which leaders and followers interact dynamically in a particular situation or context. Leaders must be able to connect with followers to understand their mood and their initiative. There are essential and operational differences between a leader and a manager. Managerial effectiveness is related to an emphasis on rationality and organizational structure. Leadership effectiveness is linked to symbols and culture. The interactive nature of leader-follower-situation can help us better understand the changing nature of the leader-follower relationship and the increasingly greater complexity of situations leaders and followers face in contemporary world.

Good leadership makes a difference, and it can be enhanced through greater awareness of the important factors influencing the leadership process. The changes we are facing in today's world demand a new breed of political leaders, new forms and mechanisms of leader-follower interaction that provide effective leadership.

Keywords: political leader, political leadership, followers/constituents, political power, influence, identification, charisma.

“У лидера есть две важные черты; во-первых, он сам куда-то идет, во-вторых, он может повести за собой людей”.

М. Робеспьер

На протяжении всей истории человечества вожди, государи и президенты, лидеры разных уровней вдохновляли и направляли действия людей, заставляли их проявлять свою энергию, ответственность за судьбу страны. Можно сказать, что в зачаточном состоянии изучение истории было исследованием деятельности лидеров. “Лидерство — одно из наиболее очевидных и наименее понятных явлений на земле” (Дж.М. Бернс).

Как важнейший общественный феномен лидерство неизменно вызывало и вызывает всеобщий интерес. Ученые — историки, философы, политологи, социологи — исследуют закономерности формирования и функционирования лидерства, причины и факторы его эффективности. Психологи-практики, специалисты в сфере менеджмента разрабатывают различные приемы выявления потенциальных лидеров, технологии совершенствования лидерских качеств. Те, кто сами хотят стать лидерами, всеми силами стремятся развить в себе необходимые для этого качества, выработать требуемые навыки. А тех, кто следует за лидером, интересует не только

то, что заставляет их *подчиняться* его власти и влиянию, но и стремление понять, *как*, в свою очередь, можно *оказывать воздействие* на лидера, *влиять* на предпринимаемые им действия.

Масштабы научных исследований политического лидерства, прежде всего в западных странах, поистине огромны и носят интегративный характер. И это закономерно, ибо в политическом лидерстве проявляется взаимообусловленность психологических и социальных основ власти, сочетаются функции управления и интеграции общества. Стратегии завоевания и удержания власти, механизмы взаимодействия лидера с последователями, особенности разных лидерских стилей, типология лидерства и т.д., т.е. различные аспекты лидерства стали предметом активных междисциплинарных исследований.

Впрочем, существует и “негативный” подход к оценке лидерства, его роли в современном мире. Есть мнение, что вера в лидеров, их особую роль в жизнедеятельности социума основана на внерациональных стремлениях масс, что ведет к мифологизации лидерства. Утверждается, что лидерство не может обеспечить существенный управленческий эффект, трудно установить связь между конкретными действиями лидера и эффективностью его деятельности. Более того, считают некоторые, само понятие “лидерство” — это искусственно придуманный концепт. Так, австралийский специалист в области менеджмента и коучинга Ф. Ральф в работе “Лидерство без серебряных пуль: руководство по развитию лидерства” обосновывает положение, что в настоящее время лидерство по самым разным причинам вообще “не работает”. Ученые, считает он, не могут однозначно определить, какие качества необходимы, чтобы быть эффективным лидером, в чем причина, что одни люди способны вдохновить других и выявлять их лучшие качества, в то время как другие предпочитают ждать и терпеть¹.

Рассуждая в этом направлении, Г. Геммил и Дж. Оакли (Сиракузский университет, Греция) разработали своего рода “теорию” лидерства как социального мифа отчуждения. Лидерство как социальный феномен вообще не существует, утверждают они, а вера людей в его необходимость основана на их внерациональных чувствах. Именно стремление индивидов и социальных групп создавать защитные механизмы, “главная задача которых — подавление потребностей, эмоций и желаний, неприемлемых при совместном проживании людей”, и действовать в соответствии с ритуалами и

¹ См.: *Ralph F. Leadership without silver bullets: a guide to exercising leadership.* Bloomington, 2010. P. 19.

приводит, по мнению этих авторов, к построению виртуальных конструкций, созданию мифа, именуемого “лидерством”².

С нашей точки зрения, лидерство не является мифом. Оно реально существует, более того, является катализатором и индикатором социально-политической активности общества. Без лидерства социальные группы и общности, организации, политические партии, общество в целом становятся менее эффективными. Особенно велика роль лидерства, когда возникают новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом; когда ситуация сложна и противоречива; когда есть выбор между разными политическими решениями. Национальные лидеры являются символами общности, образцами политического поведения. Не случайно целые эпохи в жизни разных стран и народов неразрывно связываются в сознании людей с именами и деятельностью определенных лидеров. На вопрос, какого лидера можно считать великим, в разных странах в первую очередь называют тех, кто принес своему народу свободу и независимость. Граждане США называют президентов Дж. Вашингтона и А. Линкольна, англичане — премьер-министра У. Черчилля, французы — президента Ш. де Голля. А в Южной Америке кумиром, легендой, учителем для многих латиноамериканских политиков является С. Боливар³. (Вызывает сомнение категоричность высказывания известного британского общественного деятеля Э. Пауэлла, который, намекая на неизбежность ухода из власти в конце любой, даже самой блестящей политической карьеры, утверждал: “Все политические жизни, если только они не прерываются на взлете, заканчиваются провалом. Такова суть политики и человеческой природы”.)

Однако нельзя не признать, что существующие “теории” лидерства не дают исчерпывающего представления о природе этого феномена, не отражают в полной мере те перемены, которые происходят в политическом лидерстве в наши дни. Политические лидеры вынуждены рассматривать внутреннюю политику в своих странах как часть всемирного, глобального процесса, должны все больше концентрировать свои усилия на решении социально-экономических проблем. Это особенно актуально, ибо во всем мире растет запрос на социальную справедливость. Повышается значение подготовки политических лидеров, все большую роль играет их информированность, уровень знаний. В условиях быстрой смены ситуаций, ускоренного социального развития, появления новых вызовов ли-

² Gemmill G., Oakley J. Leadership: an alienating social myth? // Social Relations. 1992. Vol. 45. N 2. P. 114.

³ См.: Адаир Дж. Психология власти. М., 2004. С. 285.

дерам, как никогда, необходимо обладать большой информацией в разных сферах жизнедеятельности социума — в экономической, политической, социокультурной⁴. Велико значение способности лидеров создавать “образ будущего”, т.е. обладать “видением”⁵. Эффективными могут быть только те лидеры, которые способны меняться с учетом условий и реалий, обладают знаниями и высоким профессионализмом, проявляют ответственность и порядочность, вызывая доверие и признание последователей. Это те качества, дефицит которых сегодня ощущается весьма остро, настоятельно требуя формирования принципиально новых подходов к лидерству и лидерам. Все это наглядно свидетельствует о необходимости “осмыслить и найти принципиально новую адекватную современным реалиям парадигму лидерства”⁶.

Политический лидер и последователи: уточнение понятий

Хотя феномен лидерства существует издавна, сам термин “лидер” появился лишь в конце XIX в. Этим термином принято обозначать человека, наделенного властью, влиянием, авторитетом. В научной литературе существует немало определений политического лидерства, рассматривающих его с различных исследовательских позиций. “Существует столько же определений лидерства, сколько людей, попытавшихся его дать”, — отмечает американский исследователь Б.М. Басс⁷. Лидерство рассматривается как центр групповых процессов, как отношение власти, как осуществление влияния, как особого рода предпринимательство и т.д.

В основе функционирования политического лидерства — реализация отношений власти и взаимовлияния, сложный механизм взаимоотношений “лидер — последователи”. *Политическое лидерство можно определить как механизм осуществления политической власти, в основе которого лежат отношения взаимовлияния между лидером, выражающим интересы и потребности социальной общности/общества, и последователями, делегирующими ему свои полномочия для осуществления представительства и реализации их интересов.* В ходе этого взаимодействия посредством легитимных механизмов власти и влияния осуществляется процесс интеграции социальной общности/общества.

⁴ Подробнее см.: Самсонова Т.Н., Шуга Е.С. Политический лидер в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2. № 71–72.

⁵ См.: Ландсберг М. Лидерство. Видение, вдохновение и энергия. М., 2004.

⁶ Котляров И.В. Лидерство как теоретический концепт и объективная реальность: социологические тренды // Социологический альманах. 2014. Вып. 5. С. 39.

⁷ См.: Bass&Stogdill's handbook of leadership: a survey of theory and research / Ed. by B.M. Bass. N.Y., 1990. P. 11.

Неотъемлемой характеристикой лидера является его способность оказывать влияние. В основе отношений влияния (это понятие, как известно, шире по сравнению с понятием “власть”) лежит добровольное согласие членов социальной общности/общества. Такие отношения осуществляются посредством личного примера, убеждения, авторитета лидера. Иными словами, лидерство — способ осуществления власти, основанной не на применении насилия или каком-либо ином подавлении, а на поддержке лидера, на возможности мобилизовать последователей для достижения общих целей. Однако на протяжении всего XX в. мир пережил чудовищные катаклизмы. В разных странах установились и на протяжении десятилетий действовали тоталитарные и авторитарные режимы, в которых политические лидеры (вожди) проявляли жестокость, превосходящую деяния деспотов далекого прошлого. Они принесли миллионы человеческих жизней на алтарь своего властолюбия и бредовых идей, бесстыдно прикрываясь при этом национальными и идеологическими мотивами. Как отмечал С.Е. Лец, “у диктаторов нет силы, у них есть насилие”. Некоторые исследователи (например, Дж. Адаир, Л. Стаут) утверждают, что *нельзя считать* политическими лидерами тех политиков, которые “использовали неоправданные управленческие меры для сохранения своей властной позиции”⁸. Американская исследовательница Б. Келлерман применяет для характеристики деятельности таких политиков понятие “дефектное лидерство” (bad leadership)⁹.

Лидеры не существуют сами по себе, у них должны быть последователи, т.е. те, кто признает за ними право вести других. Функционирование политического лидерства является субъект-субъектным процессом, в ходе которого важна роль как лидеров, так и их последователей. Лидеры не могут сохранить свою власть, если последователи не готовы поверить в них, в их способность эту власть осуществлять. Однако до недавнего времени в исследованиях политического лидерства больше внимания уделялось роли лидеров в политическом процессе, анализу их личностных характеристик, методов выдвижения, осуществления власти и влияния. Но мало работ, посвященных роли последователей в его функционировании. Между тем происходящие в мире на рубеже XX—XXI в. изменения — глобализация, “глобальное политическое пробуждение” (З. Бжезинский), появление новых средств массовой коммуникации и др. — обуславливают необходимость пересмотра лидероцентрист-

⁸ Адаир Дж. Психология власти. М., 2004. С. 283; Стаут Л. Лидерство: от загадок к практике. М., 2002. С.70.

⁹ См.: Kellerman B. Bad leadership: what it is, how it happens, why it matters. Boston, 2004.

ских концепций. В работах ряда авторов убедительно показано, что растущая роль последователей создает более сложные условия деятельности лидеров, повышает требования к их личностным качествам, политической деятельности. Возрастает уязвимость позиций политических лидеров, в современном информационном обществе они “постоянно находятся в фокусе общественной дискуссии, и к ним относятся все более критично”¹⁰. Достаточно привести в пример оценку гражданами ФРГ деятельности канцлера А. Меркель, проводимой ею политики по отношению к мигрантам.

Нуждается в уточнении и само понятие “последователь” (*follower*, англ.). Некоторые исследователи считают, что оно имеет несколько обидный оттенок и стараются его не применять. «В значении слова “последователь”, — утверждает американский автор Дж. Гарднер, — слишком сильны оттенки пассивности и зависимости, чтобы считать его удачным термином для обозначения тех, кто находится в диалоге с лидерами»¹¹. Дж. Гарднер предпочитает понятие “конституент” (*constituent*, англ.). Слово “constituent” можно перевести на русский язык как “элемент”, “составная часть системы”, “избиратель”. В настоящее время понятия “follower” и “constituent” нередко используются как равнозначные в англоязычной (да и в отечественной) научной литературе. А американский исследователь Р. Келли наряду с понятием “follower” стремится придать легитимность термину “followership” (следование, подчинение)¹².

Наличие последователей — это то, что явным образом отличает лидеров от *нелидеров*. Общение с последователями происходит через институты опосредования, средства массовой информации и коммуникации. Для того чтобы это динамическое по своей природе взаимодействие было эффективным, лидерам необходимо как можно больше знать, что представляют собой разные группы их последователей. Как сказал 28-й президент США В. Вильсон, “в ушах лидера должны звенеть голоса людей”. Лидеры призваны своевременно отвечать на запросы тех социальных общностей, чьи интересы они выражают. Кроме того, пределы деятельности лидеров “задают” не только последователи, но и равные по рангу лидеры, что особенно ощущается в деятельности общенациональных лидеров в условиях глобализации.

¹⁰ Келлерман Б. Идущие за лидером. Как подчиненные создают и меняют своих лидеров. М., 2009. С. 52. См. также: Замулин А.Л. Новый взгляд на последователей лидера: теория и управленческая практика // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 8. Менеджмент: научно-теоретический журнал. 2009. № 3.

¹¹ Gardner J. The nature of leadership: introductory considerations, leadership papers. Washington, 1986. P. 5, 6.

¹² См.: Kelley R.E. The power of followership: how to create leaders people want to follow and followers who lead themselves. N.Y., 1992.

Исследователи, рядовые граждане немало внимания уделяют отрицательным качествам лидеров (злоупотребление властью, несправедливость, неспособность предвидеть ход событий и др.) и их последствиям. Но на эффективности политического лидерства неизбежно сказываются недостатки и последователей — их пассивность, нежелание участвовать в общественно-политической жизни страны. По степени активности и поддержки последователей лидера можно разделить на несколько категорий: рядовые граждане, активисты, ярые приверженцы. Механизм взаимовлияния политических лидеров и последователей предполагает, что последние будут сочетать в себе противоречащие, на первый взгляд, характеристики — активность и то же время своего рода “пассивность”; включенность в политический процесс, которая уравнивается их участием в различных процессах вне политической сферы; рациональность и вместе с тем эмоциональная привязанность к политическим лидерам и власти, на основе которой происходит сплочение граждан¹³. Взаимодействие лидера и последователей в значительной степени обусловлено типом политической культуры, во многом зависит и от состояния общности/общества (стабильность или кризис, процветание или рецессия, развитие или стагнация).

В последние годы в США и некоторых других странах получила распространение концепция так называемого суперлидерства. Так, американские авторы Ч. Манц и Г. Симс-мл. в работе “Суперлидерство: по ту сторону мифа о героическом лидерстве” отмечают, что когда лидеры стремятся стать как можно сильнее, то последователи зачастую становятся слабее, чувствуют себя менее значительными. Но в таком случае лидеры, не получая большой помощи и поддержки, оказываются слабы и неэффективны¹⁴. Поэтому эффективный лидер (суперлидер) — это тот, кто сам старается сформировать лидеров из идущих за ним индивидов. А суперлидерство — целый комплекс когнитивных и поведенческих стратегий, призванных обеспечить мотивацию и направленность действий последователей, сформировать у них лидерские качества.

Лидер и последователи: механизм идентификации

Важным элементом механизма взаимовлияния политического лидера и всех тех, кто разделяет его взгляды и поддерживает его действия, является идентификация. В процессе идентификации

¹³ См.: Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 125–130.

¹⁴ См.: Manz C.C., Sims H.P., jr. SuperLeadership: leading others to lead themselves. N.Y., 1989.

происходит “следование поведенческим или личностным характеристикам другого лица как реальное их воспроизведение либо в сходных поведенческих актах, либо в символических эквивалентах поведения”¹⁵. Посредством идентификации реализуется и запечатлевается влияние, оказываемое лидером на последователей, происходит своего рода “заимствование” его важных личностных характеристик. В процессе этого взаимодействия осуществляется своего рода обмен: каждая сторона отвечает ожиданиям и потребностям другой¹⁶. Лидер как основной объект идентификации обладает теми ценностными характеристиками, которые особенно значимы для последователей. Лидеру обеспечивается высокое положение, статус в обмен на его вклад в создание ценностей социальной общности/общества. Постепенно выстраиваются его партнерские отношения с последователями. Этот процесс проходит через три последовательные фазы: 1. Фаза “незнакомцев”, когда взаимоотношения лидера и последователей ограничиваются предписанными им формальными ролями. 2. Фаза “знакомства”, на которой осуществляется проверка готовности лидера и последователей к дальнейшему взаимодействию. 3. Фаза “партнерства”, на которой лидер и последователи выстраивают партнерские отношения и осуществляют взаимовыгодный обмен¹⁷.

Данное взаимодействие можно описать в терминах модели “политического рынка”: социальные общности делегируют свои властные полномочия лидеру в обмен на определенные обещания с его стороны. Лидер, таким образом, выступает в качестве “политического предпринимателя”, эффективность деятельности которого напрямую зависит от его способности преобразовывать потребности и запросы общности/общества в конкретные обещания и политические программы. (“Политик лишь формулирует то, что думают его избиратели, даже если они еще не догадываются об этом”, Э. Пауэлл.)

Лидерство не является взаимодействием, протекающим по схеме “лидер → последователи”, это скорее *двунаправленный* процесс “лидер ↔ последователи”. Следовательно, можно говорить как об идентификации последователей с лидером, так и лидера с последователями. При этом последователи могут давать своего рода “разрешение”, так называемый “идиосинкразический кредит” (термин был введен Е. Холландером) на “девиантное” поведение лидера. Это обусловлено тем, что лидер путем отхода от некоторых прежних норм способен привнести новшества и тем самым

¹⁵ Кричевский П.Л. Психология лидерства: Уч. пособ. М., 2007. С. 97.

¹⁶ См.: Jacobs T.O. Leadership and exchange in formal organizations. Alexandria, 1971. P. 126.

¹⁷ См.: Northouse P.G. Leadership: theory and practice. Thousand Oaks, 1997. P. 113–114.

способствовать более эффективному достижению цели. Кредиты “зарабатываются” лидером в течение определенного периода его деятельности и являются результатом осознания другими его компетентности в решении стоящих перед общностью/обществом задач. Величина кредита также может зависеть от способа достижения лидером его главенствующей роли — путем выборов или назначения. Поэтому многие действия лидера, особенно во время предвыборной кампании, направлены на завоевание голосов избирателей. Если лидер не оправдал ожиданий своих последователей, то они вправе выбрать нового. Тем самым последователи, высказываясь *за* или *против* лидера, являются активными участниками процесса взаимодействия, процесса динамичного и “бесконечного”. Лидер должен постоянно подтверждать свою позицию, генерировать новые идеи. “Инновации — вот что отличает лидера от его последователей” (С. Джобс, основатель компании Apple).

Идентификация последователей с лидером проявляется не только в готовности голосовать за него как за личность, но и в ощущении близости своей политической позиции с взглядами лидера, в ориентации на его статус, в вере в эффективность его действий, в неприятии его политических соперников (негативная идентификация). Наглядным примером реализации механизма идентификации может служить деятельность М.Л. Кинга (1929—1968), самого известного афроамериканского баптистского проповедника, лидера Движения за гражданские права чернокожих в США. Будучи талантливым оратором и понимая, что большинство слушателей разделяют его взгляды и цели, М.Л. Кинг подставлял местоимения “мы” и “наши” на место “я” и “мы” в тех фразах, которые выражали его личные убеждения и надежды. Тем самым он идентифицировал себя с аудиторией, а последователи чувствовали себя частью “большого дела”, и “из пассивного единомыслия аудитории рождалось желание действовать”¹⁸. М.Л. Кинг умело использовал мифы, исторические достижения, чтобы сформировать в обществе необходимые ценности и сплотить его. В своих речах, которые изобиловали цитатами из Библии, афоризмами и словами известных священников и популярных политиков (например, президента США Д.Ф. Кеннеди), он постоянно напоминал слушателям, что движение в защиту расового равенства является не менее благородным и праведным делом, чем борьба за независимость отцов-пилигримов — английских колонистов XVII в., основавших американское государство¹⁹.

¹⁸ Зимбардо Ф., Ляйпте М. Социальное влияние. СПб., 2001. С. 27.

¹⁹ См.: Там же.

Процесс идентификации является своего рода “стержнем” взаимодействия последователей с лидерами *харизматического* типа. Глубокие преобразования могут осуществлять люди, способные ощутить “знаки времени” и найти “чувствительные струны масс”, благодаря которым возможна их мобилизация на созидание нового общественного порядка²⁰. Исследователями предпринимается немало усилий, чтобы выявить характерные черты, присущие харизматическим лидерам, дать операциональное определение этого типа лидерства²¹. Однако значение харизмы порой подвергается сомнению. Утверждается, что “место” харизмы в информационном обществе занимают различные технологические и коммуникативные средства²². С таким мнением трудно согласиться. Эффективность политического лидерства и в наши дни в немалой степени определяется наличием или отсутствием у лидера харизматических черт. Харизматический лидер является своего рода катализатором социальных процессов и общественных движений, а его личность выступает в качестве символа и инструмента национальной интеграции²³. Харизматическими лидерами были такие “знаковые” политики XX в., как Ф.Д. Рузвельт, М.Л. Кинг, Ш. де Голль, У. Черчилль.

В современном мире в силу совершенствования системы разделения властей, развития гражданского общества и расширения возможностей его воздействия на органы власти наблюдается некоторое сокращение границ власти национальных политических лидеров. Вместе с тем политика стала более персонифицированной. Такой вывод выглядит вполне обоснованным, если обратиться к политическому лидерству в президентских системах. Президент как центральная и репрезентативная фигура верховной власти является символом единства и сплоченности нации. Он персонифицирует не только наибольшую власть, но и высшую ответственность. Это своего рода “политический отец” нации. По мнению Ф.И. Гринстайна, известного американского политолога и политического психолога, президент должен обладать немалым набором

²⁰ См.: *Willner A.R.* Charismatic political leadership: a theory. Princeton, 1968. P. 73. См. также: *Howell J. M., Shamir B.* The role of followers in the charismatic leadership process: relationships and their consequences // *Academy of Management Review*. 2005. Jan. Vol. 30. N 1.

²¹ См.: *Итвел Р.* Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. 2003. № 3; *Кричевский Р.Л.* Указ. соч. С. 398–402; *Spinrad W.* Charisma: a blighted concept and an alternative formula // *Political Science Quarterly*. 1991. Vol. 106. N 2. P. 20.

²² См., например: *Маяцкий М.А.* Ив Коэн: «Сегодня уже все знают, что лидер “голый”». URL: <http://www.colta.ru/articles/society/1765>

²³ См.: *Фреик Н.В.* Политическая харизма: версии и проблемы // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 10.

личностных качеств — способностью к публичной коммуникации, организаторскими способностями, политическим мастерством, даром политического предвидения, четким когнитивным стилем мышления и эмоциональным интеллектом (эмоциональной устойчивостью)²⁴.

Нельзя не отметить еще одну особенность политического лидерства сегодня. Когда все спокойно и благополучно, граждане обращают особое внимание на компетентность лидеров, их порядочность, честность. Но как только наступает некий форс-мажор, они готовы потворствовать авторитарным наклонностям лидеров, ждут от них твердых действий, словно не надеясь на себя. Такие упования на “твердую руку” имеют многовековую историю. Как замечает французский исследователь М. Камо, хотя “демократического лидера можно рассматривать как руководителя, действующего согласно конституционным нормам, а авторитарного правителя — как лидера, стоящего над законом”, в современном мире “политическому лидерству свойственны как демократические, так и авторитарные характеристики”²⁵.

Первостепенное значение имеет способность политических лидеров оказывать символическое влияние на общество, умело использовать средства воздействия на чувства и эмоции граждан. Символическая власть представляет собой “такую невидимую власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей. Это власть заставлять конструировать реальность, устанавливая непосредственное мироощущение, то есть чувство реального мира”²⁶. Символическая власть осуществляется посредством политической коммуникации, которая в условиях информационного общества приобрела особое значение, играя роль основного канала связи власти и общества. Информационно-коммуникативные технологии открывают большие возможности для эффективного взаимодействия лидеров и граждан. Их общение редко осуществляется непосредственно в личных контактах, оно происходит при помощи различных средств массовой информации и коммуникации. Успешная политическая коммуникация напрямую зависит от объема накопленного лидером символического капитала (авторитет и уровень доверия лидеру и т.д.) и в то же время является одним из основных каналов его получения.

Символическая природа лидерства все чаще проявляется не столько в самой власти, сколько в ее имидже, являясь «следствием вступ-

²⁴ См.: *Гринштейн Ф.И.* Личность президента и лидерство // Социология власти. 2007. № 1 (пред. и пер. Т.Н. Самсоновой).

²⁵ *Camau M.* Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes // Autoritarismes démocratiques. Démocraties autoritaires au XXIe siècle. P., 2008. P. 60, 61.

²⁶ *Бурдые П.* Социология социального пространства. М., 2005. С. 211.

ления в эру “публичной” демократии и тенденции к разветвлению властных сетей»²⁷. “Методы политического маркетинга, — пишет М. Камо, — позволяют сконструировать такой имидж, который будет подчеркивать положительные качества лидера. Обращаясь к социологическим опросам, эксперты выявляют общественные предпочтения в области публичной политики не для того, чтобы определять или корректировать государственную политику, а для того, чтобы, используя эти данные, повлиять на позитивную оценку обществом личностных качеств лидера”²⁸. Особенно важен имидж лидера в ходе избирательной кампании. Приведем мнение американского имиджмейкера Р. Верслина, одного из организаторов успешной кампании кандидата в президенты США Р. Рейгана: “В то время, когда многие голосуют за проблемы, большинство избирателей голосуют за личность, за тип человека, который он представляет, личность, которая *проецируется* (выделено нами — Т.С., Е.Ш.)”²⁹.

Процессы идентификации лидеров и последователей, способность лидеров оказывать символическое влияние на общество являются ключевыми условиями функционирования лидерства и в значительной степени определяют особенности осуществления лидерами функций руководства и управления.

Лидерство и руководство: общее и особенное

В современном мире тесное переплетение сфер экономики и политики, острая необходимость решения насущных социальных проблем приводят к тому, что политическим лидерам приходится сочетать выполнение ролей и лидера, и руководителя. Более того, намечилась тенденция сближения принципов лидерства и руководства/менеджмента. (К слову сказать, в английском языке термином “leadership”, т.е. “лидерство”, зачастую обозначается и лидерство, и руководство.) Не случайно на рубеже XX—XXI в. предпринимаются попытки, с одной стороны, использовать в политическом лидерстве приемы менеджмента организаций, с другой стороны, выявить возможности применения принципов политического лидерства в руководстве коммерческими компаниями³⁰.

Хотя понятия “лидерство” и “руководство” нередко употребляются как синонимы, их не следует отождествлять. Лидеры и менед-

²⁷ Camau M. Op. cit. P. 65.

²⁸ Ibid. P. 67.

²⁹ Цит по: *Meÿmус В.В., Meÿmус В.Ю.* Политическая партия: стратегия и управление. Киев, 2004. С. 373.

³⁰ Подробный анализ взаимодействия между лидерством в политике и бизнесе проведен в работе: *Келлерман Б.* Обновленное лидерство: политика и бизнес. Новосибирск, 2005. См. также: *Rejai M., Phillips K.* Leaders and leadership. An appraisal of theory and research. Westport, 1997.

жеры, утверждает, например, американский исследователь А. Залезник, представляют собой два разных типа личности, имеют разные ценности и потребности и выполняют разные функции. Их основные различия сводятся к следующим: 1. *Отношение к задачам*: лидеры постоянно ставят новые цели и задачи; менеджеры предпочитают сохранять статус-кво. 2. *Отношение к деятельности*: для лидеров это неизменный риск; менеджеры склонны к рутинной, практической работе. 3. *Взаимодействие с последователями*: лидеры взывают к потребностям и эмоциям последователей; менеджеров скорее заботит то, как выполняется работа. (“Люди спрашивают, в чем разница между лидером и боссом. Лидер ведет за собой, а босс управляет”, говорил Теодор Рузвельт, 26-й президент США.) 4. *Ощущение себя как личности*: восприятие лидерами своего Я мало зависит от показателей, характеризующих место человека в обществе; менеджеры рассматривают себя в качестве “хранителей” существующего порядка³¹.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что процесс политического лидерства социально нормирован, т.е. подчинен определенной системе социальных и политических требований и в значительной степени обусловлен факторами финансового и административного характера. Можно сказать, что влияние политическими лидерами, особенно в странах с не устоявшимися еще демократическими институтами (как, например, в России) детерминирована финансово-административными ресурсами³². Следует отметить, что политические лидеры нередко являются главами исполнительной власти, т.е. фактически руководителями³³. “В политической сфере лидерство — это политическое управление, — считает Н.Г. Щербинина. — Здесь политик является одновременно и руководителем большого сообщества, и лидером-администратором управленческой вертикали”³⁴. В России политическое лидерство “нередко становится практически неотличимым от бюрократического управления”³⁵.

³¹ См.: *Rejai M., Phillips K.* Op. cit. P. 6.

³² См.: *Кричевский П.Л.* Указ. соч. С. 147.

³³ По мнению ряда исследователей, с середины XX в. в демократических странах (нам представляется, не только в демократических) исполнительная власть становится не столько орудием правительства, сколько организующим центром всей политической системы (см.: *Кудряшова Е.В.* Лидер и лидерство. Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. Архангельск, 1996. С. 53).

³⁴ *Щербинина Н.Г.* Теории политического лидерства: Уч. пособ. М., 2004. С. 69–70.

³⁵ *Шестопап Е.Б.* Ключевые векторы развития политической психологии // Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под ред. Е.Б. Шестопап. М., 2012. С. 7.

Политические лидеры общенационального уровня — главы государств, правительств, руководители политических партий — должны выполнять функции и лидерства, и руководства. Таким образом, грамотное руководство является необходимым, но недостаточным условием эффективного лидерства. Руководитель далеко не всегда является одновременно и лидером, и наоборот. Порой лидеры не занимают никаких официальных постов, но при этом способны оказывать значительное влияние на политическую ситуацию в стране и мире (например, М. Ганди³⁶, М.Л. Кинг).

Статус политического руководства, осуществляемого политическими лидерами общенационального уровня, которые определяют цели развития общества и олицетворяют в сознании граждан деятельность всей системы управления государством, дает основание выделять *лидерскую подсистему* в структуре принятия государственных решений. Ее значение заключается в том, что руководящее лицо определяет принципы, направляет процесс разработки решения или же придает ему окончательную форму. Лидерство выступает как “механизм редукции общеколлективных усилий, межгрупповых и межперсональных взаимодействий к однозначно выработанной позиции властей. Лидерство тем самым компенсирует слабости наиндивидуального (публичного) характера принятия государственных решений”³⁷. Режим функционирования этого механизма зависит от многих факторов: от типа политического режима и особенностей политической системы, от силы/слабости партнеров и оппонентов политического лидера, от его способности налаживать и поддерживать контакты с ключевыми фигурами, от навыков деловой коммуникации³⁸. Одни лидеры эффективнее в своих отношениях с обществом, другие — с аппаратом государственного управления, третьи находят “общий язык” с оппозицией, четвертые успешно взаимодействуют с международными организациями. Это убедительно показал Ч.Э. Мерриам, проведя сравнительный анализ личностных качеств и деятельности четырех выдающихся американских политических лидеров, в том числе трех президентов США — А. Линкольна, Т. Рузвельта и В. Вильсона³⁹.

³⁶ У. Черчилль надменно назвал Ганди “полуголым факиром”, но миллиарды людей по всему свету величают его Махатмой, что переводится как “Великая душа”. Ганди не занимал никаких государственных постов, не принимал почестей, но был подлинным Гением власти.

³⁷ Соловьев А.И. Принятие государственных решений. М., 2006. С. 99. См. также: Тарусин П.В. Институт политического лидерства в формировании государственной политики // Политика. Государство. Управление: Сб. ст. / Сост. А.И. Соловьев, Г.В. Пушкарева. М., 2014.

³⁸ См.: Там же. С. 106.

³⁹ См.: Мерриам Ч.Э. Четыре американских партийных лидера // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2—4 (пред. и пер. Т.Н. Самсоновой, Л.Е. Филипповой).

Лидерская подсистема обеспечивает принятие однозначных государственных решений, возлагая ответственность за их реализацию на представителей политического руководства. Обладание достаточным уровнем политического капитала, полномочиями в процессе принятия решений в масштабах той или иной общности (партии, движения, региона, страны) и наличие авторитета позволяют политическому лидеру определять повестку дня, проводить определенную политическую линию. Особенно значима роль политических лидеров в президентских республиках, ибо они контролируют основные направления деятельности государства и сохраняют контроль силовой компоненты.

Структура государственного управления формально регламентирована и не всегда способна обеспечить своевременный ответ на вызовы. У лидеров же есть реальная возможность, порой игнорируя публичные дебаты и коллективные обсуждения, единолично принимать значимые для общества решения. Однако здесь кроются и серьезные проблемы. Лидеры нередко выбирают из общественных проблем не те, которые нужны обществу, а те, которые приносят им голоса избирателей. «Лидеры приносят дополнительную непоследовательность в систему государственного управления действий, смену установок, отказ от прежних обязательств, расхождение между риторикой и практическими действиями, — отмечает А.И. Соловьев. — Таким образом, лидерская подсистема не только *снижает структурные недостатки системы государственного управления, но и повышает риски* принятия решений»⁴⁰. Непоследовательность действий, отказ от прежних обязательств, безусловно, порождают в обществе недоверие к лидерам и политической власти в целом, препятствуют консолидации социума.

Объем и сложность задач, стоящих перед лидерами в современном мире, настолько велики, что они не могут выполнять свои функции единолично. Свою управленческую деятельность лидеры разделяют с довольно широким кругом советников и помощников. Политические лидеры национального уровня имеют, как правило, широкие возможности при выборе и формировании своего непосредственного окружения. Однако они далеко не всегда руководствуются критериями компетентности, опытности сотрудников, подчас на первый план выходит фактор лояльности лидеру. Многое зависит от способности лидера найти баланс между компетентностью членов команды и их лояльностью по отношению к нему. Высокий уровень доверия между лидером и его командой, степень ее сплоченности в значительной степени обуславливают успешность лидерской деятельности.

⁴⁰ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 110.

О критериях эффективности политической деятельности лидера

Лидер должен постоянно доказывать обществу свою дееспособность. В этой связи встает вопрос о критериях эффективности его политической деятельности. Поскольку политическое лидерство — многоуровневый механизм, то и критерии его эффективности целесообразно определять, исходя из нескольких измерений: 1) институциональное или структурное, в рамках которого эффективность лидерства связана с местом и ролью лидера во внутренней структуре политического поля; 2) управленческое, или функциональное, отражающее соответствие достигнутых за определенный промежуток времени результатов тем целям и задачам, которые были заранее запланированы лидером; 3) социально-политическое, отражающее соответствие целей и приоритетов деятельности лидера реальному проблемному полю, запросам и потребностям социальных общностей/общества.

Эффективность политической деятельности лидера определяется многими факторами — его личностными качествами, стратегией политического поведения, особенностями политической системы и текущей политической ситуацией. Многое зависит от способности лидера организовать взаимодействие с различными политическими и социальными институтами, так как для достижения поставленных целей ему необходимо опираться на политические партии, государственные органы, бюрократический аппарат, СМИ. Ключевую роль играет умение лидера использовать те ресурсы, которыми он располагает, — властные, материальные (финансовые), человеческие, информационные и т.д. В России немалое значение имеет “административный” ресурс, который является многоплановым: он обеспечивает доступ к средствам массовой информации, дает рычаги воздействия на различные сферы политики и экономики. Само пребывание на определенной должности может выступать фактором поддержки. Для достижения успеха широко используются и неформальные связи.

Основной критерий эффективности лидерства в функциональном измерении — степень своевременности реализации стоящих перед лидером целей, т.е. сопоставление целей и задач, поставленных лидерами, и реально достигнутых результатов. Применение временного параметра предполагает учет тех лимитов, которые диктуются, во-первых, законодательно ограниченными сроками пребывания лидера на избираемой должности, во-вторых, высокой динамикой современного политического процесса. Порой временная перспектива заставляет изменить оценку тех или иных политических лидеров. Примерами могут служить президенты США Г. Трумэн

(1945–1953), Д.Д. Эйзенхауэр (1953–1961), оценка роли которых со временем претерпела значительные изменения⁴¹. В современной России идет напряженный, исполненный драматизма процесс переосмысления результатов деятельности, исторической роли таких знаковых, и не только для нашей страны, но и для мирового политического процесса, фигур, как В.И. Ленин, И.В. Сталин.

Определение степени эффективности политического лидерства с позиций целедостижения является наиболее распространенным критерием, однако, на наш взгляд, он не может быть единственным. В противном случае следовало бы признать эффективным и лидерство, которое разрушительно для общества, если именно разрушение является сознательно поставленной целью. Поэтому необходимо и такое измерение, как *социально-политическая* эффективность, т.е. способность лидеров поддерживать стабильность и содействовать развитию общества. Социально-политическая эффективность зависит от того, в какой степени цели, задачи и конечные результаты деятельности политического лидера соотносятся с теми запросами и потребностями, которые беспокоят общество. Лидеру важно верно расставить приоритеты в своей политической деятельности. Ключевые индикаторы социально-политической эффективности лидерства — степень сплоченности общества, соответствие политических решений и действий лидеров потребностям и интересам общества, уровень социального благосостояния населения и др.

Важнейшим показателем является уровень *доверия* лидеру (это важнейшая составляющая лидерского капитала). Доверие — это признание достоинств, заслуг и полномочий политического лидера, необходимости, правильности и результативности его действий. (Вспомним известную в психологии пентаду: “*хочет — может — знает — умеет — в состоянии*”). Доверие к лидеру вызывают такие его качества, как компетентность, надежность, верность данным обещаниям, честность в общественной и частной жизни и др. Доверие означает, что люди находятся во внутреннем согласии с лидером, готовы действовать в соответствии с его установками и решениями, он пользуется у них истинным авторитетом. Ведь последователи могут выполнять установки/решения лидера при отсутствии средств принуждения только на основе доверия.

⁴¹ См., например: *Гринстайн Ф.И.* Личность президента и лидерство / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой // Социология власти. 2007. № 1; *Боуз М., Гринстайн Ф.И.* Политика “скрытой руки” против эффективной риторики: разнообразная политическая риторика президента Эйзенхауэра / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой // Социология власти. 2008. № 2; *Самсонова Т.Н.* Дуайт Дэйвид Эйзенхауэр // Социология власти. 2008. № 2.

В современной России проблема эффективности политического лидерства имеет особое значение в силу большой персонификации власти, в связи с острой потребностью в решении целого ряда социально-экономических и политических проблем, с необходимостью осуществления модернизации страны. Политическое лидерство является ключевым субъектом социальной мобилизации элиты и широких слоев населения. Как показывают исследования, настоящим центром консолидации российского общества является Президент РФ В.В. Путин⁴². “Это проявляется и в феноменальном росте его рейтингов, и в новом качестве его поддержки со стороны сторонников, и в признании за ним силы со стороны противников... Образ Президента играет весьма важную роль, вписываясь в традиции отечественной политической культуры”⁴³. Главной задачей, стоящей перед Президентом и другими российскими политическими лидерами, является достижение социальных улучшений при сохранении политической стабильности, что требует учета интересов различных социальных слоев, достижения компромиссов и консенсуса в обществе, его успешного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаир Дж.* Психология власти. М., 2004.
- Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.
- Боуз М., Гринстайн Ф.И.* Политика “скрытой руки” против эффективной риторики: разнообразная политическая риторика президента Эйзенхауэра // Социология власти. 2008. № 2 (пред. и пер. Т.Н. Самсоновой).
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М., 2005.
- Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2007.
- Гринстайн Ф.И.* Личность президента и лидерство / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой // Социология власти. 2007. № 1.
- Замулин А.Л.* Новый взгляд на последователей лидера: теория и управленческая практика // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 8. Менеджмент: научно-теоретический журнал. 2009. № 3.
- Зимбардо Ф., Ляйпне М.* Социальное влияние. СПб., 2001.
- Итвел Р.* Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социологические исследования. 2003. № 3.
- Келлерман Б.* Обновленное лидерство: политика и бизнес. Новосибирск, 2005.

⁴² Рейтинг доверия В.В. Путину составлял в апреле 2016 года 80% // ФОМ: В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы. 2016. 23 апр. URL: <http://fom.ru/posts/10946>

⁴³ Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2015.

Келлерман Б. Идущие за лидером. Как подчиненные создают и меняют своих лидеров. М., 2009.

Котляров И.В. Лидерство как теоретический концепт и объективная реальность: социологические тренды // Социологический альманах. 2014. Вып. 5.

Кричевский Р.Л. Психология лидерства. М., 2007.

Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство. Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. Архангельск, 1996.

Ландсберг М. Лидерство. Видение, вдохновение и энергия. М., 2004.

Маяцкий М.А. Ив Коэн: «Сегодня уже все знают, что лидер “голый”». URL: <http://www.colta.ru/articles/society/1765>

Мейтис В.В., Мейтис В.Ю. Политическая партия: стратегия и управление. Киев, 2004.

Мерриам Ч.Э. Четыре американских партийных лидера / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой, Л.Е. Филипповой // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2–4.

Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб., 2002.

Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2015.

Самсонова Т.Н. Дуайт Дэвид Эйзенхауэр // Социология власти. 2008. № 2.

Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политический лидер в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2. № 71–72.

Соловьев А.И. Принятие государственных решений. М., 2006.

Стаут Л. Лидерство: от загадок к практике. М., 2002.

Тарусин П.В. Институт политического лидерства в формировании государственной политики // Политика. Государство. Управление: Сб. ст. / Сост. А.И. Соловьев, Г.В. Пушкарева. М., 2014.

ФОМ: В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы. 2016. 23 апр. URL: <http://fom.ru/posts/10946>

Фреик Н.В. Политическая харизма: версии и проблемы // Социологические исследования. 2003. № 12.

Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства: Уч. пособ. М., 2004.

Шестопаля Е.Б. Ключевые векторы развития политической психологии // Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2012.

REFERENCES

Adair J. Psihologiya vlasti. M., 2004.

Almond G.A., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii // Politicheskiye issledovaniya. 1992. N 4.

Bass&Stogdill's handbook of leadership: a survey of theory and research / Ed. by B.M. Bass. N.Y., 1990.

Bose M., Greenstein F.I. Politika “skrytoj ruki” protiv ehffektivnoj ritoriki: raznoobraznaya politicheskaya ritorika prezidenta Ehjzenhauehra // Sociologiya vlasti. 2008. N 2.

- Bourdieu P.* Sociologiya social'nogo prostranstva. M., 2005.
- Camau M.* Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes // Autoritarismes démocratiques. Démocraties autoritaires au XXIe siècle. P., 2008.
- Eatwell R.* Vozrozhdenie harizmy? Teoriya i problemy operacionalizacii ponyatij // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 3.
- FOM: V. Putin: rejting, otnoshenie, otsenki raboty. 2016. 23 apr. URL: <http://fom.ru/posts/10946>
- Freik N.V.* Politicheskaya harizma: versii i problem // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 12.
- Gardner J.* The nature of leadership: introductory considerations, leadership papers. Washington, 1986.
- Gemmill G., Oakley J.* Leadership: an alienating social myth? // Social Relations. 1992. Vol. 45. N 2.
- Goleman D., Boyatzis R., McKee A.* Ehmocional'noe liderstvo: iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove ehmocional'nogo intellekta. M., 2007.
- Greenstein F.I.* Lichnost' prezidenta i liderstvo // Sociologiya vlasti. 2007. N 1.
- Howell J.M., Shamir B.* The role of followers in the charismatic leadership process: relationships and their consequences // Academy of Management Review. 2005. Jan. Vol. 30. N 1.
- Jacobs T.O.* Leadership and exchange in formal organizations. Alexandria, 1971.
- Kellerman B.* Bad leadership: what it is, how it happens, why it matters. Boston, 2004.
- Kellerman B.* Obnovlennoe liderstvo: politika i biznes. Novosibirsk, 2005.
- Kellerman B.* Idushchie za liderom. Kak podchinennye sozdayut i menyayut svoih liderov. M., 2009.
- Kelley R.* The power of followership. How to create leaders people want to follow and followers who lead themselves. N.Y., 1992.
- Kotliarov I.V.* Liderstvo kak teoreticheskij koncept i ob'ektivnaya real'nost': sociologicheskie trendy // Sociologicheskij al'manah. 2014. Vyp. 5.
- Krichevskij R.L.* Psihologiya liderstva. M., 2007.
- Kudryashova E.V.* Lider i liderstvo. Issledovaniya liderstva v sovremennoj zapadnoj obshchestvenno-politicheskoy mysli. Arhangel'sk, 1996.
- Landsberg M.* Liderstvo. Videnie, vdohnovenie i ehnergiya. M., 2004.
- Manz C.C., Sims H.P., jr.* SuperLeadership: leading others to lead themselves. N.Y., 1989.
- Mayackij M.A.* Iv Koehn: «Segodnya uzhe vse znayut, chto lider "golyj"». URL: <http://www.colta.ru/articles/society/1765>
- Mejtus V.V., Mejtus V.Yu.* Politicheskaya partiya: strategiya i upravlenie. Kiev, 2004.
- Merriam C.E.* Chetyre amerikanskih partijnyh lidera // Vestnik Moskovskogo Uniersiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2003. N 2–4.
- Northouse P.G.* Leadership: theory and practice. Thousand Oaks, 1997.
- Ol'shanskij D.V.* Politicheskaya psihologiya. SPb., 2002.
- Putin 3.0: obshchestvo i vlast' v novejshej istorii Rossii / Pod red. E.B. Sheshtopal. M., 2015.

Ralph F. Leadership without silver bullets: a guide to exercising leadership. Bloomington, 2010.

Rejai M., Phillips K. Leaders and leadership. An appraisal of theory and research. Westport; L., 1997.

Samsonova T.N. Dwight David Eisenhower // Sociologiya vlasti. 2008. N 2.

Samsonova T.N., Shpuga E.S. Politicheskij lider v ehposu globalizacii // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2012. T. XIV. Vyp. 2. N 71–72.

Shcherbinina N.G. Teorii politicheskogo liderstva: Uchebnoe posobie. M., 2004.

Shestopal E.B. Klyucheveye vektory razvitiya politicheskoy psihologii // Perspektivy razvitiya politicheskoy psihologii: novye napravleniya / Pod red. E.B. Shestopal. M., 2012.

Soloviyev A.I. Prinyatie gosudarstvennyh reshenij. M., 2006.

Spinrad W. Charisma: a blighted concept and an alternative formula // Political Science Quarterly. 1991. Vol. 106. N 2.

Stout L. Liderstvo: ot zagadok k praktike. M., 2002.

Tarusin P.V. Institut politicheskogo liderstva v formirovanii gosudarstvennoj politiki // Politika. Gosudarstvo. Upravlenie. Sbornik statej / Sost. A.I. Solov'ev, G.V. Pushkareva. M., 2014.

Willner A.R. Charismatic political leadership: a theory. Princeton, 1968.

Willner A.R. The spellbinders: charismatic political leadership. New Haven, 1984.

Zamulin A.L. Novyj vzglyad na posledovatelej lidera: teoriya i upravlencheskaya praktika // Vestn. Sankt-Peterburgsk. un-ta. Ser. 8. Menedzhment: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2009. N 3.

Zimbaro P., Lyayppe M. Social'noe vliyanie. SPb., 2001.

Ю.А. Перевезенцева, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И БАЗОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

J.A. Perevezentseva, post-graduate student of faculty of sociology of Lomonosov Moscow State University, e-mail: jperevezentseva@gmail.com

POLITICAL GOVERNANCE AND BASIC ADMINISTRATIVE FUNCTIONS OF THE STATE

В статье рассматривается сущность и специфические особенности политического управления как механизма адаптации политических систем. Рамки политического управления задаются базовыми управленческими функциями государства. Проанализированы такие функции государства, как обеспечение безопасности, распределение общественных благ, легитимное применение насилия и символизация. Способность и возможность осуществления этих функций являются необходимым условием существования государства. В зависимости от того, как реализуются базовые управленческие функции государства, меняется характер политического управления. Процесс политического управления предполагает не только реализацию аппаратом власти и управления своих функций, но и обратную связь. Представление обратной связи с помощью качественной аналитики обуславливает адекватное воспроизводство политической системы. В этой связи также важно отметить необходимость особого типа мотивации государственных служащих. Основой политического управления как профессиональной деятельности является приоритет обеспечения общественных интересов, а не бизнес-логика. Эффективность политического управления определяется, в том числе, устойчивым соответствием системы ценностей аппарата власти и управления морально-этическим принципам государственной службы. Ценности представителей аппарата власти и управления могут отличаться идеологически, однако общим и неизменным должен оставаться приоритет общественных интересов и развития.

Ключевые слова: политическое управление, политическая система, политический процесс, функции государства, государственное управление, политический менеджмент, власть, обратная связь.

The article examines the nature and features of political governance as an adaptation mechanism of political systems. Basic administrative functions of the state establish borders of political governance. Functions of the state such as

* Перевезенцева Юлия Алексеевна, e-mail: jperevezentseva@gmail.com

security, distribution of public goods, the legitimate use of violence and symbolization have been analyzed. The ability to perform these functions is essential to the existence of the state. The nature of political governance changes depending on how basic administrative functions of the state implement. Political governance involves not only the implementation of administrative functions of the state, but also feedback. Representation of feedback via quality analysis determines an adequate reproduction of the political system. In this context it is also important to note the need for a special type of motivation of civil servants. The basis of political governance as a professional activity is the priority of public interests rather than business logic. The effectiveness of political governance is determined by the sustainability of the value system of power and administration to moral and ethical principles of public service. Values of representatives of power and administration may differ ideologically, but the priority of public interests and development should remain common and constant.

Keywords: *political governance, political system, political process, state functions, public administration, political management, power, feedback.*

Стержнем любой политической системы является процесс политического управления. Он подразумевает функционирование в обществе таких политических механизмов, в которых политические субъекты и объекты связаны отношениями управления — власти и обратной связи. Главной функцией политического управления является упорядочение политической системы, приведение ее в соответствие с принятым образцом. Таким образом, система политического управления представляет собой механизм адаптации политической системы, обеспечивающий ее сохранение и стабильность.

Рамки политического управления устанавливаются базовыми управленческими функциями государства, очерчивающими контуры его активности.

К базовым управленческим функциям государства относятся обеспечение безопасности и распределение общественных благ. Реализация этих функций во многом оправдывает само существование государства, поэтому является необходимой. Стоит также отметить монопольный характер данной формы активности. Ключом к пониманию причин единоличного исполнения государством этих функций является генезис государственности. Что касается функции обеспечения безопасности и правопорядка, то заменивший другие формы организации общества институт государства преуспел благодаря двум аспектам. Во-первых, концентрации колоссальных ресурсов и, во-вторых, “мобилизации наибольшего потенциала насилия”¹. Распределительная функция может приобретать раз-

¹ *Olson M. Dictatorship, democracy, and development // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87. N 3. P. 568–569.*

личные очертания в связи с неравномерностью распределения властных ресурсов и наличием различных групп интересов. Отсюда невозможность полностью справедливого способа распределения общественных благ на эгалитаристских принципах². Многообразие претендующих на право быть приоритетными групповых интересов и потребностей зачастую провоцирует нестабильность, что в крайних случаях может привести к разрушению социально-политической системы. Иллюстрацией этого могут быть различные проявления регионализма и сепаратизма, например ситуация с Исламским государством (деятельность которого запрещена на территории России). Не найдя иных способов справиться с подобного рода острыми противоречиями, государство прибегает к силовым методам разрешения конфликта. Это следующая эксклюзивная функция государства.

Только государство обладает возможностью легитимного применения насилия. И, хотя силовой способ разрешения конфликтов редко используется в устойчивых демократических государствах, он является еще одной характерной чертой государства. Наиболее явно подобные методы используются в государствах, которые находятся на пути серьезных трансформаций и преобразований политической или экономической системы. Однако эксклюзивное право на насилие иногда используется государством в целях сохранения и/или укрепления власти политической элиты и обеспечения легитимности действующего режима.

Например, реакция РФ на события в Украине в 2014–2015 гг. убеждает многих в том, что выбор силовой стратегии был продиктован, в том числе, желанием власти упрочить свои позиции внутри страны. Отказ от технологий “мягкой силы”³ в международных отношениях и эксплуатация силовых способов разрешения конфликтов могут привести к использованию таких методов по отношению к собственным гражданам⁴. Применение силовых стратегий в данном направлении часто связано с подавлением общественного недовольства и/или оппозиции. Это приводит к закупориванию каналов выражения гражданами недовольства своим положением и/или действиями аппарата власти и управления. Помимо отсутствия обратной связи и низкого уровня гражданского контроля власти подобные меры ведут к запуску репрессивных механизмов. В такой ситуации государство, как правило, руководствуется не

² См.: *Lerner A.P.* The economics of control. N.Y., 1944. P. 32.

³ См.: *Nye J.* Public diplomacy and soft power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2008. Vol. 616.

⁴ См.: *Петров Н.В.* Россия в 2014-м: скатывание в воронку // *Pro et Contra.* 2014. Т. 18. № 3–4. С. 60

общественными запросами, а узкогрупповыми, клановыми приоритетами, превращаясь в “стационарного, оседлого бандита”⁵.

Не столь однозначная, в отличие от предыдущих, но не менее значимая функция государства связана с технологиями символизации или трансцендентализации. Подразумевается использование неких идейных мотивов в целях интеграции и консолидации населения, снижения уровня конфликтности между властью и обществом, повышения степени управляемости. Инструментами для осуществления данной функции долгое время были религиозные догмы, сегодня в их качестве, как правило, выступают разнообразные социально-политические стратегии гражданской интеграции. Однако нельзя не отметить все более заметный возврат к религии как инструменту консолидации общества. Несмотря на глобальный размах социально-экономической модернизации мы наблюдаем “глобальное возрождение религии”⁶, как отмечает С. Хантингтон и многие другие ученые. Французский религиовед Ж. Кепель предлагает называть данное явление “реванш бога”⁷.

Неоднозначность этой универсальной функции государства подтверждают российские реалии. Речь идет о том, что на протяжении долгого времени в РФ предпринимались попытки создать своего рода консолидирующее мировоззрение, которое принято называть “национальной идеей”. Как выразился В.В. Путин, “А у нас с вами, в России, есть еще такая старинная русская забава — поиск национальной идеи, это что-то вроде поиска смысла жизни”⁸. Стоит напомнить, что в СССР идейная мировоззренческая конструкция находилась в статусе государственной идеологии. Последствия этого узаконения характеризуются серьезными деформациями в институциональной и социокультурной среде посткоммунистической и современной России. Диффузия спровоцировала многие негативные явления постсоветской России, например, появление негражданственности в анти-современном обществе⁹. Это осложняет многие процессы в механизме функционирования политической системы, в том числе процесс социального контроля аппарата власти

⁵ Olson M. Op. cit. P. 568.

⁶ Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. N.Y., 1996. P. 95.

⁷ См.: Kepel J. The revenge of God: the resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the modern world. Cambridge, 1994.

⁸ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 2007. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml> (дата обращения: 28.01.2016).

⁹ См.: Гончаров Д.В. Негражданственность: синдром антисовременного общества. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/2724a1d47911b725962f49e95cab9d22c73a641f.docx> (дата обращения: 28.01.2016).

и управления. Так, перспективы придания официального государственного статуса какой-либо идеологической или религиозной конструкции представляются губительными на современном этапе развития социально-политического процесса. Помимо порождения явных и латентных негативных последствий наличие официальной государственной идеологии также конфликтует с базовыми принципами свободы слова и гарантии прав человека.

Анализ базовых управленческих функций государства позволяет наиболее полно и связно представить процесс политического управления как отношения взаимодействия власти и обратной связи в политической системе. Власть как прямое воздействие и средство влияния политических субъектов на объекты выражается в принятии решений, организации и регулировании. Обратная связь, так же как регулирование, выступает одновременно одним из компонентов механизма социального контроля власти и управления.

Политическое управление подразумевает не только осуществление аппаратом власти и управления своих прямых функций, но и обратную связь. Отношения управления основаны на взаимовлиянии: "...как субъект управления узнает об отклонениях в поведении объекта по его воздействию, так сам объект узнает об этом по регулирующему воздействию субъекта"¹⁰. В связи с этим особую ценность в политическом управлении имеет деятельность политической элиты по сбору и обработке информации о состоянии общества, о среде и о себе. Эта аналитическая работа призвана обеспечить качественное представление обратной связи для адекватного воспроизводства политической системы.

Сегодня многие эксперты, представители властных структур и бизнес-сообщества убеждены в том, что политическое управление, осуществляемое по аналогии с управлением бизнес-процессами, будет наиболее эффективным. Это представляет проблему и требует разъяснения.

Политическое управление и корпоративный тип управления, а также другие бизнес-стратегии могут иметь сходство. Однако основой политического управления как профессиональной деятельности является приоритет обеспечения общественных интересов. Если принять за основу бизнес-логику (стремление к максимизации прибыли), то неизбежно столкновение с рядом проблем.

Первая из них и, пожалуй, решающая заключается в том, что государственный аппарат и политическая элита как аналог бизнес-менеджмента будут заняты, прежде всего, расширением своего влия-

¹⁰ Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. С. 156.

ния или “доли рынка”. При этом общество будет рассматриваться как конкурент, сферу влияния которого необходимо ограничить и сократить. Результатом подобной стратегии политического управления будет усиление авторитарных тенденций в функционирующей политической системы. И, как следствие, вынужденный ослабленный социальный контроль аппарата власти и управления с ослаблением институциональной составляющей. Для того чтобы не допустить подобного сценария, важно различать политическое и бизнес-управление. Государство — это не бизнес, и в условиях, которые бизнесу идут на пользу (например, ослабление внешнего контроля), система политического управления и политическая система деградируют, если ослабление контроля не представляет собой сознательного выбора граждан.

В конечном счете, различия между политическим и бизнес-управлением сводятся к принципиальной разнице между политикой и бизнесом. Она проявляется, главным образом, в мотивации представителей аппарата власти и управления и предпринимателей.

Опыт показывает, что политические убеждения и ценности политической элиты и государственных служащих являются двигателем политического управления. Поэтому справедливо мнение о необходимости особого типа мотивации к деятельности у представителей аппарата власти и управления. Мотивация, основанная на преданности общественным интересам, — ключ к успеху. “Государственная служба общественного доверия требует от сотрудников ставить верность конституции, законам и этическим принципам выше личной выгоды”¹¹. Если система ценностей представителей политической элиты не соответствует морально-этическим принципам государственной службы или отличается неустойчивостью, в их мотивации будет преобладать материальный аспект (“погоня за рентой”). Масштабы злоупотребления властью ради личной выгоды при этом прямо пропорциональны числу государственных служащих с неустоявшейся системой морально-этических ценностей. Также важна твердость политических убеждений государственных служащих. “Мотивацией многих поколений государственных служащих и в России, и в мире при начале собственной бюрократической карьеры были их политические воззрения. Они же являются единственным на сегодняшний день представимым системным ограничителем коррупции во властных структурах и единственной надеждой на то, что системная коррупция в России трансформируется”¹². Эти убеждения могут иметь различный характер, пред-

¹¹ Публичные ценности и государственное управление. Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. М., 2014. С. 283.

¹² *Бутрин Д.* Мундир, айпад и два миллиарда // Блог InLiberty. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2147-Mundir-aypad-i-dva-milliarda> (дата обращения: 13.01.2016).

ставляя собой приверженность либерально-демократическим ценностям или другим, обеспечивающим приоритет общественных интересов и развития.

Итак, процесс политического управления как стержень политической системы обусловлен базовыми управленческими функциями государства. К ним относятся обеспечение безопасности, распределение общественных благ, легитимное применение насилия и символизация. Однако для адекватного воспроизводства политической системы важно не только выполнение государством своих функций и качественная обратная связь. Существенную роль играет понимание политической элитой и государственными служащими специфики политического управления, его отличия от управления бизнес-процессами. Это определяет необходимость наличия особого типа мотивации у чиновников, основу которой составляет преданность общественным интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М., 1969. С. 30–54.

Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.

Бутрин Д. Мундир, айпад и два миллиарда // Блог InLiberty. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2147-Mundir-aypad-i-dva-milliarda> (дата обращения: 13.01.2016).

Гончаров Д.В. Негражданственность: синдром антисовременного общества. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/2724a1d47911b725962f49e95cab9d22c73a641f.docx> (дата обращения: 28.01.2016).

Даль Р. О демократии / Под ред. О.А. Алякринского. М., 2000.

Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ (дата обращения: 15.01.2016).

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011.

Петров Н.В. Россия в 2014-м: скатывание в воронку // Pro et Contra. 2014. Т. 18. № 3–4.

Публичные ценности и государственное управление. Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. М., 2014.

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 2007. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml> (дата обращения: 28.01.2016).

Сетевой анализ публичной политики: Уч. / Под ред. Л.В. Сморгунова. М., 2013.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 2000.

Шабров О. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.

REFERENCES

Allison G.T. Essence of decision. Boston, 1971.

Baumgartner F., Jones B. Policy dynamics. Chicago, 2002.

Bertalanfi L. Fon. Obschaja teorija sistem — obzor problem i rezul'tatov // Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik. М., 1969. S. 30—54.

Burd'e P. Sociologija politiki / Sost., obsch. red. i predisl. N.A. Shmatko. М., 1993.

Butrin D. Mundir, ajpad i dva milliarda // Blog InLiberty. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2147-Mundir-ajpad-i-dva-milliarda> (data obrashhenija: 13.01.2016).

Campbell J.L., Lindberg L.N. Property rights and the organization of economic activity by the state // American Sociological Review. 1990. N 55.

Chirkin V.E. Gosudarstvovedenie. М., 2000.

Deuch K.W. The nerves of government. N.Y., 1963.

Dal' R. O demokratii / Pod red. O.A. Aljakrinskogo. М., 2000.

Dal' R. Poliarhija: uchastie i oppozicija. М., 2010.

Fung A. Varieties of participation in complex governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66.

Goncharov D.V. Negrazhdanstvennost': sindrom antisovremennogo obschestva. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/2724a1d47911b725962f49e95cab9d22c73a641f.docx> (data obrashhenija: 28.01.2016).

Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. N.Y., 1996.

Hantington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka. М., 2003.

Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. М., 2000. URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ (data obrashhenija: 15.01.16).

Kepel J. The revenge of God: the resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the modern world. Cambridge, 1994.

Lerner A.P. The economics of control. N.Y., 1944.

Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. М., 1997.

Nort D., Uollis Dz., Vajngast B. Nasilie i social'nye porjadki. М., 2011.

Nye J. Public diplomacy and soft power // Annuals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616.

Olson M. Dictatorship, democracy, and development // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87. N 3.

Petrov N.V. Rossiya v 2014-m: skatyvanie v voronku // Pro et Contra. 2014. T. 18. N 3—4.

Publichnye cennosti i gosudarstvennoe upravlenie. Kollektivnaja monografija / Pod red. L.V. Smorgunova, A.V. Volkovoj. М., 2014.

Putin V.V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii, 2007. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml> (data obrashhenija: 28.01.2016).

Setevoj analiz publichnoj politiki: uchebnik / Pod red. Smorgunova L.V. М., 2013.

Shabrov O. Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitija. М., 1997.

Simon H.A. Administrative behavior: a study of decision making process in administrative organization. N.Y., 1957.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И УПРАВЛЕНИЯ

Е.Р. Ахметшина, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета*

Т.В. Ключева, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета**

О.В. Полетаева, асп. очной формы Ульяновского государственного технического университета***

ОБРАЗ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СВОБОДНО ЗАНЯТЫХ РАБОТНИКОВ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ

E.R. Akhmetshina, candidate of sociology, associate professor of political science, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University, e-mail: katerina.akhmetshina@rambler.ru

T.V. Klyueva, candidate of sociology, associate professor of political science, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University, e-mail: tatiana.klyueva@gmail.com

O.V. Poletaeva, post-graduate full-time, Ulyanovsk State Technical University, e-mail: polit@ulstu.ru

LIFESTYLE AND SOCIAL WELL-BEING OF FREELANCERS: CROSS-REGIONAL COMPARISONS

Данные проведенного авторами межрегионального социологического исследования дают возможность получить информацию по актуальным аспектам нестандартной формы занятости — свободной занятости — от непосредственных участников этого социального процесса. Авторы статьи демонстрируют, что социальная общность свободно занятых работников (фрилансеров) отличается от других общностей статусными, ценностными и поведенческими характеристиками. В то же время анализ моделей поведения фрилансеров демонстрирует внутреннюю дифференциацию данной группы через различия потребностей в материальных и социальных благах, профессиональных и социальных установках и использовании рекреативных, трудовых и других социальных практик. Внутри фриланс-сообщества сосуществуют востребованные самозанятые специалисты и работники, временно выполняющие фриланс-заказы в дополнение к основной работе. При этом представленные в статье особенности образа жизни фрилансеров снижают социальное самочувствие

* Ахметшина Екатерина Рифовна, e-mail: katerina.akhmetshina@rambler.ru

** Ключева Татьяна Валерьевна, e-mail: tatiana.klyueva@gmail.com

*** Полетаева Ольга Владимировна, e-mail: polit@ulstu.ru

группы и не позволяют им войти в ядро среднего класса регионов, оставляя их в резерве или даже на периферии социальной структуры регионов. “Точками роста” для данной группы являются инициативность, внутренний локус контроля, ориентация на использование собственных ресурсов для решения возникающих проблем, что делает возможным развитие гражданских инициатив.

Ключевые слова: социальная общность свободно занятых, образ жизни и социальное самочувствие фрилансеров, свободно занятые в структуре регионального социума.

The results of the cross-regional social study provide information on the relevant aspects of non-standard form of employment — freelance — obtained directly from participants involved in the social process. The authors demonstrate that the social community of freelancers differs from other communities in status, value and behavioral characteristics. At the same time, analysis of the behavioral models of freelancers shows internal differentiation of this group through different needs in material and social benefits, professional and social attitude and use of recreational, working and other social practices. Both skilled in-demand freelancers and workers with temporary freelance orders in addition to the main job coexist within the freelance community. Particular qualities of freelancers’ lifestyle reduce social wellbeing of the group and do not allow them to enter the segment of the regional middle class, keeping them in “reserve” or even on the periphery of the social structure. “Growing points” for this group are proactivity, internal locus of control and focus on the use of their own resources for solving problems leading to citizens’ initiative development.

Keywords: social community of freelancers, lifestyle and social well-being of freelancers, freelancers in the social structure of regional society.

Формирование общества знаний и информационной экономики предполагает активное использование новых и нестандартных форм занятости. Особую роль в российском обществе начинают играть фрилансеры или свободно занятые работники. Они являются независимыми, самостоятельными работниками, не входящими в штат какой-либо компании; их трудовая деятельность организована иначе и на основе других мотивов. Актуальность исследования этой категории работников связана с рядом явлений на региональных рынках труда¹.

Во-первых, в ходе становления постиндустриального общества заметно возрос интерес к гибким и нестандартным формам занятости, одной из которых является свободная занятость (фриланс). По оценкам специалистов в сфере трудовых отношений, в послед-

¹ Шиняева О.В., Полетаева О.В. Профессионально-отраслевой и демографический состав свободно занятых работников в регионах Поволжья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 63–68.

ние годы нестандартно занятыми в России являются не менее 25% от общей численности трудоспособного населения, которые трудятся в сферах теневой экономики, фриланса, надомного труда. При этом “свободно занятые” (фрилансеры) составляют 10–15% от общего числа работающих граждан.

Во-вторых, в последнее время активно развиваются не только мировые и общенациональные рынки услуг свободно занятых работников, но и региональные сообщества, что является частью процесса становления и развития информационной экономики в регионах. Региональная конкурентоспособность, темпы модернизации в будущем во многом могут зависеть от того, насколько эффективно используется потенциал данной группы занятых.

В-третьих, несмотря на профессиональный характер труда, сложность выполняемых задач свободно занятые не имеют устойчивого положения на рынке труда, гарантий занятости, что делает данную группу уязвимой и требует дополнительного исследования условий успешного функционирования фрилансеров в конкретных регионах.

В-четвертых, в силу специфики свободной занятости важные показатели ее динамики являются скрытыми от экспертов. Социологическое исследование дает возможность получить информацию по актуальным аспектам свободной занятости от непосредственных участников.

Эти аргументы определяют актуальность проведенного в 2015 г. коллективом кафедры ПСиСО УлГТУ исследования “Свободно занятые в социально-трудовом пространстве региона: состав, трудовые практики, социальный статус”². *Задача данной статьи* — на основании результатов проведенного исследования описать образ жизни и социальное самочувствие фрилансеров разных регионов Поволжья.

В российском научном дискурсе проблемы свободно занятых работников как самостоятельной группы в социально-трудовой структуре пока практически не обсуждаются, хотя наличие их не вызывает сомнения. Под термином “свободно занятые” или “фрилансеры” мы понимаем независимых специалистов, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения; они самостоятельно реализуют свои потребно-

² Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Свободно занятые в социально-трудовом пространстве региона: состав, трудовые практики, социальный статус” № 15-13-73601. Выборочная совокупность анкетного опроса составила 1210 наемных работников разных отраслей, проживающих в городах регионов Приволжского федерального округа — Ульяновской и Самарской областей, республики Татарстан.

сти в труде на рынке квалифицированных услуг, не являясь субподрядчиками единственного заказчика.

Оценивая положение российских фрилансеров в трудовом пространстве, исследователи НИУ ВШЭ Д.О. Стребков и А.В. Шевчук отмечают, что они представляют собой неоднородную группу: характер их труда отличается от других категорий занятого населения. Исследователи делят всех занятых на “штатных работников” (69%), “предпринимателей” (17%) и “фрилансеров” (14%)³. Оценивая степень изученности данной проблемы, можно отметить, что существование весомой группы свободно занятых работников в российском обществе признано исследователями и управленцами. Вместе с тем, аспекты формирования и развития данной группы на уровне регионов остаются слабоизученными.

Традиционно образ жизни разделяют на публичный — связанный с взаимодействием с крупными социальными общностями, институтами и группами, и приватный — связанный с взаимодействием с малыми группами, в связи с автономностью работы фрилансеров, прежде всего, семьей. Мы проанализируем академические, профессиональные, общественно-активные и рекреативные практики фрилансеров разных регионов. Социальное самочувствие рассмотрим через оценку фрилансерами состояния страны, региона, своей личной жизни и перспектив в данных областях. В качестве основного условия, влияющего на данные процессы на индивидуальном уровне, мы выделяем характер работы методом фриланс — разовый, временный и постоянный. На реальное поведение и самочувствие свободно занятых работников влияние также могут оказывать возраст, уровень жизни и регион проживания.

Анализ образа жизни фрилансеров покажет, какой модели поведения в большей степени соответствуют современное состояние данной группы — “реактивной” или “проактивной”. В первом случае фриланс как вид деятельности предпочитают те специалисты, которые в силу обстоятельств — напряженность на рынке труда, недостаточность квалификации, необходимость решения семейных проблем — не могут найти постоянную работу. С такой ситуацией часто сталкиваются специалисты в Западной Европе и Северной Америке, где зачастую фриланс не предполагает высокого уровня квалификации и наличия высшего образования. Во втором случае, когда фриланс выступает как “проактивная” стратегия, его выбирают высококвалифицированные специалисты, которые не хотят ограничиваться одной компанией, а реализуют сразу несколько проектов, прежде всего это касается динамично развивающихся от-

³ Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 48–49.

раслей, связанных с информационными и компьютерными технологиями.

Образовательный уровень фрилансеров в российских регионах можно оценить как высокий (табл. 1). С ростом вовлеченности во фриланс как форму занятости возрастает длительность образования: меньше 14 лет (что соответствует уровню незаконченного высшего образования) учились до 40% фрилансеров, выполняющих разовую работу и всего 16% лиц, постоянно работающих преимущественно на фриланс-заказах. Фриланс-работники являются более квалифицированными, по сравнению с общим составом работающего населения. Вклад в это вносит массовизация высшего образования: фриланс-сообщество в основном представлено молодым поколением, а в данной группе высшее образование является скорее нормой.

Фриланс как форма занятости в условиях глобализации рассматривается как вариант включения в мировую экономику. Информационно-коммуникационные технологии, интернет позволяют работать на компании, действующие во всех отраслях знания всего мира. Однако уровень знания языка международного общения, прежде всего, английского, недостаточен для активного включения в данный процесс. Всего около 13% фрилансеров всех категорий и около 20% постоянно занимающихся фрилансом сотрудников свободно владеют английским языком. Причем важно отметить, что ситуация в регионах и центре сходная: видимо, фриланс-сообщество ориентировано прежде всего на поиск клиентов в своем регионе, своей стране. Помимо английского языка фрилансеры владеют немецким — до четверти опрошенных, прежде всего — молодежь, в Татарстане распространенным языком является национальный: татарским там владеют около 18% свободно занятых.

Уровень знания иностранного языка в среде фрилансеров показывает, что для сотрудничества с международными заказчиками требуется либо совершенствование в этой сфере через специальные школы и курсы, либо организация-посредник, которая взяла бы на себя переговоры с иностранными партнерами.

Необходимым условием работы в форме свободной занятости является владение технологиями использования персонального компьютера. В связи со спецификой деятельности, фрилансеры лучше освоили эти технологии, чем представители других социально-профессиональных групп, работники по найму и предприниматели. Половина фрилансеров — опытные, активные пользователи компьютера и компьютерных программ (рис. 1). Интересно отметить, что среди тех, кто выбрал фриланс как постоянную форму занятости, значительно выше, чем по сообществу в целом, доля про-

Образовательный уровень фрилансеров (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

	Всего	Характер фриланса			Регион				Возрастные когорты			
		Разовый	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18-24	25-30	31-45	46 и старше
Общее число лет, затраченных на образование												
До 10 лет	1	1	1	0	2	0	0	1	0	2	0	4
11-14 лет	30	41	31	16	29	30	37	31	30	30	23	33
15-16 лет	59	46	58	76	59	61	49	62	66	52	77	41
17 лет и более	10	12	9	8	11	9	14	6	3	16	0	22
Среднее количество лет	14,8	14,8	14,7	15	14,8	14,9	15	14,7	14,7	14,8	14,7	15,4
Владение английским языком												
Не владею	13	4	17	7	10	16	20	16	10	17	3	18
Читаю, перевожу со словарем	38	38	37	42	30	48	46	46	41	33	46	39
Читаю, могу объясняться	36	46	35	31	44	26	23	28	36	34	46	43
Владею свободно	13	12	11	20	15	10	11	11	13	16	6	0

фессионалов в работе с ЭВМ — программистов (10%) и системных программистов (до 35%). Профессии информационно-технологического профиля достаточно молодые, поэтому практически нет профессиональных фрилансеров в данной области старше 45 лет. В той же группе высока доля пассивных пользователей: видимо, их род работы во фрилансе напрямую с программированием не связан, они специализируются на других областях.

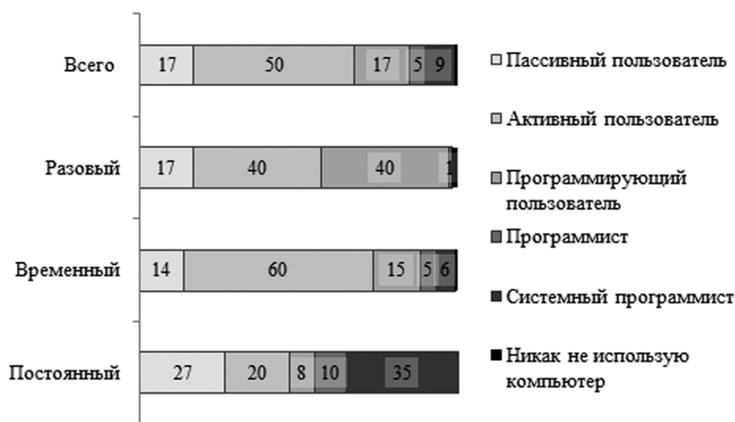

Рис. 1. Уровень использования компьютера фрилансерами в зависимости от характера фриланса (в% от числа опрошенных, n = 1210)

Помимо статических характеристик уровня квалификации — образования, знания иностранных языков, компьютерных программ, — важным является постоянное обновление багажа знаний. Современные темпы “информационной революции” приводят к тому, что знания устаревают каждые пять лет. Следовательно, постоянное их обновление становится “категорическим императивом” и основой конкурентоспособности профессионалов во всех отраслях.

Рассмотрим, какие формы повышения квалификации используют свободно занятые специалисты (рис. 2). В целом, фрилансеры стараются поддерживать свой профессиональный уровень. Наиболее активно различные формы повышения квалификации использовали работники с временным характером фриланса: более половины из них учились в учебных заведениях, старались самостоятельно приобретать новые навыки, свыше 40% совершенствовали навыки работы на компьютере, пятая часть — изучала иностранные языки. Основа этой группы — студенты и недавние студенты, они активно включены во все виды академических практик. Их высокая активность в саморазвитии может быть использована в дальнейшем вне фриланс-деятельности.

Рис. 2. Формы пополнения знаний фрилансерами за последние три года (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

Вызывает озабоченность невысокая активность фрилансеров-профессионалов в практиках собственного профессионального развития: их практически не интересуют курсы иностранного языка, они несколько активней в переподготовке — 12% прошли обучение по новой специальности, но самостоятельное развитие новых навыков и совершенствование имеющихся (например, в работе на компьютере) для них не характерно — менее пятой части занимались этим в течение последних пяти лет. При этом инвестиции в собственный профессиональный капитал — повышение квалификации по своей специальности — крайне редкая для фрилансеров вещь, ее используют не более 7% работников в этой области.

Региональные условия создают инфраструктуру для пополнения знаний фрилансерами. В Ульяновской области до половины фрилансеров приобретали и совершенствовали свои навыки работы на ПК, и особую роль в этом сыграла активность местного ИТ-сообщества. Так, Некоммерческое партнерство содействия развитию интернет-технологий постоянно проводит в сотрудничестве с ве-

душими вузами и местными компаниями обучающие курсы, тренинги, в том числе на бесплатной основе. В Самарской области активнее действует программа профессиональной переподготовки, ее использовали до 12% фрилансеров. В Татарстане большее внимание уделяется повышению квалификации — его прошла пятая часть фрилансеров. Столица обладает большим количеством предложений и форм пополнения знаний, здесь более распространены практики совершенствования иностранного языка, навыков работы за компьютером.

Рекреативные практики фрилансеров отличаются разнообразием. Фриланс как образ жизни предполагает иной баланс свободного времени и работы, по сравнению с традиционной занятостью (табл. 2). Наиболее популярные виды досуга среди фрилансеров — общение с близкими, туризм, активный отдых, общение в интернете, занятия спортом и чтение. При анализе досуговой активности заметна значительная разница между практиками фрилансеров с постоянным и временным характером работы: среди работающих с фриланс-заказами постоянно больше тех, кто занимается рукоделием, кулинарией, домом, творчеством, меньше тех, кто “отдыхает” в интернете, больше тех, кто смотрит телевидение и читает прессу. “Временные” фрилансеры, напротив, чаще пользуются интернетом в свободное время для общения и работы, больше времени уделяют занятиям спортом, чтению, меньше — творчеству и СМИ.

Одним из преимуществ свободной занятости является возможность более свободного планирования личного времени, однако анализ реальных практик показывает, что бюджет свободного времени наемного работника и фрилансера схожи, если фриланс позволяет посвящать несколько больше времени дому и творчеству, то возможности для саморазвития — физического (через спортивную активность) и профессионального (через самообразование) — у работающего по найму и фрилансера достаточно близки.

Важную роль в публичном образе жизни играют *социально-политические практики* и взаимоотношения. Анализ свободного времени показал, что только 12% фрилансеров регулярно принимают участие в социальной активности. Это подтверждается данными об участии свободно занятых работников в деятельности общественных организаций (табл. 3).

В целом, уровень общественной активности фрилансеров соответствует ориентациям и поведению всего занятого населения регионов — он крайне невысок. К активным участникам организаций можно отнести около десятой части свободно занятых, еще около 22% состоят в организациях, остальные устранились от организованных форм гражданской активности.

**Проведение свободного времени фрилансерами
(в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)**

	Все- го	Характер фриланса			Регион			Возрастные когорты				
		Разовый	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Чем Вам чаще всего удастся заниматься в свободное время?												
Общение с близкими, друзьями, родственниками	82	68	84	83	81	82	64	87	82	81	87	79
Туризм, активный отдых	82	68	84	83	81	82	64	87	82	81	87	79
Использование интернета для общения, развлечения	61	33	76	18	65	49	61	61	64	60	50	68
Занятия спортом	54	45	58	42	42	70	45	71	41	65	53	61
Чтение литературы	51	30	58	41	54	41	21	56	61	45	47	25
Использование интернета для работы/учебы	45	15	56	24	41	47	48	52	39	51	47	39
ТВ, видео, радио, пресса	41	39	36	63	36	52	42	43	46	39	23	25
Творчество	41	39	36	63	36	52	42	43	46	39	23	25
Посещение кино, развлекательных центров	26	18	30	15	22	42	30	27	21	33	13	29
Посещение ресторанов, кафе, ночных клубов	18	17	19	15	15	29	30	18	13	24	7	32
Самообразование (изучение языков, комп. программ)	15	17	14	17	13	27	9	13	8	22	10	11

	Все- го	Характер фриланса			Регион				Возрастные когорты			
		Разовый	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Шопинг	14	24	13	3	10	26	21	12	4	18	20	46
Посещение театров, выставок, концертов	12	7	13	14	10	19	15	12	9	16	3	18
Участие в обществен- ной и/или политиче- ской жизни	12	22	12	3	9	25	3	16	11	15	3	7
Рукоделие, кулинария, создание уюта в доме	8	33	7	15	9	27	12	13	4	22	13	4
Работа в саду, огороде	5	1	6	6	5	10	9	3	2	6	10	21
<i>Другое</i>	<i>45</i>	<i>15</i>	<i>56</i>	<i>24</i>	<i>41</i>	<i>47</i>	<i>48</i>	<i>52</i>	<i>39</i>	<i>51</i>	<i>47</i>	<i>39</i>

Обратим внимание на то, что социальная пассивность, ограничение социальных контактов с общественными организациями растут по мере увеличения вовлеченности во фриланс (три четверти “постоянных” фрилансеров не состоят ни в одной общественной организации) и по мере увеличения возраста фрилансеров (с общественными организациями не имеют контактов три четверти фрилансеров в возрасте 31–45 лет и 86% фрилансеров старше 46 лет). Региональные условия социальной активности также различны: более активны фрилансеры Ульяновска (прежде всего за счет ИТ-сообщества), а также Татарстана — большое количество НКО республики позволяет реализовать интересы некоторой части фриланс-сообщества. Хотя даже в этих регионах деятельность общественных организаций охватывает не более 35–40% фрилансеров.

В зависимости от оценок ситуации в стране и регионе, установок и ожиданий фрилансеров формируется *социальное самочувствие* данной группы как интегральный показатель удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем, состоянием обустроенности в регионе и стране, степени адаптированности группы к социальной действительности.

Таблица 3

Участие фрилансеров в работе общественных организаций (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

	Всего	Характер фриланса			Регион				Возрастные когорты			
		Разовый	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18-24	25-30	31-45	46 и старше
1. Да, принимаю активное участие	9	20	6	14	10	3	12	10	13	7	3	0
2. Состою, но активного участия не принимаю	22	20	25	11	29	21	24	9	18	27	21	14
3. Нет	69	61	69	75	61	77	65	81	69	66	76	86

Основу социального самочувствия составляет *оценка состояния жизни в регионе, стране, ближнем круге*. Мнения представителей фриланс-сообщества относительно ситуации в стране соответствуют общим настроениям работающего населения и являются сильно дифференцированными (рис. 3). Фрилансеры несколько ярче, чем занятое население в целом оценивают перемены, происходящие на уровне государства — больше как положительных, так и отрицательных оценок, однако в целом, в связи со сложной экономической ситуацией, отрицательные оценки перемен последнего времени преобладают.

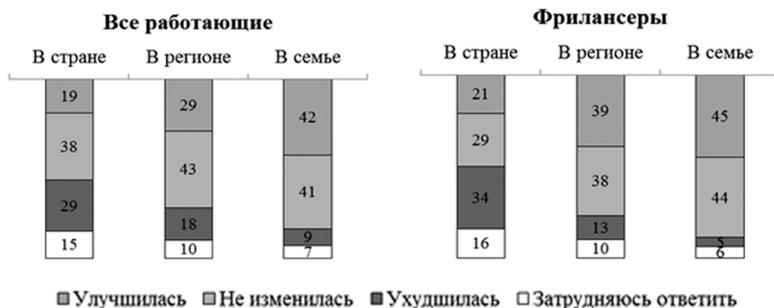

Рис. 3. Характер изменений уровня жизни на разных уровнях (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

Со снижением “уровня территории”, растет доля отмечающих улучшения на этом уровне. Так, улучшение жизни в стране отмечают 21% фрилансеров, в Татарстане — 23%, в Ульяновской и Самарской областях — около трети опрошенных, наиболее позитивны в оценках жители столичных городов — 57% отмечают улучшение жизни в Москве и Санкт-Петербурге.

Происходящие перемены в личной жизни фрилансеры оценивают более позитивно — около 45% отмечают позитивные сдвиги. Представители молодых возрастных групп, до 30 лет, отмечают больше позитивных сдвигов: этот период жизни может характеризоваться позитивными изменениями, не связанными напрямую с ситуацией в стране и регионе и имеющими личный характер (создание семьи, трудоустройство, рост независимости).

В современных условиях, в которых различия между регионами России по уровню развития и доходов населения резко возросли, учет территориальных факторов в формировании социального самочувствия фрилансеров приобретает все более весомое значение. Для активного развития фриланс-деятельности в условиях модернизации всех сфер экономики требуется, чтобы регион обладал зна-

чительным инновационным потенциалом, высоким уровнем жизни, развитой образовательной и финансовой инфраструктурой. Анализ оценок *условий жизни в регионе* показывает следующее: фрилансеры более критично настроены по отношению к индикаторам социального развития территории, чем занятое население в целом (табл. 4).

Таблица 4

Оценка условий жизни в регионе (в баллах, max = 5; n = 1210)

	Всего в оценках занятого населения	Всего в оценках фрилансеров	Фрилансеры: регион			
			Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб
Инновационный потенциал региона	2,80	2,67	2,74	2,52	3,11	2,52
Уровень жизни населения	2,62	2,44	2,38	2,69	3,17	2,21
Доступность качественного образования	3,00	2,93	2,99	3,04	3,71	3,42
Наличие и доступность банковских, кредитных услуг	3,32	3,25	3,14	3,71	3,46	3,16
Условия для создания собственного дела	3,14	3,18	3,07	3,42	3,29	3,28

Фрилансеры оценивают характеристики инновационности регионов на уровне “средний — выше среднего”. В целом, более высоко оцениваются наличие и доступность банковских услуг, условия для создания собственного дела. Уровень жизни населения и инновационный потенциал оцениваются как средние, причиной тому могут быть экономический спад и трудности модернизации, технологические и социальные. Наибольший инновационный потенциал, в оценках населения — у республики Татарстан. Неудивительно, что амбициозный проект развития информационных технологий “Иннополис” базируется именно в этом регионе. Несмотря на объективно высокий потенциал крупные города — Москва и Санкт-Петербург — получили невысокие оценки по критериям инновационности и уровня жизни. Возможные причины — высокая поляризация населения, уровень доходов фрилансеров в столицах объективно

несколько выше, чем в регионах, однако уровень жизни субъективно может оцениваться ниже.

Общее социальное самочувствие фрилансеров можно описать как проблемное. В среднем только десятая часть представителей данной группы полностью удовлетворена всеми обстоятельствами своей жизни, около 60% — скорее удовлетворены. Отношение к собственному положению меняется в зависимости от характера работы и региона проживания (рис. 4).

Рис. 4. Удовлетворенность жизнью (индекс, min = -1, max = 1, n = 1210)

Более удовлетворены условиями “укорененные” члены фриланс-сообщества — те, кто рассматривает фриланс как постоянную форму работы, представители более старших возрастных групп (от 30 лет). Также высокий уровень удовлетворенности жизнью характерен для тех, кто выполняет разовые заказы методом фриланс: возможно, другие сферы жизни (основная работа или учеба, семейная жизнь и взаимопомощь) позволяют этой группе испытывать положительные эмоции и удовлетворенность от жизни в целом.

Социальное самочувствие складывается из *уровня притязаний и реальных достижений* индивида. Оценка уровня притязаний фрилансеров показывает, что в целом группа ориентирована на социально-экономические цели. Многие фрилансеры рассматривают свой род деятельности сейчас как основу для предпринимательства. Инвестировать средства в собственное дело хотели бы свыше четверти фрилансеров и половина из тех, кто занимается фрилансом на постоянной основе (табл. 5).

Важным для фрилансеров является решение жилищного вопроса, приобретение автомобиля. Слабая сторона — недооценка ценности образования: готовы тратить средства на развлечения и отдых

Таблица 5

Потенциальные потребности в материальных и социальных благах (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

	Характер фриланса			Регион				Возрастные когорты				
	Всего	Разовый	Временный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18–24	25–30	31–45	46 и старше	
		Постоянный										
Если бы Вы выиграли полмиллиона рублей, на что бы вы их потратили ...												
Инвестиции в собственное дело	27	32	20	51	19	40	26	35	28	25	26	29
Улучшение жилищных условий	25	20	31	4	31	23	26	14	18	30	24	43
Покупка автомобиля	21	16	25	4	21	3	17	31	30	14	21	0
Отдых, путешествия	8	4	8	12	9	5	11	5	8	8	9	4
Развлечения	7	17	7	2	6	12	6	8	7	10	0	0
Сбережения	3	2	2	8	4	5	0	0	1	5	0	7
Покупка дачи	1	0	1	1	2	0	3	0	0	2	0	7
Образование	1	5	1	1	3	0	0	0	2	1	0	4
Другое	7	5	5	17	5	12	11	7	7	6	21	7

	Всего	Характер фриланса			Регион				Возрастные когорты			
		Разовый	Временный	Постоянный	Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	Москва, СПб	18-24	25-30	31-45	46 и старше
За последние три года удалось...												
Повысить уровень своего материального положения	54	43	56	57	57	45	29	59	59	52	53	32
Получить повышение или найти лучшую работу	50	23	57	43	51	44	41	56	62	40	65	21
Улучшить жилищные условия	28	7	28	47	22	45	26	31	23	32	32	32
Повысить уровень образования/квалификации	39	21	41	47	35	29	47	48	48	36	12	0
Сделать дорогие приобретения (квартиру, автомобиль, мебель)	9	26	5	8	10	9	9	7	2	17	6	11
Побывать в другой стране	8	11	4	23	9	8	26	4	5	10	21	7
Открыть собственное дело	10	20	7	14	13	3	6	11	13	9	3	7
Ничего из перечисленного	10	16	7	22	10	14	9	9	6	8	21	54

по 7–8% фрилансеров, на образование — всего 1%. Уровень жизни фрилансеров таков, что значительные сбережения представители данной группы делать не планируют, что также повышает социальную нестабильность в группе.

Фриланс-занятость способствует экономическому росту: более половины опрошенных отмечают повышение уровня благосостояния, половина в последние три года профессионально выросли, 10% смогли открыть собственное дело, хотя для населения в целом период кризиса характеризуется снижением доходов, особенно исследователи выделяют сокращение доли предпринимательских доходов и доходов от собственности в структуре доходов населения⁴. Отметим и негативную сторону: 22% фрилансеров, работающих на постоянной основе, не имеют значимых профессиональных, экономических, академических достижений. Установки и самочувствие формируют реальную *модель поведения* индивида в условиях кризиса. Фрилансеры, по сравнению со всем занятым населением, занимают более активную позицию, однако заметны различия в зависимости от характера фриланс-деятельности (рис. 5).

Рис. 5. Модель поведения в условиях кризиса в зависимости от характера фриланса (в % от числа опрошенных фрилансеров, n = 1210)

Более молодая группа “разовых” фрилансеров обладает значительным протестным потенциалом и больше настроена на выжидательную тактику. Это может быть свидетельством наличия внешнего “локуса контроля”: ответственность за состояние экономики и личное положение в условиях кризиса данная группа возлагает на федеральные и региональные власти, от них же многие ждут реше-

⁴ Сафиуллин А.Р. Формирование благосостояния населения: современные тенденции и Россия. М., 2016. С. 168.

ния собственных проблем. Автономная занятость “временных” и “постоянных” фрилансеров формирует внутренний локус контроля: свыше 70% в данных группах ориентированы на мобилизацию, активную работу, использование собственных ресурсов для разрешения возникающих проблем. Такая позиция наиболее характерна для жителей столиц (78%), представителей обеспеченных слоев (до 87%).

Итак, социальная общность свободно занятых работников отличается от других общностей статусными, ценностными и поведенческими характеристиками. Анализ образа жизни и социального самочувствия фрилансеров позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, фриланс-сообщество характеризуется внутренней неоднородностью, в него включены работники, временно и разово выполняющие фриланс-заказы, а также востребованные самозанятые специалисты.

Во-вторых, особой зоной риска для фрилансеров является сфера повышения квалификации: большинство фрилансеров, в условиях сокращенных ресурсов и возможностей профессионального роста несмотря на изначально высокий потенциал вынуждены отказываться от различных форм повышения квалификации и избирать экстенсивный путь профессионального развития — увеличение количества заказов.

В-третьих, пока фриланс не предполагает значительных преимуществ в образе жизни: отсутствие социальной защиты и возможностей развития человеческого капитала (здоровья и знаний), социальная эксклюзия, исключение фрилансеров из всех видов социальных связей, помимо семейных, снижают социальное самочувствие группы.

В-четвертых, “точками роста” для данной группы является ориентация на самостоятельное решение собственных проблем, что делает возможным развитие гражданских инициатив в формате клубов или профессиональных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые группы наемных работников в современном российском обществе // Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М., 2015. С. 42–60.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47–57.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы. М., 2012.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Наемные работники в России — контуры формирующейся социальной общности. Saarbrücken, 2013.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Основные характеристики социальной динамики наемных работников в России // Вестн. ВЭГУ. 2015. № 1(75). С. 23–33.

Голицусова Ю.В., Голенкова З.Т. Проблемы формирования человеческого капитала у прекаризированных наемных работников // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сб. ст. Всероссийск. науч.-практ. конф. (Уфа, 19–20 ноября 2015 г.) / Под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. Уфа, 2015. С. 67–72.

Горшков М.К. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М., 2007. URL: <http://www.isgas.ru/>

Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах. Мат-лы докладов междунар. науч. конф., 10–12 августа 2014 г., г. Улан-Батор / Под ред. В.А. Ядова, Ц. Цэцэнбилэг. М.; Улаанбатаар, 2014.

Карачаровский В.В., Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Культура и Модернизация в зеркале взаимодействия российских и иностранных профессионалов в мультинациональных трудовых коллективах в России // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 67–77.

Мансуров В.А. Социология профессий: история, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.

Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015.

Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В.А. Мансурова. М., 2009.

Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Коллективная монография / Под ред. В.А. Мансурова. М., 2013.

Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб., 2006.

Сафиуллин А.Р. Формирование благосостояния населения: современные тенденции и Россия. М., 2016.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 45–55.

Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М., 2005.

Шиняева О.В., Полетаева О.В. Профессионально-отраслевой и демографический состав свободно занятых работников в регионах Поволжья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 63–68.

Шиняева О.В., Полетаева О.В. Свободно занятые работники в социально-профессиональном пространстве: методология и методика исследования // Азимут научных исследований. 2015. № 2. С. 148–153.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

REFERENCES

Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Novyye gruppy naemnykh rabotnikov v sovremennom rossiyskom obschestve // Neustoychivost zanyatosti (prekarizatsiya): osobennoe i obschee s uchetom integratsionnykh usiliy gosudarstva i obschestva / Glav. nauch. red. V.N. Bobkov. M., 2015. S. 42–60.

Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Prekariat kak novaya gruppa naYomnykh rabotnikov // Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii. 2015. N 1 (195). S. 47–57.

Golenkova Z.T., Igithanyan E.D. Sotsialnyie gruppyi sovremennoy Rossii: genezis, realnost, perspektivy. M., 2012.

Golenkova Z.T., Igithanyan E.D. Naemnyie rabotniki v Rossii — konturyi formiruyusheysya sotsialnoy obschnosti. Saarbruken, 2013.

Golenkova Z.T., Igithanyan E.D. Osnovnyie harakteristiki sotsialnoy dinamiki naemnykh rabotnikov v Rossii // Vestn. VEGU. 2015. N 1(75). S. 23–33.

Goliusova Yu.V., Golenkova Z.T. Problemy formirovaniya chelovecheskogo kapitala u prekarizirovannykh naYomnykh rabotnikov // Razvitie chelovecheskogo potentsiala kak uslovie i faktor modernizatsii Rossii i ee regionov: sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ufa, 19–20 noyabrya 2015 g.) / Pod red. R.M. Valiahmetova, G.F. Hilazhevoy. Ufa, 2015. S. 67–72.

Gorshkov M.K. Rossiyskaya identichnost v sotsiologicheskom izmerenii. Analiticheskiy doklad. M., 2007. URL: <http://www.isras.ru/>

Identichnosti, protsessyi sotsialnoy integratsii i dezintegratsii v transformiruyuschihsya obschestvakh. Materialy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 10–12 avgusta 2014 g., g. Ulan-Bator / Pod red. V.A. Yadova, Ts. Tset-senbileg. M.; Ulaanbataar, 2014.

Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. Kultura i modernizatsiya v zerkale vzaimodeystviya rossiyskikh i inostrannykh professionalov v multinatsionalnykh trudovykh kolektivakh v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. N 8. S. 67–77.

Mansurov V.A. Sotsiologiya professiy: istoriya, metodologiya i praktika issledovaniy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. N 8. S. 36–46.

Mansurov V.A., Yurchenko O. The Anglo-American and Russian sociology of professions: comparisons and perspectives // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. M., 2011. P. 54–68.

Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii / Otv. red. Z.T. Golenkova. M., 2015.

Professionalnyie gruppyi: dinamika i transformatsiya / Pod red. V.A. Mansurova. M., 2009.

Professionalny v epohu reform: dinamika ideologii, statusa i tsennostey. Kollektivnaya monografiya / Pod red. V.A. Mansurova. M., 2013.

Sotsiologiya truda. Teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar / Otv. red. V.A. Yadov. SPb., 2006.

Safiullin A.R. Formirovanie blagosostoyaniya naseleniya: sovremennyye tendentsii i Rossiya. M., 2016.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Frilanseryi na rossiyskom rynke truda // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2010. N 4. S. 45–55.

Toschenko Zh.T. Sotsiologiya truda: opyt novogo prochteniya. M., 2005.

Shinyaeva O.V., Poletaeva O.V. Professionalno-otraslevoy i demograficheskiy sostav svobodno zanyatyih rabotnikov v regionah Povolzhya // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennyye nauki.* 2015. N 3. S. 63–68.

Shinyaeva O.V., Poletaeva O.V. Svobodno zanyatiye rabotniki v sotsialno-professionalnom prostranstve: metodologiya i metodika issledovaniya // *Azimuth nauchnykh issledovaniy.* 2015. N 2. S. 148–153.

Shkaratan O.I. Expectations and reality. Social mobility in the context of equal opportunities // *Sociological Research.* 2012. Vol. 5. N 3. P. 38–70.

Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. Prekariat: teoriya i empiricheskiy analiz (na materialah oprosov v Rossii, 1994–2013 gg.) // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2015. N 12. S. 99–110.

Shkaratan O.I., Yastrebov G. Russian neo-etacratc society and its stratification: discovering real social groups // *Journal of Communist Studies and Transition Politics.* 2010. Vol. 26. N 1. P. 1–24.

Shkaratan O.I., Yastrebov G. A Comparative analysis of the processes of social mobility in the USSR and in today's Russia // *Russian Education and Society.* 2012. Vol. 54. N 5. P. 24–26.

- Ф.А. Дудуева**, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*
- А.Е. Липатова**, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**
- А.И. Пашко**, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова***
- М.А. Семихова**, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова****
- Я.А. Третьяков**, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*****

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ И ЗАНЯТОСТЬЮ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

- F.A. Dudueva**, post-graduate students of sociological faculty of Moscow State University, e-mail: fariza-elvira@mail.ru
- A.E. Lipatova**, post-graduate students of sociological faculty of Moscow State University, e-mail: lipatova.alex@gmail.com
- A.I. Pashko**, post-graduate students of sociological faculty of Moscow State University, e-mail: alexander_pashko@bk.ru
- M.A. Semikhova**, post-graduate students of sociological faculty of Moscow State University, e-mail: semikhova.maria@yandex.ru
- Y.A. Tretyakov**, post-graduate students of sociological faculty of Moscow State University, e-mail: yartret@mail.ru

MODERN RESEARCHES OF PERSONNEL. SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PERSONNEL MANAGEMENT AND EMPLOYMENT IN DISSERTATION RESEARCHES

Статья основана на диссертациях кандидатов и докторов наук, защищенных в последнее десятилетие по тематике управления персоналом и занятости в целом. В статье рассматриваются особенности профессионального развития персонала в современной России. Ввиду развития информационных технологий подчеркивается необходимость использования технологии управления знаниями в качестве основы профессионального развития личности. В данной связи особое внимание уделяется вопросу развития персонала сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также отмечается важность влияния трансфор-

* Дудуева Фариза Арсланбековна, e-mail: fariza-elvira@mail.ru

** Липатова Александра Евгеньевна, e-mail: lipatova.alex@gmail.com

*** Пашко Александр Игоревич, e-mail: alexander_pashko@bk.ru

**** Семихова Мария Александровна, e-mail: semikhova.maria@yandex.ru

***** Третьяков Ярослав Андреевич, e-mail: yartret@mail.ru

мации отечественной системы образования на развитие персонала в России, в частности ее переход к компетентностному подходу. В статье также выделяются ключевые факторы трудовой мотивации различных категорий работников, современные модели материальной и нематериальной мотивации персонала, особое внимание уделяется модели деструктивной мотивации. В условиях транзитивной экономики немаловажно выделить особенности занятости нового типа и соответствующие ей способы организации трудовой деятельности в глобализирующемся, постиндустриальном обществе. В связи с этим отдельное внимание уделяется рассмотрению механизмов эффективного управления занятостью в социально-ориентированной рыночной экономике. Помимо этого, отмечается потребность проведения активной политики занятости в России, что обуславливает необходимость восполнения дефицита рабочей силы в стране. В качестве одного из наиболее эффективных способов решения данной проблемы выступает трудовая миграция.

Ключевые слова: мотивация персонала, деструктивная мотивация, профессиональное развитие персонала, трудовой потенциал, информационное общество, компетентностный подход, трудовая миграция, социальная адаптация, нестандартная занятость, управление занятостью населения.

The article is based on dissertation papers of PhD and Ph.D. defended in the last decade on the subject of human resource management and employment in general. The article discusses the features of professional development in modern Russia. In view of the development of information technology the need to use knowledge management technologies as a basis for professional development of the individual is highlighted. In this regard, particular attention is paid to the development of the ICT sector personnel, and it is noted the importance of the impact of the transformation of the national education system in the development of personnel in Russia, in particular the transition to a competence-based approach. The article also highlights key factors of motivation of different categories of employees, current models of material and immaterial motivation, special attention is paid to the destructive model of motivation. In the conditions of transitive economy it is important to highlight the features of a new type of employment and the corresponding ways of organizing work in a globalized, post-industrial society. In this regard, special attention is paid to the mechanisms for effective management of employment in the social market economy. Moreover, there is a need of an active employment policy in Russia, resulting in the need to fill labor shortages in the country. One of the most effective ways to solve this problem is the labor migration.

Keywords: employee motivation, destructive motivation, professional development of personnel, labor potential, information society, competence-based approach, labor migration, social adaptation, non-standard employment, management of employment.

Область профессионального развития персонала, представляющая собой одну из значимых составляющих социологии управления,

является объектом ряда научных исследований. Каждый исследователь привносит свой уникальный акцент в научное знание, рассматривая развитие персонала с различных точек зрения, обусловленных воздействием наиболее актуальных социальных факторов.

Одним из таких факторов является развитие информационных технологий, порождающее принципиально новую основу профессионального развития личности — технологию управления знаниями. Под воздействием этого фактора изменения происходят на различных уровнях общества: глобальном, государственном, региональном. В предыдущие эпохи, когда указанные изменения происходили более медленными темпами, у человека оставалось больше времени на осмысление новой информации и внедрение инноваций в повседневную практику. Однако в современных условиях, в которых резко возросло информационное и технологическое давление на личность, количество времени, отведенное на освоение информации, сократилось. Более того, само общество стало поощрять новый тип человека, способного в кратчайшие сроки воспринять новые знания. В этих условиях следует говорить уже не только об обучении персонала, которое направлено на освоение внедряемых технологий, но и о профессиональном развитии, позволяющем включить мотивационную составляющую личности в процесс получения знаний, тем самым повысив эффективность трудовой деятельности персонала¹.

Позитивными социальными последствиями развития информационных технологий являются расширение когнитивных, коммуникативных возможностей человека и изменение социального взаимодействия в организации за счет использования новых средств коммуникации. Соответственно, становится возможным приход значительного числа многосторонне развитых специалистов на смену узкоспециализированным, менее удовлетворяющим потребностям организаций, а также происходит оптимизация процесса коммуникации в организациях.

Не менее важным в контексте развития информационных технологий представляется вопрос развития персонала непосредственно сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), работающего во многих организациях. Одними из наиболее важных стратегических задач в масштабах национальных экономических систем становятся наращивание и укрепление научно-технического потенциала, создание новых товаров и услуг. Требования к специалистам по информационным технологиям уже включают умения не

¹ См.: Дремова Ю.Г. Профессиональное развитие личности в организациях на основе технологий управления знаниями: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2008.

только проектировать и разрабатывать информационные системы, но и управлять инфраструктурой этих систем. Указанную тенденцию ускоряет необходимость внутриорганизационной интеграции технических средств, программного обеспечения, средств телекоммуникации, информации, и внешней интеграции — в первую очередь, интеграции с контрагентами.

Перед специалистами, занятыми развитием персонала, работающего в сфере информационных технологий, стоит задача создавать максимально востребованные программы развития, учитывающие многообразие профессий и функционально-квалификационных потребностей специалистов в сфере информационных технологий. Решению данной задачи может способствовать создание карт компетенций специалистов, наиболее востребованных на российском рынке труда. Успешная деятельность в направлении развития персонала сферы информационных технологий позволяет повысить эффективность управления².

Другим социальным фактором, оказывающим большое влияние на развитие персонала в России, является трансформация отечественной системы образования, в частности ее переход к компетентностному подходу.

В последние десятилетия в российском образовании сменилось три поколения образовательных стандартов. Современные образовательные стандарты в оценке профессионализма обучающихся содержат акцент на наличии одновременно знаний, навыков и умений, которые специалист может реально продемонстрировать в процессе труда, что, несомненно, важно и актуально для организаций и повышения эффективности их деятельности³.

В самих организациях, как показывает практика, управление развитием профессиональной компетентности реализуется только частично и смещено в основном в сторону функции отбора персонала. Очевидно, что полное принятие компетентностного подхода одновременно в сфере образования и экономической сфере даст большую эффективность от использования трудовых ресурсов. Причем если от образовательных организаций в этом направлении потребуются развитие и совершенствование компетентностного подхода, предусмотренного образовательными стандартами, в процессе обучения, то в сфере управления персоналом от организаций по-

² См.: *Васильев К.А.* Развитие профессиональной компетентности персонала организации в сфере информационно-коммуникационных технологий: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2012.

³ См.: *Нечепуренко Ю.С.* Управление развитием профессиональной компетентности персонала в российских трудовых организациях: на примере Европейского региона России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2007.

требуется расширение методологии этого подхода на всю сферу, выход за рамки отдельных функций управления персоналом. Кооперация, плотное взаимодействие “производителей” и “потребителей” специалистов на рынке труда позволяет синхронизировать набор ожидаемых и реальных компетенций.

Компетентностный подход, в свою очередь, подразумевает переосмысление процедуры оценки персонала. В силу того, что процесс роста компетенций происходит посредством межличностного взаимодействия в организации, соответствующая оценка компетенций должна включать в себя не только статический, но и динамический (приращение компетенций в процессе трудовой деятельности) аспект. Научные разработки в области социологии управления позволяют проводить учет обоих аспектов оценки компетенций на основе применения модели корпоративной системы управления компетенциями организации, интегрирующей положения целого ряда научных школ и подходов. Данная модель обеспечивает процесс онтогенеза, динамический характер обмена и трансформации знаний и компетенций в организации в ключевые организационные компетенции⁴. Взаимный обмен знаниями, взаимное дополнение компетенций сотрудников позитивным образом сказываются на решении стратегических и тактических задач организации.

В своих работах некоторые исследователи делают акцент на развитии в первую очередь управленческого персонала организации.

Во-первых, это может быть обусловлено тем фактом, что на рынке труда наблюдается значительный дефицит предложения именно в секторе квалифицированных управленческих кадров. В сложившихся условиях абсолютно оправданной является нацеленность организаций скорее на развитие собственных управленцев, чем на привлечение специалистов извне. В долгосрочной перспективе результатом построения эффективной и непротиворечивой системы развития управленческого персонала является формирование стратегического потенциала организации.

Во-вторых, современная ситуация в экономике может быть охарактеризована постоянно возрастающей сложностью и разнообразием управленческих задач. “Стремясь адаптироваться к этим тенденциям, компании изменяют свое поведение и структуру; происходит процесс развития управления, который несет в себе механизмы воспроизводства, закрепления, распространения и практического воплощения таких качеств организации, как гибкость и адаптивность к изменениям, постоянное совершенствование

⁴ См.: *Заика М.М.* Оценка уровня развития компетенций персонала в корпоративной системе управления знаниями: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2012.

и инновационность”⁵. Управленческий персонал является перво-степенным источником и проводником процесса развития организации. Более того, именно действия управленческого персонала определяют этот процесс.

Важными особенностями процесса развития управленческого персонала являются учет стадии развития организации, а также учет многообразия управленческих позиций в организационной структуре. Игнорирование этих особенностей может повлечь за собой снижение эффективности и ошибки в процессе развития персонала организации.

Следует также отметить, что научные дискуссии о развитии персонала постепенно смещаются от обсуждения конкретных направлений развития в сторону расширения трудового потенциала сотрудников в целом. Этот подход является абсолютно оправданным для организаций, поскольку в условиях конкуренции каждая компания стремится заполучить уникального специалиста, имеющего набор компетенций, выходящий за рамки должностной инструкции⁶. Такие специалисты помимо поддержания внутриорганизационных процессов способны придать новый импульс развитию организации. Соответственно, присутствие темы развития трудового потенциала в сфере интересов ученых и специалистов по управлению персоналом более чем оправдано.

Другой важной функцией управления персоналом является его мотивация. Формирование позитивной мотивации способствует раскрытию трудового потенциала человеческих ресурсов, формируемого в процессе профессионального развития, и приводит к повышению конкурентоспособности организации. В настоящее время интерес к данной проблеме возрос: ученые изучают мотивацию различных категорий работников, выявляют ключевые факторы мотивации и предлагают на основании этого свои модели.

По результатам исследования И.В. Ильина можно заключить, что в основе любой мотивации сотрудников вне зависимости от занимаемой позиции лежит так называемая “мотивация на результат” (т.е. определенные достигнутые сотрудником результаты поощряются работодателем), конкурентная заработная плата (не ниже средней по рынку для данной позиции) и перспективы развития, прослеживаемые на регулярной основе⁷.

⁵ См.: *Кондратьев Э.В.* Концепция и механизмы развития управленческого персонала предприятия: Дисс. ... докт. эконом. наук: 08.00.05. Пенза, 2012.

⁶ *Юрасова М.В.* Проблемы измерения современного менеджмента // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1.

⁷ См.: *Ильин И.В.* Социальные и духовно-нравственные факторы трудовой мотивации: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2012.

Однако как показывает ряд исследований, в настоящее время факторы трудовой мотивации перестали быть универсальными. Прослеживаются различия в мотивации работников умственного и физического труда. Работники умственного труда придают больше значения интересным задачам на работе, возможности повышения, осознанию собственной значимости для компании. В то время как для работников физического труда более важными являются благоприятные условия труда, социальные льготы, справедливые отпуска и достаточные перерывы для отдыха⁸.

Определенная асимметрия в факторах трудовой мотивации наблюдается и среди различных поколений, работающих в рамках одной компании, Б.В. Черников установил, что сегодняшняя структура человеческих ресурсов компании состоит из четырех поколений сотрудников: молчаливое поколение (65 лет и старше), беби-бумеры (44–64 года), поколение X (26–43 года), поколение Y (до 25 лет). Каждое поколение приходит в компанию со своими ценностями, сформированными под воздействием исторических, ключевых для страны событий и личного опыта. Ценностный подход к мотивации персонала предполагает, что сотрудники будут мотивированы только той деятельностью и только теми результатами труда, которые они ценят. Поэтому рекомендуется формировать систему трудовой мотивации, носящую более индивидуализированный характер. Наиболее эффективным методом воздействия на представителей молчаливого поколения является установление справедливых принципов управления и распределения ресурсов (прозрачность процедур управления, социальное обеспечение). Поколение беби-бумеров откликается на инструменты целевого управления, четкое определение должностных обязанностей и регламентацию трудовых процессов. По отношению к поколению X применимы эффективные системы дифференцированного вознаграждения (четкая связь вознаграждения с качеством и результатами). Поколение Y мотивирует наличие карьерной лестницы и официально закрепленных шагов, которые необходимо предпринять для ее преодоления, гибкий характер системы оплаты труда⁹.

При всех наблюдаемых различиях в мотивации работников умственного и физического труда, различных поколений, мотив за-

⁸ См.: *Дривольская Н.А.* Совершенствование кадровой политики организации на основе активизации мотивационных механизмов: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Курск, 2016. С. 107; *Черников Б.В.* Взаимообусловленность трудовых ценностей и факторов мотивации поколенных групп работников: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Томск, 2014. С. 16–17.

⁹ См.: *Черников Б.В.* Указ. соч. С. 12–18.

рабатывания денег, как правило, занимает одну из первых позиций для большинства сотрудников. В связи с этим в исследованиях трудовой мотивации большое внимание уделяется моделям материальной мотивации. С.Н. Федотов разработал модель материальной мотивации, основанную на компетентностном подходе. Исследователь считает, что результаты труда каждого работника определяются его компетенциями, т.е. активно используемыми знаниями, профессионально важными личностными качествами и опытом. Он предлагает включить в систему мотивации весовые коэффициенты для различных групп компетенций и использовать оценочные баллы каждой из выявленных групп компетенций в определении индивидуального вознаграждения работника¹⁰.

В современных кризисных условиях особую актуальность приобретают модели нематериальной мотивации. По официальным данным Росстата, доля убыточных организаций в РФ в январе–феврале 2016 г. составила 35,7%, в результате этого возникает ряд ограничений по повышению зарплатных плат в российских компаниях¹¹. На фоне этого большинство исследователей выдвигают на первый план модели нематериальной мотивации, позволяющие повысить эффективность деятельности организаций без существенных финансовых затрат.

Н.А. Дривольская предлагает включить в кадровую политику организации мероприятия по формированию и поддержанию мотивационного климата в организации, а именно — создание мотивационного профиля по подразделениям и должностям, подбор сотрудников в соответствии с разработанным профилем и адаптация сотрудников. Данные мероприятия призваны сформировать у сотрудников внутреннее стремление к достижению целей организации, заинтересованность в целях организации, т.е. положительную групповую мотивацию работников. Н.А. Дривольская полагает, что в определенных условиях работник готов идентифицировать себя с компанией–работодателем, и задача менеджмента состоит в том, чтобы создать эти условия¹².

¹⁰ См.: *Федотов С.Н.* Формирование компетентностно-ориентированной системы мотивации и стимулирования труда работников предприятия: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2011. С. 8–18.

¹¹ О финансовых результатах деятельности организаций в январе–феврале 2016 года: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/80.htm (дата обращения: 27.04.2016).

¹² См.: *Дривольская Н.А.* Совершенствование кадровой политики организации на основе активизации мотивационных механизмов: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Курск, 2016. С. 41–45.

Другую модель нематериальной мотивации представляет в своем диссертационном исследовании И.Б. Стояновская¹³. Мотивация, по мнению исследователя, — это прежде всего вопрос лидерства. В качестве технологии мотивации предлагается коучинг, способствующий выявлению будущих лидеров, их развитию и продвижению. Коучинг позволяет применить индивидуальный подход к разным группам сотрудников, учесть их ценностные профили, а также выстроить четкую взаимосвязь между заработной платой и результатами труда. При применении подобного подхода удовлетворяется потребность сотрудников в самореализации.

Рассмотренные модели представляют собой модели конструктивной мотивации. Но не менее важным аспектом управления мотивацией в организации является ограничение деструктивной мотивации. Под деструктивной мотивацией понимается “побуждение работника к осуществлению деятельности или бездействия, которые наносят ущерб организации”¹⁴. Деструктивная мотивация препятствует достижению целей организации, угрожает ее стабильности.

В основе деструктивной мотивации, по мнению Д.А. Нарожной, лежит конфликт интересов сотрудника и организации, порожденный конкуренцией и неравенством распределения благ. Важнейшими предпосылками деструктивной мотивации работников на уровне всего общества являются высокий уровень разрыва доходов наемных работников и предпринимателей, слабая социальная защищенность работающих, высокий уровень безработицы, приватизация, проведенная без учета интересов большинства населения, несоблюдение работодателями трудового законодательства. На основании выявленной природы деструктивной мотивации Д.А. Нарожная предлагает ряд мер по ограничению данного явления, среди которых первостепенную значимость имеют такие меры, как учет результатов работы сотрудника при определении размера оплаты труда и формирование эффективной системы контроля за деятельностью персонала. В качестве важных мер отмечаются также меры на уровне государства, а именно формирование конструктивных трудовых ценностей — повышение престижа труда, распространение ценностей и практики социального партнерства¹⁵.

Актуальной исследовательской проблемой на современном этапе развития социологического знания также являются соци-

¹³ См.: *Стояновская И.Б.* Управление мотивацией персонала на различных этапах развития организации: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2014.

¹⁴ См.: *Нарожная Д.А.* Деструктивная мотивация персонала: причины и пути ограничения: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2016. С. 24.

¹⁵ См.: Там же.

альные технологии управления персоналом. Основа подобной актуальности — два базовых обстоятельства, характеризующие в целом исследовательскую парадигму в гуманитарном знании:

— во-первых, отмечается возрастающая роль человеческого фактора в достижении целей организаций и общества;

— во-вторых, повышается значимость технологизации управления развитием социума, что формирует новое качество социального взаимодействия в различных сферах.

В этом контексте растет необходимость таких изменений в системе управления персоналом организации, которые позволят ей соответствовать требованиям сегодняшнего времени¹⁶. Значительное количество авторов в качестве инструмента оптимизации управления персоналом рассматривают именно социальные технологии реализации рассматриваемой управленческой функции.

Одной из исследовательских проблем изучения социальных технологий управления персоналом организаций является формирование единого определения данной категории. В силу неоднозначности трактовки самого понятия “социальная технология управления” авторы зачастую не акцентируют внимания на терминологическом анализе, констатируя лишь содержательную направленность технологий. Это является явным пробелом в спектре исследований по рассматриваемой проблеме, хотя отдельные авторские трактовки все-таки представлены.

Довольно подробный анализ понятия “социальная технология управления персоналом” проводит О.В. Геппер, рассматривая исследуемую категорию как совокупность институционализированных управленческих практик руководителей, которая представляет собой систему связанных между собой социально одобряемых и повторяющихся методов, форм и приемов целесообразного воздействия на персонал, что позволяет достигать целей организации через реализацию функционально необходимых изменений социально-профессиональных характеристик работников, а также поддержания достигнутого уровня эффективности социально-профессиональной деятельности¹⁷.

Данным автором предлагается следующая структура социальной технологии:

- 1) целеполагание;
- 2) социальная трансформация — достижение цели;

¹⁶ См.: *Геппер О.В.* Социальные технологии управления персоналом коммерческих организаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2011.

¹⁷ См.: Там же.

3) социальная стабильность — обеспечение условий поддержания достигнутого состояния в обоснованный функционально период времени.

При этом выделяются следующие группы социальных технологий управления персоналом:

- 1) подбор и первичная профессиональная адаптация персонала;
- 2) установление системы нормирования деятельности персонала и социального контроля за ней;
- 3) социальное развитие профессионального потенциала;
- 4) мотивация и поддержание социальной лояльности организации¹⁸.

В целом, заслуга данного подхода не только в формулировании определения социальных технологий управления персоналом, но и в предпринятой попытке систематизации управленческой деятельности в этой области через его технологизацию.

На основании этого можно говорить, что само управление персоналом и его составляющие (функции управления персоналом, кадровые процессы) являются социальными технологиями, позволяющими упорядочить и оптимизировать воздействие на персонал.

Как одну из сфер применения социальных технологий управления персоналом можно рассматривать компетентностный подход. В исследованиях поднимается проблема развития конфликтологической компетентности менеджера¹⁹, способности генерировать креативные идеи²⁰ и т.д. В частности, ставится вопрос о необходимости формирования креативности государственных гражданских служащих посредством развития применения социальных технологий креативной среды. В данном случае создается такая творческая атмосфера, которая ориентирует персонал на восприятие новых идей и инноваций как ценностей, стимулирует креативные идеи, формирует корпоративную культуру, основанную на инновационном базисе²¹.

В целом, возможности инновационного развития организации видятся исследователям именно через призму применения социальных технологий управления персоналом. Значительное внимание уделяется социальным технологиям профессиональной под-

¹⁸ См.: *Геннер О.В.* Указ. соч.

¹⁹ См.: *Булатецкая А.Ю.* Социальные технологии формирования конфликтологической компетентности менеджеров в условиях трансформации управленческих отношений в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2014.

²⁰ См.: *Веремейчук А.Л.* Формирование креативности российской государственной гражданской службы как фактор повышения эффективности государственного управления: Автореф. дисс. ...канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов на/Д., 2015.

²¹ См.: Там же.

готовки персонала, которые рассматриваются как кроссферные, поскольку в их рамках реализуется комплекс методов социальной, педагогической, экономической информационной направленности, объединяемых управленческим контекстом²².

Формирование требуемого компетентностного уровня персонала в целом и каждого отдельного работника выступает как составная часть такого кадрового процесса, как обучение персонала, что само по себе является социальной технологией. В свою очередь технологии обучения являются элементом социальных технологий управления знаниями. Таким образом, получается, что через социальные технологии управления персоналом реализуется развитие организации в целом с учетом специфики современного этапа становления постиндустриальной экономики.

Система социальных технологий управления персоналом на современном этапе нуждается в соответствующем информационном обеспечении. Это позволит повысить эффективность применения социальных технологий управления персоналом, снизить транзакционные издержки, уменьшить риски кризисных ситуаций²³.

Отмечается, что в процессе реализации социальных технологий управления персоналом на современном этапе встречается ряд барьеров, которые препятствуют их эффективности. В качестве таких барьеров рассматривается ряд социально-экономических неопределенностей, к которым относятся:

- профессиональная неопределенность, связанная с профессиональной некомпетентностью лиц, принимающих управленческие решения;
- неопределенность внешней среды, связанная с недостаточностью информации о состоянии рынка труда;
- информационная неопределенность, связанная с недостатком или неточностью социально-экономической информации;
- стоимостная неопределенность из-за слишком большой платы за получение информации;
- ограничения в коммуникационном процессе и вызываемые этим неопределенности;
- количественная неопределенность из-за слишком большого числа ситуационных переменных в процессе принятия управленческих решений.

²² См.: Желнина Е.В. Социальная технология подготовки персонала как фактор инновационной активности промышленных предприятий: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.08. Тольятти, 2015.

²³ См.: Шкляр Д.Л. Информационное обеспечение системы социальных технологий в управлении персоналом организации: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2011.

Вся совокупность неопределенностей не позволяет с высокой степенью достоверности прогнозировать развитие ситуации в управлении персоналом. В связи с этим возникает необходимость формирования системы информационной обеспеченности применения социальных технологий управления персоналом²⁴.

Следует обратить внимание, что научные дискуссии и в теории, и на практике выстраиваются вокруг стремления создать технологическую основу развития персонала, принятия и реализации соответствующих управленческих процедур, конкретных кадровых решений²⁵.

В целом, социальные технологии управления персоналом рассматриваются как универсальные инструменты, позволяющие регулировать все сферы и направления работы с людьми в организации и их развитие.

Еще одна проблема, поднимаемая в диссертационных работах, — это трансформация занятости населения. Занятость — это неотъемлемая часть жизни человека, составляющая его социального развития, которая заключается в удовлетворении его потребностей в труде, трудовой деятельности. Интерес к проблемам занятости обусловлен в том числе и тем, что ценность “трудолюбия” находится на вершине в иерархии ценностей деловой культуры. Труд для человека является источником благополучия и богатства²⁶.

В этой связи можно отметить, что исследование проблем занятости очень актуально сегодня. Многие исследователи уделяют свое внимание, в частности, разработке методик, методов и способов обеспечения эффективного управления занятостью населения, поскольку рынок труда продолжает трансформироваться, набирают популярность новые формы и способы организации трудовой деятельности, и, соответственно, меняются и социально-трудовые отношения²⁷.

Под занятостью населения понимается любая деятельность, удовлетворяющая потребность людей в труде, приносящая им заработок (трудовой доход) и не противоречащая действующему законода-

²⁴ См.: Шкляр Д.Л. Указ. соч.

²⁵ См.: Узуньян Т.Р. Массовый подбор персонала как социальная технология: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2007.

²⁶ См.: Свердловская Е.А. Изучение динамики ценностей российской деловой культуры в контексте перспектив взаимодействия России и стран АТР // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР (мат-лы Всероссийский науч.-практ. конф. с международным участием 11–13 октября 2015). Владивосток, 2015. С. 276–278.

²⁷ См.: Чеканов А.Е. Управление занятостью населения в условиях трансформации социально-трудовых отношений: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2014.

тельству²⁸. В условиях транзитивной экономики способы организации труда меняются, все более распространяются нестандартные, гибкие формы организации трудовой деятельности.

Данные формы трудоустройства в свою очередь подразделяются на виды в соответствии с определенной классификацией. По критерию социально-экономической активности выделяется два вида занятости — занятость по найму (формальная занятость) и самозанятость, которая может быть как формальной, так и неформальной. В соответствии со способом организации трудовой деятельности выделяются две основных формы занятости — традиционная занятость и инновационная занятость. В условиях традиционной занятости трудовая деятельность осуществляется на стационарном рабочем месте; время, отведенное на труд, регламентируется вышестоящими руководителями. Труд в рамках традиционного способа трудоустройства фиксируется трудовым договором или контрактом, положения которого отражают права и обязанности сторон (работодатель — работник), а также особенности способов мотивации и стимулирования наемного работника. Традиционная занятость характеризуется низкими социальными рисками. Инновационная занятость, напротив, подразумевает удаленные или мобильные рабочие места, ненормированное время труда и отдыха. Трудовой договор или контракт может отсутствовать при такой деятельности, либо быть выполнен скорее формально, без уточнения нюансов трудовой деятельности, ограничиваться подписями сторон о предоставлении того или иного вида товаров или услуг и регламентировать материальную ответственность заказчика или покупателя. При этом инновационная, нестандартная, деятельность подразумевает высокие социальные риски ввиду отсутствия социальных гарантий²⁹.

В то же время в инновационной или нестандартной занятости можно выделить традиционные и новые формы организации труда³⁰. Традиционными формами нестандартной занятости являются неполная занятость, временная (случайная) занятость, самозанятость, надомный труд, работа по гибкому графику, работа по сменам. Новые формы нестандартной занятости — это разнообразные типы заемного труда (лизинг персонала, аутсорсинг, аутстаффинг), телеработа, гибкие формы занятости, фриланс и дауншифтинг.

²⁸ См.: *Чеканов А.Е.* Указ. соч.

²⁹ См.: Там же.

³⁰ См.: *Никишина О.Ю.* Нестандартная занятость как форма рационального использования рабочего времени в условиях инновационных преобразований: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

Распространение вышеперечисленных форм нестандартной занятости оказывает все большее влияние на рынок труда, формируется новый тип социально-трудовых отношений, что обуславливает необходимость разработки соответствующего механизма управления занятостью населения.

Эффективное управление занятостью населения в условиях социально-ориентированной рыночной экономики может быть обеспечено путем объединения традиционных и инновационных форм трудовых отношений, а также через взаимодействие трех ключевых субъектов управления занятостью — государства, бизнеса и науки³¹. Ключевыми функциями государства являются регулирование рынка труда и содействие обеспечению занятости, а также обеспечение достаточного количества вакантных рабочих мест в государственном секторе. Основными функциями бизнеса выступают подобающая организация рабочих мест и обеспечение совершенствования трудовых ресурсов. В рамках научно-образовательной сферы необходимо обеспечение хорошего качества образования трудовых ресурсов и фундаментальных знаний³².

Итак, управление занятостью населения через взаимодействие трех ключевых субъектов — государства, бизнеса и науки — позволяет пропорционально использовать традиционные и инновационные, нестандартные формы занятости. Соответственно, общие усилия трех ключевых субъектов способствуют оптимизации управления занятостью населения.

Среди подходов к эффективному управлению занятостью населения, используемых вышеобозначенными субъектами, отмечают, прежде всего, разработку актуальных комплексных программ содействия занятости, которые подразумевают совершенствование деятельности государственной службы занятости, создание кумулятивных образовательных программ, регулирование трудовой миграции³³. В то же время важно организовать обучение и переобучение как безработных, так и работающих граждан с помощью специализированных учебных центров профессиональной подготовки и содействия занятости, учитывающих способности работников и потребности общества и направленных на подготовку конкурентоспособных и востребованных на рынке труда кадров³⁴. Также

³¹ См.: *Чеканов А.Е.* Указ. соч.

³² См.: Там же.

³³ См.: Там же.

³⁴ См.: *Кривошеев В.Т.* Управление занятостью трудовых ресурсов в системе социального партнерства (теоретико-социологический анализ): Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Саратов, 2004.

одним из эффективных способов управления занятостью является проведение практик, стажировок в рамках работы отдела практик образовательных учреждений с выпускниками средних и высших учебных заведений. Информирование о ситуации на рынке труда в сфере занятости и маркетинговая поддержка тоже являются эффективными способами управления занятостью, поскольку таким образом осуществляется коммуникативная посредническая функция помощи работодателям и гражданам, желающим трудоустроиться³⁵.

Стремительное распространение новых форм нестандартной занятости в постиндустриальном обществе обуславливает необходимость создания новых рабочих мест в инновационных секторах социально-ориентированной экономики, обеспечения формирования разностороннего и целостного рынка труда и образования, регулирования демографического развития, содействия в трудоустройстве социально уязвимых групп (инвалиды, родители, не имеющие возможности оставить ребенка, многодетные родители, несовершеннолетние трудоспособного возраста, люди, ухаживающие за пожилыми или больными родственниками, заключенные)³⁶.

Как отмечает ряд авторов, современные экономические процессы, рост производства и геополитические изменения в России неизбежно формируют потребность в рабочей силе. Это является прямым доказательством того, что страна нуждается в активной политике занятости.

Согласно демографическому прогнозу Росстата до 2050, Россия стоит перед угрозой депопуляции, и, чтобы сохранить нынешнюю численность страны, необходим большой миграционный приток в размере 12% населения, что составляет около 20 млн человек³⁷. В связи с этим в условиях глобализации одним из наиболее актуальных путей управления занятостью на сегодняшний момент выступает привлечение внешних специалистов, например, трудовых мигрантов³⁸.

К тому же среди других стран, которые были сформированы на постсоветском пространстве, Россия представляет собой наиболее

³⁵ См.: *Варьянов А.И.* Управление занятостью и основные направления его совершенствования в субъектах РФ (на материалах Читинской области): Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Чита, 2006.

³⁶ См.: *Шипунов К.Б.* Принципы управления занятостью населения: формы и методы их реализации: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. СПб., 2009.

³⁷ См.: *Алексащенко С.* Как вымирает Россия: выводы из нового демографического прогноза. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/30/01/2015/54c8d2459a7947498564d371> (дата обращения: 30.01.2015.).

³⁸ См.: *Люев А.Х.* Влияние внешней трудовой миграции на российский рынок труда: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Нальчик, 2015.

экономически развитое государство, что делает ее привлекательной для иностранных рабочих, в частности из СНГ³⁹.

Одной из характерных особенностей российского рынка труда является то, что процесс его формирования имеет региональную специфику. Демографическая ситуация в стране, высокий уровень эмиграции за последние годы привели к дефициту трудовых ресурсов в конкретных регионах по ряду профессий. В связи с этим задачи трудовой миграции в России являются особенно актуальными в региональном контексте⁴⁰.

На российском рынке труда можно выделить два сегмента, в которых конкуренция практически отсутствует. Первый — это рабочие места с тяжелыми условиями работы, низким уровнем заработной платы, который, как правило, заполняется мигрантами. Второй представляет собой сегмент, требующий высококвалифицированной рабочей силы, и за который конкурирует местное население страны. В этом аспекте следует отметить и такой проблемный сектор Российской экономики, как малый бизнес. Труд мигрантов используют клининговые организации, фирмы, занимающиеся разного рода ремонтом, мелкая розничная торговля, организации, оказывающие услуги общественного питания. Можно отметить, что малый бизнес в России существенно поддерживается мигрантами⁴¹.

Тем не менее, трудовая миграция вызывает дефицит одних рабочих мест и избыток других. Работодатели зачастую нанимают иммигрантов в целях экономической выгоды, так как они представляют собой дешевую рабочую силу. При этом высококвалифицированные работники эмигрируют в другие страны⁴².

Таким образом, в связи с вступлением России в ВТО, экономическими изменениями и необходимостью поддержания конкурентоспособности страны возникает необходимость повышения качества человеческих ресурсов, что в свою очередь формирует научный интерес к изучению трудового миграционного потенциала.

³⁹ См.: *Лаверентьева М.А.* Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

⁴⁰ См.: *Новикова Е.В.* Трудовая миграция как фактор формирования регионального рынка труда: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2013.

⁴¹ *Барков С.А., Дорохина О.В.* Институциональные особенности трудовой миграции в современной России // *Народонаселение*. 2009. № 3. С. 58–63.

⁴² См.: *Ситникова Е.Л.* Социальная адаптация трудовых мигрантов: на примере Нижегородской области: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Н. Новгород, 2013.

Согласно Р.Р. Кугушеву, “трудовой потенциал формируется на основе природных данных (способностей), воспитания, образования, жизненного опыта и может быть использован в труде”⁴³.

Для того чтобы проводить оценку компетентности трудовых мигрантов, необходимы соответствующие критерии. В связи с этим предлагается внедрять профессиональные стандарты, которые отражают требования к знаниям, навыкам и квалификации рабочих мигрантов в соответствии с балльной системой ФМС России. Также существует поэтапная методика эффективного использования трудового потенциала работников-мигрантов на рынке труда в России⁴⁴.

С одной стороны, трудовая миграция восполняет дефицит трудоспособного населения. С другой стороны, она является почвой для формирования этносоциальных конфликтов в российском обществе на основе определенных социальных противоречий⁴⁵.

Одной из важнейших причин возникновения межэтнической напряженности между жителями принимающих регионов и трудовыми мигрантами являются определенные социокультурные различия — традиции, обычаи, нормы поведения, религиозные взгляды и т.д.

Как правило, мигранты живут достаточно изолированно от местных жителей, общаются только со своими земляками на родном языке, едят только национальные блюда и т.п. В связи с этим возникает необходимость проведения эффективной социальной адаптации приезжих мигрантов в российское общество.

Для этого предлагается решать такого рода проблемы как на государственном уровне (миграционная служба, федеральные и региональные органы власти)⁴⁶, так и на уровне гражданского общества (национальные диаспоры, землячества, культурные автономии, общественные организации мигрантов), а также на уровне работодателей и самих работников-мигрантов⁴⁷.

Поскольку миграционная политика государства представляет собой “политику привлечения, размещения, адаптации, включения в производственную и социокультурную среду”, существует необходимость изменения государственной миграционной политики с точки зрения эффективного управления миграционными пото-

⁴³ См.: *Кугушев Р.Р.* Совершенствование процесса регулирования трудовой миграции как фактор повышения эффективности занятости населения: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

⁴⁴ См.: Там же.

⁴⁵ См.: *Ситникова Е.Л.* Указ. соч.

⁴⁶ См.: *Бадальянц С.В.* Оптимизация управления процессами адаптации мигрантов в современной России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов н/Д., 2013.

⁴⁷ См.: *Ситникова Е.Л.* Указ. соч.

ками и их соответствующего распределения на территории РФ⁴⁸. Более того, необходимо оптимизировать систему управления адаптацией мигрантов в стране⁴⁹.

Подытоживая все вышесказанное, можно заключить, что в современную эпоху в области социологии управления особое внимание уделяется вопросам труда и занятости. Как и в любом комплексном процессе, в управлении персоналом могут быть выделены актуальные для научного дискурса направления — профессиональное развитие персонала, мотивация сотрудников, управленческое воздействие на различные формы занятости населения, трудовая миграция, социальные технологии в реализации функции управления.

Современные организации характеризуются повышением значимости человеческого фактора, вопросов качества и конкурентоспособности продукта или услуги, профессионализма сотрудников, такая ситуация стимулирует поиск новых форм и методов управления персоналом. Этот процесс сохраняет за собой статус одного из важнейших направлений деятельности организации и критериев ее экономического успеха.

Рассмотренные в статье аспекты управления персоналом не только представляют интерес для научного сообщества, но и имеют свою практическую составляющую. В конечном итоге от эффективности реализуемой деятельности по управлению персоналом во многом зависит настоящее и будущее организаций в различных отраслях экономики и государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко С. Как вымирает Россия: выводы из нового демографического прогноза. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/30/01/2015/54c8d2459a7947498564d371> (дата обращения: 30.01.2015.)

Бадальянц С.В. Оптимизация управления процессами адаптации мигрантов в современной России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов н/Д., 2013.

Барков С.А., Дорохина О.В. Институциональные особенности трудовой миграции в современной России // Народонаселение. 2009. № 3. С. 58–63.

Булатецкая А.Ю. Социальные технологии формирования конфликтологической компетентности менеджеров в условиях трансформации управленческих отношений в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2014.

Варьянов А.И. Управление занятостью и основные направления его совершенствования в субъектах РФ (на материалах Читинской области): Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Чита, 2006.

⁴⁸ См.: *Кугушев Р.Р.* Указ. соч.

⁴⁹ См.: *Бадальянц С.В.* Указ. соч.

Васильев К.А. Развитие профессиональной компетентности персонала организации в сфере информационно-коммуникационных технологий: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2012.

Веремейчук А.Л. Формирование креативности российской государственной гражданской службы как фактор повышения эффективности государственного управления: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов н/Д., 2015.

Геннер О.В. Социальные технологии управления персоналом коммерческих организаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2011.

Дремлова Ю.Г. Профессиональное развитие личности в организациях на основе технологий управления знаниями: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2008.

Дривольская Н.А. Совершенствование кадровой политики организации на основе активизации мотивационных механизмов: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Курск, 2016.

Желнина Е.В. Социальная технология подготовки персонала как фактор инновационной активности промышленных предприятий: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.08. Тольятти, 2015.

Заика М.М. Оценка уровня развития компетенций персонала в корпоративной системе управления знаниями: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2012.

Ильин И.В. Социальные и духовно-нравственные факторы трудовой мотивации: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2012.

Кондратьев Э.В. Концепция и механизмы развития управленческого персонала предприятия: Дисс. ... докт. эконом. наук: 08.00.05. Пенза, 2012.

Кривошеев В.Т. Управление занятостью трудовых ресурсов в системе социального партнерства (теоретико-социологический анализ): Дисс. ... докт. социол. наук: 22.00.08. Саратов, 2004.

Кугушев Р.Р. Совершенствование процесса регулирования трудовой миграции как фактор повышения эффективности занятости населения: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

Кудаева М.М. Развитие управленческого персонала банка на основе концепции конкурентоспособности: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2013.

Лаврентьева М.А. Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

Люев А.Х. Влияние внешней трудовой миграции на российский рынок труда: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Нальчик, 2015

Михеева М.А. Социальные технологии управления трудовым потенциалом научно-педагогического персонала вуза: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2010.

Нарожная Д.А. Деструктивная мотивация персонала: причины и пути ограничения: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2016.

Нечепуренко Ю.С. Управление развитием профессиональной компетентности персонала в российских трудовых организациях: на примере Европейского региона России: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2007.

Никишина О.Ю. Нестандартная занятость как форма рационального использования рабочего времени в условиях инновационных преобразований: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2015.

Новикова Е.В. Трудовая миграция как фактор формирования регионального рынка труда: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2013.

О финансовых результатах деятельности организаций в январе–феврале 2016 года: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/80.htm (дата обращения: 27.04.2016.).

Свердликова Е.А. Изучение динамики ценностей российской деловой культуры в контексте перспектив взаимодействия России и стран АТР // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР (мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием 11–13 октября 2015). Владивосток, 2015. С. 276–278.

Ситникова Е.Л. Социальная адаптация трудовых мигрантов: на примере Нижегородской области: Дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Н. Новгород, 2013.

Стояновская И.Б. Управление мотивацией персонала на различных этапах развития организации: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2014.

Узуньян Т.Р. Массовый подбор персонала как социальная технология: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 2007.

Федотов С.Н. Формирование компетентностно-ориентированной системы мотивации и стимулирования труда работников предприятия: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2011.

Чеканов А.Е. Управление занятостью населения в условиях трансформации социально-трудовых отношений: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. М., 2014.

Черников Б.В. Взаимообусловленность трудовых ценностей и факторов мотивации поколенных групп работников: Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Томск, 2014.

Шинунов К.Б. Принципы управления занятостью населения: формы и методы их реализации: Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. СПб., 2009.

Шкляр Д.Л. Информационное обеспечение системы социальных технологий в управлении персоналом организации: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2011.

Юрасова М.В. Проблемы измерения современного менеджмента // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1.

REFERENCES

Aleksashenko S. Как вымирает Россия: выводы из нового демографического прогноза. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/30/01/2015/54c8d2459a7947498564d371> (дата обращения: 30.01.2015).

Badal'janc S.V. Optimizacija upravljenja processami adaptacii migrantov v sovremennoj Rossii: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. Rostov n/D., 2013.

Barkov S.A., Dorohina O.V. Institucional'nye osobennosti trudovoj migracii v sovremennoj Rossii // Narodonaselenie. 2009. N 3. S. 58–63.

Bulateckaja A.Ju. Social'nye tehnologii formirovanija konfliktologicheskogo kompetentnosti menedzherov v uslovijah transformacii upravlencheskich otnoshenij v sovremennoj Rossii: avtoref. diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. SPb., 2014.

Chekanov A.E. Upravlenie zanjatost'ju naselenija v uslovijah transformacii social'no-trudovyh otnoshenij: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2014.

Chernikov B.V. Vzaimoobuslovlennost' trudovyh cennostej i faktorov motivacii pokolennyh grupp rabotnikov: avtoref. diss. ... kand. nauk: 08.00.05. Tomsk, 2014.

Dremova Ju.G. Professional'noe razvitie lichnosti v organizacijah na osnove tehnologij upravljenija znanijami: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. M., 2008.

Drivol'skaja N.A. Sovershenstvovanie kadrovoj politiki organizacii na osnove aktivizacii motivacionnyh mehanizmov: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. Kursk, 2016.

Fedotov S.N. Formirovanie kompetentnostno-orientirovannoj sistemy motivacii i stimulirovanija truda rabotnikov predprijatija: avtoref. diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2011.

Gepper O.V. Social'nye tehnologii upravljenija personalom kommercheskich organizacij: avtoref. diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. M., 2011.

Il'in I.V. Social'nye i duhovno-nravstvennye faktory trudovoj motivacii: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. M., 2012.

Jurasova M.V. Problemy izmerenija sovremennogo menedzhmenta // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2016. N 1.

Kondrat'ev Je.V. Koncepcija i mehanizmy razvitija upravlencheskogo personala predprijatija: diss. ... dokt. jekonom. nauk: 08.00.05. Penza, 2012.

Krivosheev V.T. Upravlenie zanjatost'ju trudovyh resursov v sisteme social'nogo partnerstva (teoretiko-sociologicheskij analiz): diss. ... dokt. social. nauk: 22.00.08. Saratov, 2004.

Kudaeva M.M. Razvitie upravlencheskogo personala banka na osnove koncepcii konkurentosposobnosti: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. Novosibirsk, 2013.

Kugushev R.R. Sovershenstvovanie processa regulirovanija trudovoj migracii kak faktor povyshenija jeffektivnosti zanjatosti naselenija: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2015.

Lavrent'eva M.A. Vlijanie trudovoj migracii na regional'nyj rynek truda: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2015.

Ljuev A.H. Vlijanie vneshnej trudovoj migracii na rossijskij rynek truda: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.04. Nal'chik, 2015.

Miheeva M.A. Social'nye tehnologii upravljenija trudovym potencialom nauchno-pedagogicheskogo personala vuza: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. SPb., 2010.

Narozhnaja D.A. Destruktivnaja motivacija personala: prichiny i puti ograničenija: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. M., 2016.

Nechepurenko Ju.S. Upravlenie razvitiem professional'noj kompetentnosti personala v rossijskich trudovyh organizacijah: na primere Evropejskogo regiona Rossii: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. M., 2007.

Nikishina O.Ju. Nestandardnaja zanjatost' kak forma racional'nogo ispol'zovanija rabocheho vremeni v uslovijah innovacionnyh preobrazovanij: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2015.

Novikova E.V. Trudovaja migracija kak faktor formirovanija regional'nogo rynka truda: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2013.

O finansovyh rezul'tatah dejatel'nosti organizacij v janvare-fevrale 2016 goda: Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/80.htm (data obrashhenija: 27.04.2016).

Shipunov K.B. Principy upravlenija zanjatost'ju naselenija: formy i metody ih realizacii: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. SPb., 2009.

Shkljar D.L. Informacionnoe obespechenie sistemy social'nyh tehnologij v upravlenii personalom organizacii: avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk: 22.00.08. SPb., 2011.

Sitnikova E.L. Social'naja adaptacija trudovyh migrantov: na primere Nizhegorodskoj oblasti: diss. ... kand. social. nauk: 22.00.04. N.Novgorod, 2013.

Stojanovskaja I.B. Upravlenie motivaciej personala na razlichnyh jetapah razvitiya organizacii: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. M., 2014.

Sverdlikova E.A. Izuchenie dinamiki cennostej rossijskoj delovoj kul'tury v kontekste perspektiv vzaimodejstvija Rossii i stran ATR // Problemy modelirovanija social'nyh processov: Rossija i strany ATR (mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem 11–13 oktjabrja 2015). Vladivostok, 2015. S. 276–278.

Uzun'jan T.R. Massovyj podbor personala kak social'naja tehnologija: avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk: 22.00.08. M., 2007.

Var'janov A.I. Upravlenie zanjatost'ju i osnovnye napravlenija ego sovershenstvovanija v sub#ektah RF (na materialah Chitinskoj oblasti): diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. Chita, 2006.

Vasil'ev K.A. Razvitie professional'noj kompetentnosti personala organizacii v sfere informacionno-kommunikacionnyh tehnologij: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. Ekaterinburg, 2012.

Veremejchuk A.L. Formirovanie kreativnosti rossijskoj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby kak faktor povyshenija jeffektivnosti gosudarstvennogo upravlenija: avtoref. diss. ... kand. social. nauk: 22.00.08. Rostov n/D., 2015.

Zaika M.M. Ocenka urovnja razvitiya kompetencij personala v korporativnoj sisteme upravlenija znanijami: diss. ... kand. jekonom. nauk: 08.00.05. Novosibirsk, 2012.

Zhel'nina E.V. Social'naja tehnologija podgotovki personala kak faktor innovacionnoj aktivnosti promyshlennyh predpriyatij: avtoref. diss. ... dokt. Social. nauk: 22.00.08. Tol'jatti, 2015.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Т.Н. Кухтевич, докт. филос. наук, проф., ведущий аналитик социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

Е.Н. Соломатина, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова***

ОБЗОР ТЕМАТИКИ И СОДЕРЖАНИЯ ДИССЕРТАЦИЙ ПО СОЦИОЛОГИИ, РАССМОТРЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫМ СОВЕТОМ Д 501.001.01 НА БАЗЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА с 2005 по 2015 г.

N.G. Osipova, professor, doctor of sociological sciences, dean of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: soc@socio.msu.ru

T.N. Kuchtevich, professor, doctor of philosophy sciences, senior analyst of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: soc@socio.msu.ru

E.N. Solomatina, candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of modern sociology of the Faculty of Sociology of The Lomonosov Moscow State University, e-mail: solomatina.08@mail.ru

OVERVIEW OF SUBJECTS AND THE CONTENTS ON SOCIOLOGY DISSERTATIONS, ANALYZED BY THE COUNCIL D 501.001.01 BASED ON THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY from 2005 to 2015

В статье проанализированы основные темы и содержание кандидатских и докторских диссертаций по социологии, защищенных в диссертационном совете Д 501.001.01 на базе МГУ имени М.В. Ломоносова в период с 2005 по 2015 г. Тематика защищенных диссертаций соответствует приоритетным научным направлениям социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и посвящена решению современных социологических проблем. Существенное значение при анализе тематики и содержания диссертационных работ уделяется рассмотрению научной новизны как совокупности новых научных результатов и положений, которые содержат решение актуальной научной проблемы, имеющей важное значение для дальнейшего развития социологической науки и свидетельствующей о личном вкладе автора в науку.

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: soc@socio.msu.ru

** Кухтевич Татьяна Николаевна, e-mail: soc@socio.msu.ru

*** Соломатина Елена Николаевна, e-mail: solomatina.08@mail.ru

Докторские диссертации посвящены анализу социальной справедливости и ее роли в консолидации современного российского общества, анализу социального генезиса права, социокультурных процессов в организации, социализации молодежи в транзитивном обществе.

Кандидатские диссертации по специальности 22.00.01 базируются на серьезном анализе теоретико-методологических подходов классиков социологической науки, современных концепций отечественных и зарубежных авторов. Кандидатские диссертации по специальности 22.00.04 посвящены исследованию взаимосвязанных структур общества, трансформационных процессов в социальной структуре, социальной стратификации, изучению новых элементов социальной структуры, изменению социальных институтов. В кандидатских диссертациях по специальности 22.00.06 исследуются социологические проблемы культуры — ее структуры, социальных функций, форм, уровней, культурной динамики, традиции и инновации, глобальные и локальные тенденции в развитии культуры, культурная социализация молодежи.

Ключевые слова: социология, научная тема, научная новизна, кандидатская диссертация, докторская диссертация, научная специальность.

This article analyzes the main subjects and contents of candidate and doctoral dissertations on sociology, which have been defended in dissertation council D 501.001.01 based on the Lomonosov Moscow State University starting from year 2005 until 2015. The subjects of the defended dissertations fully comply with the priority research areas of the Sociological faculty of MSU and is dedicated to solving modern sociological issues. While analyzing the subject and the content of the dissertations, a major priority was given to overview the scientific novelty, as a complex of new scientific results and provisions, which contain the solution to the actual issue, which is important for the future development of sociology, and which witness the author's personal impact in this particular area.

The doctoral dissertations are based on the analysis of social equality and its role in the consolidation of the modern Russian society, analysis of the genesis of social rights, sociocultural processes in organizations, and the socialization of young people in the transition society.

The candidate's dissertations (PhD) based on specialty 22.00.01, rely on a serious analysis of theoretical and methodological approaches of the classics of sociology, modern concepts of domestic and foreign authors. The candidate's dissertations (PhD) on the specialty 22.00.04 are devoted to the study of related structures of society, transformation processes in the social structure, social stratification, the study of the new elements of the social structure, changes in social institutions. The candidate's dissertations (PhD) on the specialty 22.00.06 explore the sociological problems of culture — its structure, social functions, forms, levels, cultural dynamics, tradition and innovation, global and local trends in the development of culture, cultural socialization of youth.

Keywords: sociology, scientific topic, scientific novelty, candidate dissertation (PhD), doctoral dissertation, scientific specialty.

Информационная справка. Диссертационный совет по социологическим наукам был утвержден в 1990 г. на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, осуществляющего подготовку профессиональных социологов в течение 27 лет. Новый состав диссертационного совета Д 501.001.01 утвержден приказом Рособрнадзора от 28.06.2011 г. № 1343-222.

В своей деятельности диссертационный совет руководствуется Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжением Президента РФ, постановлениями Правительства РФ (“О порядке присуждения ученых степеней” от 24 сентября 2013 г. № 842), Положением о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук от 13.01.2014 г. № 7.

Основу диссертационного совета Д 501.001.01 по социологическим наукам составляют профессора социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — крупные ученые, ведущие серьезные исследования по приоритетным научным направлениям факультета, многие из них возглавляют научные школы, которые охватывают практически все предметные области социологии.

Специальности, по которым диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации:

- 22.00.01 — Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.06 — Социология культуры;
- 22.00.08 — Социология управления (до 2008 г.).

Председатель диссертационного совета — доктор социологических наук, профессор Осипова Надежда Геннадьевна, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Заместители председателя совета — доктор философских наук, профессор Гречихин Владимир Григорьевич; доктор философских наук, профессор Кухтевич Татьяна Николаевна. Ученый секретарь — кандидат социологических наук, доцент Соломатина Елена Николаевна.

Адрес совета: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, д.1, стр. 33, 3-й учебный корпус, социологический факультет МГУ, ком. № 519. Тел. (495) 939-09-94, e-mail: diss@socio.msu.ru.

За последние десятилетия в российском обществе произошли кардинальные социальные преобразования, которые привели к формированию новой социально-экономической структуры, изменению характера политической власти, системы культурных и духовных ценностей. Масштабные трансформационные процессы затронули современное образовательное пространство, всю сферу научных знаний. Обострилась потребность постоянного взаимодействия социологов в системной организации научного поиска по приоритетным научным проблемам, постановке и решению новых иссле-

довательских задач. Проведение фундаментальных теоретических исследований, их сочетание с эмпирическими исследованиями, создание новых методик, структурирование на новом уровне категориального аппарата предъявляют высокие требования к социологической науке и подготовке научных кадров. В этой связи представляется актуальным анализ тематики и содержания диссертационных работ по социологии, защищенных за последние 10 лет в диссертационном совете Д 501.001.01, и определение того, насколько она отвечает вызовам современного российского общества.

В период с 2005 по 2015 г. в диссертационном совете было защищено 4 диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук и 103 диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Тематика защищенных диссертаций соответствует приоритетным научным направлениям социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и посвящена решению современных социологических проблем.

По специальности 22.00.01 “Теория, методология и история социологии” защищена 1 докторская и 29 кандидатских диссертаций; по специальности 22.00.04 “Социальные структуры, социальные институты и процессы” защищено 3 докторских и 58 кандидатских диссертаций; по специальности 22.00.06 “Социология культуры” защищено 8 кандидатских диссертаций; по специальности 22.00.08 “Социология управления” защищено 8 кандидатских диссертаций в 2005 и 2006 гг.

Существенное значение при анализе тематики и содержания диссертационных работ уделялось рассмотрению научной новизны как совокупности новых научных результатов и положений, которые содержат решение научной проблемы, имеющей важное значение для развития социологической науки и свидетельствующей о личном вкладе автора в науку. Действительно, “в социологии научная новизна заключается в наличии теоретических положений, которые впервые сформулированы и содержательно обоснованы, методических рекомендаций, которые внедрены в практику и оказывают существенное влияние на достижение новых социально значимых результатов. Новыми могут быть только те положения диссертационного исследования, которые способствуют дальнейшему развитию социологической науки в целом или отдельных ее направлений”¹.

Докторские диссертации. Исследователей интересовал широкий круг проблем, к которым в настоящее время проявляют большой

¹ Добренков В.И., Осипова Н.Г. Кандидатская диссертация по социологии: методология подготовки, правила оформления, порядок защиты. М., 2005. С. 15.

интерес как отечественные, так и западные социологи. Эти работы посвящены анализу и роли социальной справедливости в консолидации современного российского общества (22.00.04), анализу социального генезиса права (22.00.01), социокультурных процессов в организации (22.00.04), социализации молодежи в транзитивном обществе (22.00.04). Авторы двух последних работ, М. Гитлинг и Т. Емчура, являются гражданами Республики Польша. В 2005–2008 гг. социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова имел тесные научные и культурные контакты с Университетом города Ополе (проведение научных конференций в России и Польше, обмен опытом подготовки специалистов-социологов и др.). Это сотрудничество было полезно как для ученых России, так и Польши, обогащая их научные представления, знакомя с культурой и образом жизни каждой страны.

Докторская диссертация М. Гитлинг посвящена комплексному исследованию процессов социальной коммуникации в современной организации. Внимание уделяется анализу специфики деятельности социальных институтов и организаций в условиях радикальной трансформации общества, рассмотрены происходящие в организациях социокультурные процессы, выявлена специфика доминирования образовательно-коммуникативной функции управления в успешной организации. В рамках проведенного исследования определены социокультурные качества человека, детерминирующие его деятельность и поступки в условиях транзитивного общества, показано единство и различие между информационным и коммуникативным менеджментом, выявлена их роль в становлении социокультурных характеристик современных транзитивных обществ, направленно развивающихся к информационной культуре. В научную терминологию введено понятие “коммуникативно-компетентная личность” и выявлены оптимальные социальные технологии, обеспечивающие ее формирование на основе деятельного участия человека во всех делах организации. В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что в успешных организациях доминирует образовательно-коммуникативная функция управления, а диалог как особая форма социокультурного процесса является успешным при учете личностных смыслов субъектов общения. На основе анализа конкретной практики деятельности современных польских организаций сделан вывод о том, что коммуникативные принципы управления способствуют их более эффективной деятельности, обеспечению стабильности кадров и возрастанию значимости для каждого работника норм и ценностей корпоративной культуры организации².

² См.: Гитлинг М. Социокультурные процессы в организации: коммуникативный аспект: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2005. С. 13–14.

В докторской диссертации Т. Емчуры раскрыта специфика молодежи как особой социально-демографической группы в пост-социалистических странах, которая формировалась в условиях радикальных трансформаций в экономической, общественно-политической и духовно-нравственной сферах жизни общества, когда традиционные институты социализации, в первую очередь партийно-государственный аппарат власти и руководимые им молодежные организации, утратили свой авторитет. Исследована роль социальных институтов транзитивного общества как каналов социализации подрастающих поколений, выявлено значение традиционных и новых каналов социализации, обусловленных радикальными трансформациями всех сфер жизни общества, эволюцией его социальной структуры и процессами глобальной интеграции. Раскрыта роль традиционных и новых каналов социализации молодежи, показано, что каждый из наиболее значимых социальных институтов, осуществляющих социализацию молодежи постсоциалистических стран, существенно изменился в условиях транзитивности: семья становится более нестабильной и малодетной, коммерциализируется система образования, превращается в сервисно-ориентированную деятельность, а само образование в либерально-демократическом обществе перестает быть обязанностью подрастающих поколений, но не приобретает статуса правовой нормы, в связи с затянувшейся реформацией системы образования. Среди новых каналов социализации значение приобретают СМИ и интернет, в первую очередь это мощные информационные потоки США, практического монополиста в этой сфере.

Рассмотрено массовое сознание как социокультурный феномен, проанализирована его структура и исследованы современные главные функции. Показано, что основу жизненных миров, определяющих направленность мировоззрения подрастающих поколений, составляют стереотипы сознания и социальные представления, полученные в процессе социализации. Раскрыта роль базовых и инструментальных ценностных ориентаций современной молодежи, выявлены два главных направления эволюции системы ценностей — преимущественно в мир ценностного сознания западного образца, а также преимущественно на этнонациональные традиции и культурные нормы, язык и конфессию как базисные слагаемые ментальности и национального характера.

Раскрыто содержание трансляции культуры подрастающим поколениям в современном постсоциалистическом обществе, которое предполагает наличие в обществе тех или иных развитых форм и способов передачи культурных образцов, а значит, и направленное формирование определенной социальной инфраструктуры, в рамках

которой осуществляется этот процесс. Два компонента этой инфраструктуры являются ключевыми для ее понимания — совокупность социальных технологий, обеспечивающих передачу культурных образцов, и социальное время, отпущенное обществом для этого процесса³.

Кандидатские диссертации. Содержание специальности 22.00.01 “Теория, методология и история социологии” предполагает исследование фундаментальных проблем социологической науки, истории развития социологической мысли, теоретико-методологических подходов к анализу социальных систем, процессов, явлений, изучение работ классиков социологической науки и их современное прочтение, разработку новых теоретических методов сбора, обработки и обобщения эмпирических данных.

По специальности 22.00.01 защищено 29 кандидатских работ. Диссертационные работы, как правило, базируются на серьезном анализе теоретико-методологических подходов классиков социологической науки, современных концепций отечественных и зарубежных авторов. Так, исследование концепций социального контроля в американской социологии в конце XIX — XX в. побудило автора осуществить исторический анализ, обозначить этапы развития этих концепций, показать и обосновать положение об использовании в американской социологии широкой и узкой трактовки социального контроля. Широкая трактовка социального контроля как механизма, “который обеспечивает соответствие социальных отношений и поведения индивидов социальным нормам” и создает для этого необходимые условия; в рамках узкого подхода социальный подход — это “организованная деятельность по борьбе с девиантным и делинквентным поведением”⁴. Рассматривается также эволюция взглядов на социальный контроль: от широкого (конец XIX — начало XX в.) к узкому (конец XX — начало XXI в.), когда он стал рассматриваться только “как борьба с девиантными и делинквентными явлениями”⁵.

Другой исследователь, осуществляя теоретико-методологический анализ социального контроля коррупционных отношений в настоящее время, предложил использовать два подхода: функционально-бихевиористский, в рамках которого коррупция рассматривается как вид поведения, форма социального обмена, в частности,

³ См.: *Емчура Т.* Институты социализации молодежи транзитивного общества: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М., 2005. С. 14–19.

⁴ См.: *Обрывалина О.А.* Концепции социального контроля в американской социологии конца XIX–XX веков: историко-социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014. С. 6–7.

⁵ Там же. С. 20.

как злоупотребление служебным поведением; и институционально-интеракционистский, определяющий коррупцию как вид социально-экономических отношений, характерный для субъектов экономических и государственных институтов. В работе осуществлен историко-социологический анализ эволюции форм коррупции в истории России, а также обобщен опыт организации социального контроля коррупционных отношений в Германии, США и других странах. Сделан вывод, что “в современной России предпринимаются попытки реализовать государственный и общественный контроль коррупции, но контроль коррупционных отношений пока не является приоритетным”⁶.

Многие исследователи обращаются к анализу процессов функционирования СМИ и их влиянию на общество. На основе анализа классических трудов и работ современных социологов автор делает вывод, что для современного этапа характерно отсутствие единого мнения социологов по вопросу влияния СМИ на общество. Перспективными автор считает такие теории, как “теория выстраивания приоритетов”, “теория культивации” и др. Исследуются проблемы совершенствования методов сбора и обработки эмпирических данных, этот процесс должен идти в русле усиления его комплексности — сочетания эксперимента, опроса, контент-анализа и других методов⁷.

Интересно решена проблема использования теоретических подходов классиков в контексте современности при изучении концепции социального характера Э. Фромма и Д. Рисмена. В настоящее время в развитых обществах в результате возникновения новых социокультурных процессов формируется оригинальный тип социального характера. Рассматриваемая концепция позволяет выявить сформированные в условиях постиндустриального общества продуктивную и непродуктивную составляющие социального характера. К продуктивным сторонам социального характера современной личности относятся креативность, творчество, свобода мышления, вовлеченность в разнонаправленный жизненный опыт, индивидуализм и внутренняя свобода. К непродуктивным чертам в настоящее время относятся всепроникающий гедонизм, нарциссизм, предпочтение поверхностного, “контактного” общения, ориентации, страх и одиночество, эгоизм, преобладание бессознательной мотивации в поведении⁸.

⁶ См.: *Ардельянова Я.А.* Социальный контроль коррупционных отношений: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013. С. 6–7.

⁷ См.: *Юрченко Е.И.* Средства массовой информации и общество: социологический анализ западных теорий: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010. С. 10–11.

⁸ См.: *Араблинская А.А.* Концепции социального характера Э. Фромма и Д. Рисмена в контексте современности: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2009. С. 7–8, 20.

В работе, посвященной анализу современных зарубежных теорий социальной революции, автор обратился к концепциям, многие из которых до настоящего времени не привлекали внимание отечественных социологов либо вообще не были переведены на русский язык. Вместе с тем автор обратился к классическим теориям отечественных социологов. Осуществив историко-социологический анализ, а также изучив современные зарубежные теории революций, он показал трансформацию взглядов исследователей на сущность, причины, процесс и результаты социальной революции. Наиболее общими моментами в определении социальной революции, с которой согласно большинство современных теоретиков являются “широкая мобилизация масс, насилие, новизна и всеобщность перемен”. И далее: “Новым является определение характера революционного субъекта, отказ от насилия и захвата государства в качестве революционных методов, а также влияние, оказываемое на каждую концепцию теми или иными социологическими дискурсами”⁹.

В диссертации, посвященной анализу теоретических и эмпирических исследований американских социологов религии конца XX — начала XXI в., представлена панорама современной американской социологии религии, позволяющая понять главные проблемы, теоретические установки и направления развития социологии религии в сегодняшнем мире. Исследователем выявлены основные механизмы влияния американского протестантизма на современную общественную жизнь в США, выделены ключевые подходы и теоретические дилеммы рассмотрения американского протестантизма социологами США, проведен анализ современных теоретических подходов в свете эмпирических исследований американского протестантизма. Основное содержание диссертации и теоретико-методологические выводы имеют существенное значение для понимания североамериканского общества и роли религии в нем на современном этапе его развития; они актуальны и с точки зрения привнесения в отечественную социологию знаний о новых теориях, методологии анализа религиозной жизни общества, а также развития социологического “инструментария” изучения религии¹⁰.

Динамизм социальной жизни определяет необходимость теоретической разработки новых подходов к анализу научных категорий.

⁹ См.: *Карасев Д.Ю.* Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2015. С. 18, 23, 25.

¹⁰ См.: *Иванова Е.А.* Протестантизм в США: анализ теоретических и эмпирических исследований американских социологов религии конца XX — начала XXI века: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012. С. 9—10.

Одним из перспективных направлений научных исследований является исследование критериев идентификации высшего класса. В результате анализа и систематизации широкой базы исследования выделены классические и современные концепции западной социологии, мало изученные российскими социологами, в которых исследуется высший класс и критерии его идентификации; предложены методологические принципы отбора критериев: разграничение понятий “высший класс” и “элита”; выделен экономический фактор как превалирующий; семья признана в качестве фундаментальной единицы анализа членства в высшем классе. Сформулировано определение высшего класса, соответствующее современным российским реалиям: “совокупность семей с высоким материально-имущественным положением, обеспечивающее им господствующее место в системе властных отношений и положительно привилегированную оценку их социального положения, занимающих передающиеся по наследству ведущие должностные позиции в ключевых социальных институтах, а также отличающихся общностью социального происхождения, элитным образованием и демонстративным образом жизни”¹¹.

В другом диссертационном исследовании предлагается по-новому взглянуть на традиционно выделяемые критерии среднего класса. Обосновывается положение о недостаточности традиционного подхода к содержанию понятия “средний класс” и необходимость внесения дополнительного социокультурного критерия. Данный вывод сделан на основе теоретического анализа и систематизации различных подходов к определению среднего класса в трудах отечественных и зарубежных социологов¹².

Исследователь, изучивший традиционно существовавшие в социологической теории базовые подходы к анализу социальной стратификации, показал их трансформации в работах западных и отечественных социологов с середины XX в. Характеризуя мнение современных социологов, автор поддержал их вывод, что “современные классы не адекватны марксистскому определению классов”. Необходимо учитывать, “что наряду с экономической эксплуатацией появилась еще политическая и организационная. Поскольку изменяются отношения собственности, изменяется и способ формирования социальной стратификации”¹³.

¹¹ См.: *Козлова Л.В.* Критерии идентификации высшего класса в западной социологии: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2015. С. 7–9.

¹² См.: *Аглиуллова А.Х.* Критерии идентификации среднего класса в России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011. С. 7.

¹³ См.: *Батуренко С.А.* Социальная стратификация и неравенство в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ современных концепций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 14–15, 25–26.

Трансформационные процессы социальных систем на национальном и мировом уровне, особенно интернационализация экстремизма и терроризма, актуализировали изучение проблем безопасности — экономической, политической, духовной, информационной. Исследуя проблемы безопасности, автор опирается на социокультурный подход, что позволило рассмотреть проблему “через соотносительность безопасности общества с потребностями, интересами и ценностными ориентациями личности, общества, государства во всех сферах общественной жизни”¹⁴.

В настоящее время внимание ученых привлекают современные миграционные процессы и их новое теоретическое осмысление. В диссертационной работе на основе анализа концепций как классических, так и современных отечественных и западных социологов, автором предложено понятие “миграция населения” как глобальный социальный процесс; обоснована целесообразность использования введенных в научный оборот отечественными и западными социологами таких понятий, как “диффузия”, “антропоток”, “креолизация”, “трансмиграция”¹⁵.

Среди диссертационных исследований по специальности 22.00.01 есть работы, в которых представлено теоретическое обобщение социальной практики. Примером может служить диссертация, посвященная анализу социокультурной адаптации мусульманских общин в западноевропейских обществах. Автор обратился к теоретическому осмыслению практических аспектов процесса социокультурной адаптации мусульманских общин в западноевропейских странах. Делается вывод о необходимости учета их внутреннего расслоения по возрастным, гендерным и другим характеристикам. Одновременно община рассматривается как “квазиединая этнорелигиозная группа на основании самоидентификации ее представителей”¹⁶. Выделены факторы, препятствующие интеграции представителей мусульманских общин в западноевропейские общества: мигранты-мусульмане второго и третьего поколения наиболее конфликтны, восприимчивы к пропаганде (и действиям) экстремизма; существование в среде коренного населения принимающей страны; неправомерное отождествление ислама с экстремизмом; сложившиеся в западноевропейских странах достаточно благоприятные

¹⁴ См.: *Соломатина Е.Н.* Формирование социологического знания о безопасности в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2004. С. 8.

¹⁵ См.: *Блинова М.С.* Современные социологические теории миграции населения: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 7.

¹⁶ См.: *Пономарева А.М.* Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейских обществах: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010. С. 8–9.

условия для свободного существования радикальных исламистов; “наконец, политика двойных стандартов, проводимая правительствами западных стран и США”, в том числе в борьбе с международным терроризмом¹⁷.

Присутствуют работы, посвященные социологическому анализу национально-культурной идентификации современной российской молодежи, методологии социологического анализа, роли религиозного фактора в социализации российской молодежи в условиях глобализации и ряд других.

Содержание специальности 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” предполагает анализ общества и как социального организма, его взаимосвязанных структур, отношений и взаимодействий; и как части мирового пространства, развивающегося под влиянием противоречивых, общемировых глобальных и локальных тенденций, исследование трансформационных процессов в социальной структуре, социальной стратификации; изучение новых элементов социальной структуры, углубление социального неравенства, появление новой направленности и форм социальной мобильности в современном российском обществе; изменения в структуре и функциях социальных институтов, эволюция ценностных ориентаций личности, социальных общностей, моделей их поведения.

По специальности 22.00.04 за десять лет в диссертационном совете было защищено 58 кандидатских диссертаций.

Анализ тематики и содержания работ показал, что большое их количество посвящено изучению трансформаций в социальной структуре российского общества, в том числе формированию и деятельности новых социально-групповых общностей. Так, интересна работа, в которой исследователь концентрирует свое внимание на анализе стратегии социальной ответственности бизнеса в деятельности компаний, корпораций в условиях модернизирующегося российского общества. В работе представлен исторический анализ возникновения и развития этой концепции, ее разработка в современной западной социологии; рассматриваются модели, в которых успешно реализуются стратегии социальной ответственности в условиях стран с традициями “рыночного капитализма”.

Определяя социальные предпосылки и причины распространения и актуализации концепций социальной ответственности бизнеса в России автор обращает внимание на “кризис социального государства как государства всеобщего благосостояния и общее ослабление позиций государства в социальной сфере”, а также

¹⁷ Пономарева А.М. Указ. соч. С. 12–13, 18.

формирование в современной России нового слоя предпринимателей — “бизнес-слой”¹⁸. Основными факторами, “определяющими специфику социально ответственной практики являются: прочность социальных ожиданий населения по отношению к государству; несформированность общественного запроса на социальную ответственность бизнеса; высокая степень объективной зависимости бизнеса от государства и местных органов власти”¹⁹.

Анализ практической реализации концепции показал, что пока она “не выступает объединяющим началом для представителей всех уровней российского бизнеса”. Вместе с тем, по мнению автора, в условиях современного российского общества могут использоваться как успешные западные модели, так и российские, применяющие “принцип взаимодействия бизнеса, государственной и муниципальной власти, отражающий специфику российских управленческих традиций”²⁰.

Интерес к исследованию научного сообщества как актора модернизации современного российского общества связан с трансформационными процессами в мировом и национальном развитии — повышении роли науки, ценности научного знания, интеллектуальной деятельности, с потребностью в широком использовании новых информационных технологий, “что обуславливает существенные изменения в социальной структуре современного общества”²¹. Для современной России неотложной задачей является формирование национальной инновационной системы, требующей кардинальной модернизации всех сфер общественной жизни.

На основе систематизации работ российских и зарубежных авторов в контексте междисциплинарного подхода в работе формируется понимание научного сообщества как “социальной структуры с присущими ей системными характеристиками” и дается его определение как “сложноорганизованной социальной системы, обладающей специфической социально-стратификационной структурой с уникальными особенностями функционирования и коммуникаций, совместными интересами входящих в нее субъектов, их сотрудничеством, общими нормами и образцами социальных, экономических отношений, наличием ценностно-этических норм и группового внутрисообщного контроля, с относительно автономной по отношению к обществу в целом, но и с формами взаи-

¹⁸ См.: *Суханова К.Л.* Социальная ответственность бизнеса в условиях модернизации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ См.: *Кособуко М.Э.* Научное сообщество как социальный актор модернизации современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012. С. 1.

модействия с окружающей средой”²². Это позволяет сформировать предпосылки понимания научного сообщества как социальной структуры.

Исследователи обратили внимание на процессы, происходящие в разновозрастных социально-демографических группах — молодежь, пожилые люди. Молодежь представлена как сложная, внутренне неоднородная социально-демографическая группа. В ее среде существует широкий спектр традиционных, модернизационных, гибридных ценностей, ценностных ориентаций, моделей поведения. Как значимый социализирующий фактор рассматривается государственная молодежная политика, обращается внимание на то, что государство свои задачи по развитию духовных и нравственных качеств молодежи нередко передает СМИ. Обоснована необходимость выделения нового субъекта общественной молодежной политики — традиционные религиозные конфессии; определено содержание конфессиональной общественной молодежной политики, имеющей определенную систему взглядов на формирование ценностей молодежи, в первую очередь нравственных²³.

Постарение населения Земли проявляется как мировой глобальный процесс, последствия которого имеют многоаспектный характер, оказывают влияние на все стороны жизни общества, а также на самоопределение личности пожилого человека.

Автор показывает, что постарение российского общества имеет определенные социокультурные особенности: большое количество пенсионеров, проживающих в городах центральных районов страны (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород); в старших когортах женщин существенно больше, чем мужчин; многие пенсионеры продолжают работать, особенно в госбюджетной сфере. Показана значимость моделей стратификации этой социально-демографической группы: по семейным, возрастным, гендерным, экономическим позициям, по месту проживания и т.д. Сделан вывод, что государственная политика поддержки пожилых не всегда учитывает эту внутреннюю дифференциацию. Немаловажным также является утверждение в общественном сознании понимания растущего преобладания в жизни общества пожилых людей и потому необходимости достижения консенсуса, взаимной поддержки, взаимного уважения между различными поколениями, людьми разных возрастов²⁴.

²² Кособуко М.Э. Указ. соч. С. 5–6, 8.

²³ См.: Елишев С.О. Молодежная политика в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010. С. 7.

²⁴ См.: Померанцева Т.Н. Старость как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 6–7.

Изучению трансформации социальных институтов посвящено довольно большое количество работ. Это современное состояние и тенденции развития семьи, модернизация системы образования, новые формы коммуникации, роль интернета, телевидения, рекламы. Состояние российской семьи определяется в целом как кризисное, но отмечается ряд амбивалентных тенденций в ее развитии: большинство семей находятся в зарегистрированном браке, однако доля не регистрирующих свой семейный союз возрастает; чаще стали усыновлять детей-сирот, детей-инвалидов; в общественном мнении утверждается положительное отношение к многодетности, однако это не сочетается с реальностью. Молодые люди предпочитают иметь одного-двух детей или вообще их не иметь, а многодетная семья в современном российском обществе пока является исключением. В работе сделан вывод, что в России в возрождении семьи существенная роль принадлежит традиционным ценностям российской культуры и религии²⁵.

Образование как один из ведущих социальных институтов, трансформационные процессы в системе высшего образования современного российского общества, их влияние на доступность и качество подготовки специалистов с высшим образованием вызвали особый интерес исследователей.

Одним из ведущих принципов реформирования системы образования является его коммерциализация. В своей диссертации автор, анализируя значение этого нововведения, делает вывод, что введение платности не решило проблемы доступности высшего образования для всех слоев общества, особенно в условиях минимизации доходов основной части населения. Более того, многие авторы отмечают снижение критериев качества получаемого образования, нарушение традиционного принципа получения высшего образования на основе оценки личных способностей и знаний абитуриента в ходе конкурсных экзаменов. Это не соответствует и такой функции образования, как развитие личности, ее творческого и гражданского потенциала.

Среди наиболее серьезных недостатков в развитии системы высшего образования исследователи отмечают увеличивающиеся рассогласования между потребностями научно-технического и социального развития общества, спроса на кадры, на определенные профессии; потребность населения в образовании, в которой отражается выбор молодым поколением жизненных стратегий, мотивация выбора профессий, что усугубляет трудоустройство вы-

²⁵ См.: Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014. С. 12.

пускников; слабое стимулирование высоких результатов студентов в учебном процессе и одновременно снижение требований к знаниям студентов на зачетах и экзаменах. Подобная ситуация ведет к ориентации на “среднего студента” и ухудшает качество выпускаемых специалистов²⁶. Однако к сожалению, работы по этой проблематике были защищены в 2005–2010 гг., а в последующие годы тема “образование” практически отсутствовала в диссертационных исследованиях.

Внимание авторов привлекло изучение рекламы как объекта социологического анализа. Реклама является социальным институтом и определяется также как “специализированное коммуникативное средство, как воздействие на массовое сознание”²⁷. Раскрывается социальная особенность рекламы как коммуникативного средства, которая заключается в том, что рекламное сообщение служит интересам субъекта (заказчика) распространения данного сообщения, а не объекта, которому оно адресовано. Интересы заказчиков рекламы с позиций интересов общества могут иметь как негативные, так и позитивные влияния. Исследование наружной рекламы в г. Москве показало, что она носит в основном потребительско-ориентированный характер и гораздо в меньшей степени социально-ценностный; частная коммерческая реклама негативно воздействует на человека, снижает общий уровень его культуры и запросов (особенно молодежи). Исследуя особенности наружной рекламы в таком мегаполисе как Москва, автор обращает внимание на то, что она должна учитывать особенности социокультурной среды, ее архитектурного и социокультурного своеобразия, а также социокультурные нормы, традиции современного общества²⁸.

Рассматривая моду как социальный институт, автор реализовал институциональный подход в качестве базового, что позволило выявить ее специфические функции: создание и поддержание символического порядка, определения социального статуса, структурирование процесса потребления, что обогащает наше знание по этим проблемам²⁹.

Возрастание роли религиозного фактора в мировом и национальном развитии актуализирует необходимость изучения религи-

²⁶ См.: *Ткачук О.В.* Развитие негосударственного высшего образования в современной России: коммуникативный аспект: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 14.

²⁷ См.: *Ероценкова Н.Е.* Наружная реклама как элемент коммуникативной среды мегаполиса: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 9–10.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ См.: *Михалева К.Ю.* Мода как социальный институт: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012. С. 8.

озных процессов в условиях глобализации, их позитивного и негативного влияния на общественную жизнь, формирование ценностей, жизненных ориентиров населения.

Для современного российского общества имеет значение изучение государственно-церковных отношений и их роли в консолидации общества. Проведенный анализ государственных документов и базового программного документа “Основы социальной концепции РПЦ” позволил определить направления и формы взаимодействия государства и РПЦ, сделать вывод, что в современной России наиболее перспективными являются основанные на принципах социального партнерства социальные модели отношений государства и РПЦ, построенные на принципах диалога с другими конфессиями, всеми слоями российского общества³⁰.

Другой исследователь, анализируя состояние современных религиозных процессов в мировом пространстве, показал, что проявления и последствия глобализации оказывают на них противоречивое воздействие: продолжение “секуляризации” и встречный процесс — “религиозной ренессанс”, ослабление влияния традиционных религий и одновременно их укрепление в тех странах, где идет процесс укрепления национальных приоритетов. Особое внимание обращается на опасность исламского фундаментализма и его связей с международным терроризмом. В задачу автора входил анализ официальных документов различных конфессий, который показал, что в той или иной степени в них учитывается противоречивый характер последствий глобализации. Указывается на необходимость укрепления межконфессионального сотрудничества на международном уровне, в том числе в борьбе с фундаментализмом, смыкающимся с терроризмом³¹.

Среди проблем, вызывающих особое беспокойство, можно назвать рост преступности и ее влияние на общественное развитие современного российского общества. Актуальным направлением научных исследований является изучение процессов криминализации современного российского общества, которое достаточно аргументировано решается в тематике диссертационных работ. Автор, исследующий эту проблему обращает внимание на то, что в современном российском обществе проявляются старые, либо ранее скрытые, и возникают новые явления криминального ха-

³⁰ См.: *Лановенко А.А.* Социально-исторический процесс взаимодействия государства и церкви: современный социокультурный подход: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012. С. 8, 24.

³¹ См.: *Шатунов А.Д.* Влияние глобализации на социальные доктрины современных церквей и религиозных организаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 8, 14, 16, 20.

рактера — неконтролируемая эскалация преступности, распространение криминальных процессов на все большее социальное пространство, криминальное перерождение институциональных структур общества. Криминализация рассматривается как “дезорганизационный процесс, выражающийся в распространении и закреплении установок и образцов криминального поведения и как следствие этого в деформации социальных институтов общества”³². По мнению автора, в процесс криминализации общества вовлечены разные социальные слои общества, “включая элитные круги, особенно сформированные из бывшей номенклатуры, а также представители крупных собственников и криминалитета”³³.

Авторы, анализирующие различные виды преступлений, уделяют внимание исследованию терроризма: дают его сущностную характеристику как социального феномена, определяют причины, порождающие террористическую угрозу и возможности ее предупреждения, анализируют имеющийся опыт борьбы с мировым терроризмом.

Среди диссертационных исследований по специальности 22.00.04 есть работы, которые посвящены анализу концепций города и урбанизации в западной социологии, формированию имиджа России в постсоветский период, анализу интернета как коммуникативного пространства, лоббизма как социального феномена и его особенностей в современном российском обществе.

Содержанием специальности 22.00.06 “Социология культуры” являются исследования социологических проблем культуры — ее структуры, социальных функций, форм, уровней, культурной динамики; традиции и инновации как основы бытия культуры; глобальные и локальные тенденции в развитии культуры; культура и инновационная деятельность; культурная коммуникация в условиях инновационного общества; культурная социализация молодежи.

Основными объектами специализации являются культура, наука, образование, искусство, религия, средства массовой информации и коммуникации.

Анализируя проблему коммуникации как основы научной деятельности, автор определяет ее как “упорядоченную систему социальных взаимодействий, направленных на поиск, накопление и распространение научных знаний об окружающей действительности”³⁴. Структура научного коллектива определяется как “открытая система коммуникативных взаимодействий, дифференци-

³² См.: *Лобанова О.В.* Особенности криминализации современного российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 13.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ См.: *Бойченко О.В.* Коммуникация как основа научной деятельности: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. М., 2012. С. 6.

рующих членов коллектива согласно плотности коммуникативных связей, близости к переднему краю исследований, наличию специфических ролей в рамках разделения труда³⁵. Существенная роль отводится неформальной структуре в научном коллективе, в том числе авторитету неформального лидера, его коммуникативности, влиянию на эффективность научной деятельности, выбор научных направлений, тематический план научной деятельности.

Изучая непрофильное образование как социокультурный феномен, автор характеризует его как “элемент реформирования современной российской высшей школы и ее важнейшей сегмент”³⁶. Наиболее оптимальным вариантом дальнейшего развития непрофильного образования, с точки зрения автора, является «переход от удовлетворения потребностей в образовательных услугах исключительно гуманитарной и экономической сферы на “обслуживание” профильного производства, что позволит сегменту непрофильного образования занять особую нишу на рынке образовательных услуг»³⁷.

По мнению автора, переход непрофильного образования на удовлетворение потребностей производственной сферы в специалистах экономического и гуманитарного профиля может быть осуществлен путем следующих преобразований: “открытие в вузе непрофильных специальностей, наиболее востребованных в производственной отрасли, где специализируется данный вуз; учет региональных особенностей развития рынка труда; включение в учебный план по непрофильным специальностям технических дисциплин, соответствующих профилю вуза; установление контактов с предприятиями в рамках производственной практики”³⁸.

В работе, посвященной изучению экологического сознания городского населения, автор провел историко-социологический анализ, который показал, что экологическая проблематика в социальных науках стала серьезно изучаться уже в середине XIX в. (О. Конт, К. Маркс, Ф. Энгельс), приобретая на каждом последующем этапе растущую значимость.

На основе систематизации современных теоретических подходов отечественных и западных социологов автор сделал вывод о существовании различных интерпретаций понятия “экологическое сознание”, что зависит от конкретных исторических обстоятельств и идейной позиции автора.

³⁵ Бойченко О.В. Указ. соч. С. 7.

³⁶ См.: Гамазкова Л.С. Непрофильное образование как социокультурный феномен: тенденции развития в условиях современной России: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010. С. 6.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 8.

Проводившиеся автором социологические исследования позволили выявить состояние экологического сознания городского населения (на примере г. Смоленска). Население обеспокоено экологической ситуацией в городе, особенно теми проблемами, с которыми оно сталкивается в повседневной жизни — загрязнение воздуха, воды, проблема вывоза мусора, близость экологически опасных объектов промышленности и энергетики. Вместе с тем, готовность городского населения к деятельности по улучшению экологической ситуации выражена слабо, решительных действий ожидают от органов местного управления. Однако автор не определил основные направления оптимизации решения экологических проблем в городе на основе совместной деятельности власти и населения, а также дальнейшего формирования экологического сознания молодежи и всего населения города в целом³⁹.

Современный характер социальных и личностных изменений, происходящих под воздействием компьютерных социальных сетей, стремительные темпы порожденных ими трансформаций обосновывают значимость качественной оценки социокультурных практик личности в условиях социально-сетевой коммуникации⁴⁰. Так, в диссертационном исследовании по указанной проблеме автор научно обосновывает понятие “информационно-коммуникативная культура” “как совокупность актуальных информационно-коммуникативных технологий, средств связи и коммуникации, а также обусловленных ими устойчивых форм социальных отношений, социальных практик и артефактов, являющихся неотъемлемой частью социокультурной реальности”⁴¹. Результаты социологического исследования подтверждают существование равномерно представленных в социальных сетях пользовательских стратегий (ориентаций) реализации личностно-деятельностных практик — ориентации на совместную деятельность, ориентации на творчество, ориентации на преобразование среды, информационно-коммуникативной ориентации⁴².

Есть также работы, посвященные анализу формирования аудитории российского телевидения, роли оперного искусства в формировании ценностных ориентаций зрительной аудитории, трансформации российского спорта в эпоху глобализации и ряд других исследований.

³⁹ См.: *Двойнев В.В.* Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Смоленск, 2009. С. 13–14.

⁴⁰ См.: *Гримов О.А.* Социокультурные практики личности в социальных сетях: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Курск, 2014. С. 4.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² Там же. С. 12–13.

Закljučая аналитический обзор, следует отметить, что рассмотренные диссертационные работы отличались актуальностью, новизной и социальной значимостью, были выполнены на достаточно высоком методическом уровне с использованием комплекса современных методов исследования. Анализ тематики диссертационных работ показал, что в ней представлены и достаточно аргументированы проблемы, характеризующие многообразие общественной жизни современной России, особенно те изменения, которые пока слабо отражены в имеющихся научных публикациях. Полученные научные выводы достаточно аргументированы и ценны, по сравнению с выводами других авторов, присутствуют обзор и анализ существующих работ российских и зарубежных авторов по проблеме исследования. Действительно, можно отметить определенную положительную динамику, хотя, конечно, чтобы работы соответствовали современным высоким требованиям, необходимо приложить немалые усилия и соискателям, и научным руководителям, и кафедрам, и диссертационному совету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аглиуллова А.Х. Критерии идентификации среднего класса в России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Араблинская А.А. Концепции социального характера Э. Фромма и Д. Рисмена в контексте современности: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2009.

Ардельянова Я.А. Социальный контроль коррупционных отношений: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013.

Батуренко С.А. Социальная стратификация и неравенство в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ современных концепций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008.

Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008.

Бойченко О.В. Коммуникация как основа научной деятельности: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012.

Гамазкова Л.С. Непрофильное образование как социокультурный феномен: тенденции развития в условиях современной России: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010.

Гитлинг М. Социокультурные процессы в организации: коммуникативный аспект: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М., 2005.

Гримов О.А. Социокультурные практики личности в социальных сетях: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Курск, 2014.

Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014.

Двойнев В.В. Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Смоленск, 2009.

- Добреньков В.И., Осипова Н.Г.* Кандидатская диссертация по социологии: методология подготовки, правила оформления, порядок защиты. М., 2005.
- Елишев С.О.* Молодежная политика в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- Емчура Т.* Институты социализации молодежи транзитивного общества: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М., 2005.
- Ерощенко Н.Е.* Наружная реклама как элемент коммуникативной среды мегаполиса: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- Иванова Е.А.* Протестантизм в США: анализ теоретических и эмпирических исследований американских социологов религии конца XX — начала XXI века: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012.
- Карасев Д.Ю.* Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2015.
- Козлова Л.В.* Критерии идентификации высшего класса в западной социологии: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2015.
- Кособуко М.Э.* Научное сообщество как социальный актор модернизации современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012.
- Лановенко А.А.* Социально-исторический процесс взаимодействия государства и церкви: современный социокультурный подход: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012.
- Лобанова О.В.* Особенности криминализации современного российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2006.
- Михалева К.Ю.* Мода как социальный институт: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2012.
- Обрывалина О.А.* Концепции социального контроля в американской социологии конца XIX—XX веков: историко-социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014.
- Померанцева Т.Н.* Старость как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- Пономарева А.М.* Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейских обществах: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- Соломатина Е.Н.* Формирование социологического знания о безопасности в современном российском обществе: теоретико-методологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2004.
- Суханова К.Л.* Социальная ответственность бизнеса в условиях модернизации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- Ткачук О.В.* Развитие негосударственного высшего образования в современной России: коммуникативный аспект: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- Шатунов А.Д.* Влияние глобализации на социальные доктрины современных церквей и религиозных организаций: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- Юрченко Е.И.* Средства массовой информации и общество: социологический анализ западных теорий: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2010.

REFERENCES

- Agliullova A.H.* Kriterii identifikacii srednego klassa v Rossii: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2011.
- Arablinskaja A.A.* Konceptcii social'nogo haraktera Je. Fromma i D. Rismena v kontekste sovremennosti: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2009.
- Ardel'janova Ja.A.* Social'nyj kontrol' korrupcionnyh otnoshenij: teoretiko-metodologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2013.
- Baturenko S.A.* Social'naja stratifikacija i neravenstvo v sovremennom rossijskom obshhestve: teoretiko-metodologicheskij analiz sovremennyh koncepcij: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2008.
- Blinova M.S.* Sovremennye sociologicheskie teorii migracii naselenija: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2008.
- Bojchenko O.V.* Kommunikacija kak osnova nauchnoj dejatel'nosti: sociologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. M., 2012.
- Dvojnev V.V.* Jekologicheskoe soznanie gorodskogo naselenija: sostojanie i perspektivy razvitija: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. Smolensk, 2009.
- Dobren'kov V.I., Osipova N.G.* Kandidatskaja dissertacija po sociologii: metodologija podgotovki, pravila oformlenija, porjadok zashhity. M., 2005.
- Elishev S.O.* Molodjozhnaja politika v formirovanii cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodjozhi: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2010.
- Emchura T.* Instituty socializacii molodezhi tranzitivnogo obshhestva: Avtoref. diss. ... dokt. sociol. nauk. M., 2005.
- Eroshhenkova N.E.* Naruzhnaja reklama kak jelement kommunikativnoj sredy megapolisa: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2005.
- Gamazkova L.S.* Neprofil'noe obrazovanie kak sociokul'turnyj fenomen: tendencii razvitija v uslovijah sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2010.
- Gitling M.* Sociokul'turnye processy v organizacii: kommunikativnyj aspekt: Avtoref. diss. ... d-ra sociol. nauk. M., 2005.
- Grimov O.A.* Sociokul'turnye praktiki lichnosti v social'nyh setjah: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. Kursk, 2014.
- Grudina T.N.* Cennostnye orientacii mnogodetnoj sem'i v Rossii: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2014.
- Ivanova E.A.* Protestantizm v SShA: analiz teoreticheskikh i jempiricheskikh issledovanij amerikanskih sociologov religii konca XX — nachala XXI veka: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2012.
- Jurchenko E.I.* Sredstva massovoj informacii i obshhestvo: sociologicheskij analiz zapadnyh teorij: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2010. *Karasev D.Ju.* Sovremennye zarubezhnye teorii social'nyh revolucij: sociologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2015.
- Kozlova L.V.* Kriterii identifikacii vysshego klassa v zapadnoj sociologii: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2015.
- Kosobuko M.Je.* Nauchnoe soobshhestvo kak social'nyj aktor modernizacii sovremennoj Rossii: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2012.

Lanovenko A.A. Social'no-istoricheskij process vzaimodejstvija gosudarstva i cerkvi: sovremennyj sociokul'turnyj podhod: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2012.

Lobanova O.V. Osobennosti kriminalizacii sovremennogo rossijskogo obshhestva: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2006.

Mihaleva K.Ju. Moda kak social'nyj institut: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2012.

Obryvalina O.A. Konceptii social'nogo kontrolja v amerikanskoj sociologii konca XIX–XX vekov: istoriko-sociologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2014.

Pomeranceva T.N. Starost' kak sociokul'turnyj fenomen: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2005.

Ponomareva A.M. Sociokul'turnaja adaptacija musul'manskih obshhin v zapadnoevropejskih obshhestvah: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2010.

Shatunov A.D. Vlijanie globalizacii na social'nye doktriny sovremennyh cerkvej i religioznych organizacij: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2005.

Solomatina E.N. Formirovanie sociologicheskogo znanija o bezopasnosti v sovremennom rossijskom obshhestve: teoretiko-metodologicheskij analiz: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2004.

Suhanova K.L. Social'naja otvetstvennost' biznesa v uslovijah modernizacii rossijskogo obshhestva: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2010.

Tkachuk O.V. Razvitie negosudarstvennogo vysshego obrazovanija v sovremennoj Rossii: kommunikativnyj aspekt: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk. M., 2005.